

 европа

Владислав Сурков

ТЕКСТЫ 97-07

Москва
Издательство «Европа»
2008

УДК 323.2
ББК (Т) 66.3 (2Рос)
С 30

Директор *Вячеслав Глазычев*
Главный редактор *Глеб Павловский*

Владислав Сурков

С 30 Тексты 97–07. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 192 с.

Сборник статей и устных выступлений, предлагаемый вниманию читателя, является прежде всего сборником политических текстов, с важным авторским уточнением. Помощник Президента РФ, Владислав Сурков настаивает, что и сама политика есть текст. Сегодня тексты политикам пишут анонимные коллективы спичрайтеров, это вошло в традицию. Однако Сурков традицию взламывает. Он выступает перед читателем и как автор собственных текстов, и как автор заложенных в них идей.

The collection of articles and oral addresses, offered to the reading audience, is in the first place a collection of political texts, with an important elaboration from the author. RF President's aide Vladislav Surkov insists that politics itself is a text. Today, texts for politicians are written by anonymous groups of speechwriters – this has become a tradition. Surkov, however, is breaking this tradition. He addresses the reader as the author of both his own texts and the concepts they convey.

УДК 323.2
ББК (Т) 66.3 (2Рос)

ISBN 978-5-9739-0154-7

© Ильницкий С., оформление
обложки, 2008
© Издательство «Европа», 2008

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Сборник статей и устных выступлений, предлагаемый вниманию читателя, является прежде всего сборником политических текстов, с важным авторским уточнением. Помощник Президента РФ, Владислав Сурков настаивает, что и сама политика есть текст. Сегодня тексты политикам пишут анонимные коллективы спичрайтеров, это вошло в традицию. Однако Сурков традицию взламывает. Он выступает перед читателем и как автор собственных текстов, и как автор заложенных в них идей.

Идея Суркова о суверенной демократии вызвала острую, еще не законченную полемику. Недругов в России и за рубежом раздражает сам факт, что российский чиновник высокого класса выступает с идейной позицией, как независимый public philosopher, — на что, по мнению антагонистов «режима Путина», он не имеет права.

Однако и весьма почтенные люди возражали автору именем строгой теории: демократия в прилагательных не

нуждается! Что совершенно верно — до тех пор, пока демократия для нации остается всего лишь теорией. А политически воплощенная, нашедшая для себя место и укоренившаяся в жизни народа, демократия часто обзаводится прилагательными места и времени. Трактат Аристотеля о демократии Афин именуется «Афинская политика»; школьник в Канзасе изучает учебники по «Рыночной демократии». Вот и русской политической культуре предстоит найти имя для своей амбициозной, героической попытки — обустроить Россию на несокрушимых демократических основаниях.

Тексты политика и теоретика демократии Владислава Суркова провоцируют переход от полемики к открытому идейному диалогу. А такой диалог, во все времена считавшийся спутником демократии, будет интересен и читателю.

РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. ВЗГЛЯД ИЗ УТОПИИ

Во-первых, хотел бы сразу предупредить, чтобы слово «лекция» и то, что мы находимся в Академии наук, не ввело вас в заблуждение. Мой рассказ будет носить ненаучный характер, а может быть, местами даже антинаучный. Хотя я очень уважаю науку и считаю ее (это прозвучит в моем рассказе) очень важной отраслью для дальнейшего развития России. Я также извиняюсь, что, видимо, не смогу обойтись без некоторых слов, которые мне как чиновнику, может быть, и произносить не пристало. Таких как «холизм», «архетип» и прочее в этом роде. Но, сами знаете, говоря о культуре, трудно держаться в рамках. Итак, давайте поговорим.

Тем из нас, кто любопытен, повезло. Мы живем во времена громадных перемен и больших новостей. Двадцать лет как мы свидетели и участники тревожной и впечатляющей трансформации русского мира. Различия между тем, что было, что есть и что, как предполагается, будет, столь поразительны, что мы часто называем нашу страну новой Россией. Как если бы это был Новый Свет — или новый дом.

Между тем мы не за морем, место обитания не поменяли. Новое здание российской демократии строится на историческом фундаменте национальной государственности.

Можно спорить об особенностях планировки и отделки. Кому-то по душе имперский стиль, кому-то — мещанский, есть любители футуристических экспериментов. Но как бы ни поменялся дизайн нашего дома, главные его пропорции и отличительные черты предопределены, как мне кажется, фундаментальными категориями и матричными структурами нашей истории, национального самосознания, культуры.

Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии. Он жизнеспособен в той мере, в какой естественен, то есть национален. Если не отрицает русскую политическую культуру, а принадлежит ей и развивается не вопреки, а вместе с ней.

Демократия в нашей стране в чем-то «как у всех», а в чем-то своеобразна. Так же как универсальны, похожи, но при этом и уникальны, своеобразны модели наиболее успешных демократий Америки, Европы и Азии.

Чтобы понять, как будет развиваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры. Политическая же культура — это одно из проявлений культуры как таковой, в широком и высоком смысле. Стереотипы современной политики воспроизводятся с уникальной матрицы национального образа жизни, характера, мировоззрения.

Попробуем уяснить, какова эта матрица. Какой форме сознания соответствует? Какой способ узнавания и преобразования мира задает? Короче, что есть русская культура?

Ответов может быть множество, но я не решусь дать ни одного от себя. Приведу удивительное по краткости и глубине определение Ивана Ильина: «Русская культура есть созерцание целого». Что-то похожее находим и у Николая Бердяева: «Русские призваны дать... философию цельного духа... Если возможна в России великая и самобытная культура, то лишь культура религиозно-синтетическая, а не аналитически-дифференцированная». О том же у Евгения Трубецкого: «Русским более свойственно познание мира религиозной интуицией как органического целого в отличие от Запада, где философы проникали в тайны мира, расчлняя его рассудком на составные части для анализа...» И это не обособленное мнение мыслителей одной школы. Вели-

кий человек другой эпохи и совсем других взглядов, скептик и, кажется, атеист Иосиф Бродский писал о «русском хилизме», предполагающем «идею перемены миропорядка в целом», и даже о «синтетической (точнее: не-аналитической) сущности русского языка»¹.

То есть мы видим, что русское культурное сознание описано как явно холистическое, интуитивное — и противопоставленное механистическому, редукционистскому. Характерно, хотя и спорно, противопоставление русского типа мышления не просто редукционистскому, а редукционистскому именно как западному, то есть не без геополитического подтекста.

По этой версии в нашей мыслительной и культурной практике синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным. Что, понятно, не означает, будто у русских нет аналитических способностей, а у народов Западной Европы — интуиции. Еще как есть! Тут вопрос соотношения. Русского, скажем так, в большей степени интересует время, а чертеж будильника — в меньшей.

Итак, в основе нашей культуры — восприятие целого, а не манипулирование частностями; собирание, а не разделение. Воспользуемся этим предположением как аксиомой для определения параметров реальной политики.

На мой взгляд, названная фундаментальная данность наделяет российскую политическую практику как минимум тремя яркими особенностями.

Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов. Опять же все эти вещи имеются и в других политических культурах, но в нашей несколько сверх средней меры.

Сильная центральная власть на протяжении веков собирала, скрепляла и развивала огромную страну, широко разместившуюся в пространстве и времени. Проводила все значимые реформы.

При этом холистическое мировосприятие позволяло русской культуре гибко взаимодействовать с культурами других российских народов. Интегрировать, не разрушая, все многообразие их обычаев, сохранять целостность пестрого общего мира.

¹ Такая точка зрения распространена и сегодня. Например, по словам известного современного писателя и интеллектуала А. Бычкова «русское сознание более целостно, религиозно, мистично, магично. (...) Русское сознание синтетично...» НГ-Exlibris. № 7 (452) от 28 февраля 2008 г.

В наши дни смещение власти к центру стабилизировало общество, создало условия для победы над терроризмом и поддержало экономический рост.

Не так уж важно, стала ли российская модель централизованного государства следствием «моноцентристского» архетипа национального бессознательного или сам этот архетип сложился под прессом исторических обстоятельств. В любом случае наличие могущественного властного центра и сегодня понимается большинством как гарантия сохранения целостности России, и территориальной, и духовной, и всякой.

На практике: стягиванию российских земель к центру, в единое целое государство служит процедура наделения губернаторов полномочиями по представлению президента, а также административный аппарат федеральных округов и централистские тенденции межбюджетных отношений. Собираение разрозненных политически активных групп в крупные, общенационального калибра партии обеспечивается пропорциональной моделью парламентских выборов. Запрет создавать политпартии по региональному либо религиозному, профессиональному признаку подчеркивает, что партии должны не только разделять избирателей по взглядам и убеждениям, но и объединять их вокруг общих ценностей. Избирателей — разделять, народ — соединять. Таким мог бы быть принцип российской многопартийности.

Президент, находясь в центре демократической системы, является гарантом демократической Конституции и сбалансированности разделенных властей — исполнительной, представительной и судебной.

Нарушение этого баланса, неосторожная и несвоевременная децентрализация всегда будут ослаблять российскую демократию. Порождать хаос и деградацию социальных институтов, структур демократической власти. Их будут в таких случаях подменять, как уже бывало, олигархические клики и вненациональные организации.

На практике: и понятие центра власти, и методы централизации, и способы сохранения целостности меняются во времени. Они становятся нелинейными, смягчаются, усложняются. Но в некоторых политических культурах роль центральной власти неизменно велика, например во Франции. В США прямо культ института президента. Главу государства там часто называют самым могущественным человеком на планете. Попастъ же на высшие государственные посты, не связав карьеру с одной из двух вечно правящих партий, образующих непробиваемую политическую дуополию федерального

центра, просто невозможно. Свободное общество, кажется, заинтересовано в сильной и устойчивой центральной власти.

О персонификации политических институтов. Она очевидна. Говорят, в нашей стране личность вытесняет институты. Мне кажется, в нашей политической культуре личность и есть институт. Далеко не единственный, но важнейший.

Холистическое мировосприятие эмоционально. Оно требует буквального воплощения образов. Доктрины и программы, конечно, имеют значение. Но выражаются прежде всего через образ харизматической личности. И только потом с помощью букв и силлогизмов.

На практике: самые массовые политические партии едва различимы за персонами их лидеров. Мы говорим партия — подразумеваем имярек. Крупнейшая общественная организация в стране, «Единая Россия», считает своим лидером президента, а свою программу называет «план Путина». Некоторые партии и представить нельзя без их вождей. Может быть, поэтому так редко эти вожди меняются. Геннадий Зюганов и Григорий Явлинский возглавляют КПРФ и «Яблоко» более 14 лет, Владимир Жириновский ЛДПР — около семнадцати.

Несколько слов о русском идеализме. Идеализм — главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир на новые орбиты развития. Если же идеальная цель теряется из виду, общественная деятельность замедляется и расстраивается.

Русскому взгляду свойственна романтическая, поэтическая, я бы сказал, дальнзоркость. Что рядом — покосившийся забор, дурная дорога, сор в ближайшей подворотне — видится ему смутно. Зато светлая даль, миражи на горизонте известны в подробностях. Уделяя больше внимания желаемому, чем действительному, такой взгляд на вещи приводит к поискам единственной правды, высшей справедливости. Создает ощущение если не исключительности, то особенности, непохожести на соседей. Эта непохожесть и тяготит, и необыкновенно вдохновляет. Этот поиск своей, особенной правды, потребность жить своим умом заставляет действовать подчеркнуто самостоятельно. Вся история России от Ивана III — манифестация интеллектуальной независимости и государственного суверенитета.

Идеализму свойственно желание обращать в свою веру, мессианство. Третий Рим и Третий интернационал были мессианскими концепциями. Без сомнения, мессианство нам сейчас ни к чему, но миссия российской нации требует уточнения. Без утверждения роли России среди других стран (скромной или заметной — вопрос обсу-

ждаемый), без понимания, кто мы и зачем мы здесь, национальная жизнь будет неполноценной.

На практике: в мае этого года ФОМ провел социологический опрос, результаты которого показывают, что уровень общественного доверия к политическим институтам прямо определяется степенью их персонификации и близости к верховному центру.

Так, непосредственно самому этому центру, президенту, в большей мере, чем прочим властям, доверяют 55% опрошенных. Предпочитают рассчитывать на руководителя области, края, республики — 20%. И лишь 8% связывают свои надежды на лучшее с главой своего города, поселка.

У почти обезличенных судов положение поскромнее. При этом Верховному и Конституционному судам доверяют 10–11%, в пять раз больше, чем районным и областным с их 2%. Наименьшим доверием в сравнении с другими властями располагает представительная власть, образ которой размыт. Но и здесь Федеральное Собрание (4%) оказывается значительно популярнее местных парламентов (2%).

Выходит, чем выше и дальше власть, тем больше ей доверяют. На власть по соседству, близкую и доступную, наши люди особенно не надеются. Возможно, оттого, что знают ее лучше, что она прозаична. Наоборот, власть высокая и далекая легко мифологизируется, идеализируется, персонифицируется и вписывается в моноцентрическую модель политического пространства.

Если централизация, персонификация и идеализация признаются нами в качестве трех особенностей политической культуры, давайте посмотрим, как нам, таким особенным, с этим всем жить.

В обыденном сознании слово «культура» ассоциируется с чем-то однозначно добрым и умным. Беседы о Сергее Рахманинове — это культурно. Современный курортный сервис — очень культурно. Вечер в опере — очень и очень. Однако культура и цивилизация куда просторнее музейных залов и театральных буфетов. Системы принуждения, аппараты манипулирования, войны, хронические социальные патологии, предрассудки, идиотские теории, разорительные авантюры, увы, тоже входят в комплект.

Для людей и их сообществ культура — это судьба. А судьба может складываться по-разному. И от нее, как известно, не уйдешь. Нужно использовать шансы и преимущества, которые она дает. Можно спорить с ней, влиять на нее, добиваться изменений. Но при этом нельзя игнорировать налагаемые ею запреты и ограничения. Культура проявляется и в том, что говорят, и в том, о чем говорить не приня-

то. На каждом временном отрезке она создает и поощряет одни стереотипы поведения, разрушая и подавляя другие. Каким-то нашим устремлениям потворствует, каким-то — мешает. Те, кто понимает культуру как сферу игры, знают, что смысл любой игры — не только развлечение и обучение, но и испытание.

Вот и наша политическая культура не только дает обществу средства от стрессов и для решения проблем, но и сама может порождать стрессы и проблемы. Ее свойства, в том числе и отмеченные выше, не хорошие и не плохие. Они просто такие, какие есть. Полезными и вредными делаем их мы сами. Все — яд, и все — лекарство. Вопрос в дозе и уместности применения. Например, централизация может принести огромную пользу, о чем уже говорилось. Централизация чрезмерная, не отвечающая необходимости, — привести к деформации системы власти, ослаблению частной инициативы, а с ней и основ парламентаризма и самоуправления.

Минимальный, 2–4% рейтинг доверия к представительной власти, обнаруженный ФОМ, предсказан Николаем Гоголем полтора века назад: «Вообще, мы как-то не создались для представительных заседаний... Во всех наших собраниях... если в них нет одной главы, управляющей всем, присутствует препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно уж народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать...»

Отсюда и избыточная персонификация коллегиальных структур.

Сильные личности часто компенсируют слабую эффективность коллективов, дефицит взаимного доверия и самоорганизации. Ведь русский сверхколлективизм, по-моему, вымысел чистой воды.

На практике: кто из вас пытался хоть раз уговорить соседей общими средствами установить в подъезде домофон, тот знает, как дорого дается минимальная коллективизация. А как у нас водят машины? Поперек дороги, по встречной, в пьяном виде, бессмысленно и беспощадно. Коллективист так не водит. Он уважает других членов коллектива.

Мне кажется, в нашем обществе преобладают индивидуалисты. А за коллектив время от времени люди прятались по необходимости — от власти, от ответственности, от принудительного труда.

Что до нашего идеализма, то без прагматического заземления, в неохлажденном виде он в повседневном применении ненадежен, а иногда и опасен.

Если вы рационально мыслите, то как бы разбираете мир на части. И потом собираете из этих частей что-то практически полезное, попутно изобретая недостающие детали. Так действует рационализм. Идеализм — иначе. Когда образ мира целостен и неделим, требуются вера, эмоции, интуиция. Если же вера исчезает и образ распадается, идеалист не тратит времени на починку мира. Он сразу отказывается от этого мира целиком и тут же придумывает себе новый мир, такой же целостный, блистательный и неподвижный. И возникает очередная вера, новая страсть.

Когда-то мы должны были построить коммунизм. Думали, сейчас построим и потом делать ничего не будем. Но надо очень быстро построить коммунизм, чтобы поскорее ничего не делать. Ведь на средненародном уровне представляли коммунизм именно так: это место, где делать ничего не надо и где все при этом есть. Точно так же о демократии сейчас говорят, часто слышу: надо построить демократию. И это предполагает какую-то конечность: вот теперь у нас демократия, она случилась, можно всем расслабиться и получать удовольствие. Это все равно что сказать: теперь нам надо построить человека. Человек, он все время развивается, в худшую или в лучшую сторону, другой вопрос. Он не статичен, и нет ничего статичного. Но таково свойство идеалистического подхода к жизни — измышлять миры и пытаться их установить на земле.

Созерцательность наша, порой принимаемая за лень, ведет к тому, что нюансы, подробности, частности, нудные расчеты и механизмы реализации не анализируются. Будущее должно наступить одним махом и в полном объеме, а как его достичь — это детали, что голову забивать, все ерунда по сравнению с мировой революцией, как выразились идеалистически настроенные головорезы.

Один мой знакомый говорит: «Чего нельзя сделать за две недели, нельзя сделать никогда». Очень наша мысль. Все, разом, здесь и сейчас. Две недели, пятьсот дней, коммунизм в 1980 году. Если не получится, идеалист злится и впадает в депрессию и цинизм разочарования. Реформы Петра, февральские грезы, большевистские мегапроекты, перестройка. Потом либеральные реформы, мечты о прекрасном Китеж-сити русского капитализма. Все второпях, в ослеплении идеей. В раздражении чрезвычайном от вязкой реальности. В отчаянной уверенности в близком конце света, гибели старого мира (монархии, буржуазной демократии, советской власти) с его скукой, насилием, бедностью, несправедливостью. В наивном уповании на прекрасную новую жизнь, где все станут полеживать на боку, на заслуженном (как же — страдали!)

отдыхе. Предоставив труды и хлопоты всесильному учению, мировой революции, общечеловеческим ценностям, невидимой руке рынка и прочим разновидностям скатерти-самобранки. Такая вот эсхатология незатейливая.

Отсюда судороги и конвульсии больших скачков — способ передвижения малопривлекательный. Но и сегодня — одни обещают увеличить пенсии сразу вчетверо. Другие — зарплату впятеро. Третьи требуют еще побольше демократии, плохо разобравшись, что это такое, придумав себе простенький образ и желая соответствия. И немедленно. Сделать это по-быстрому, отмучиться поскорее, чтобы опять впасть в созерцательное оцепенение.

Вообще

присущий нашей политической культуре примат целого, общего над частным, идеального над прагматическим, практическим приводил не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» и «подробностями», как жизнь человека, его свобода, достоинство и права.

Охранительные и патерналистские настроения, чрезмерно усиливаясь, подавляли активную общественную среду, приводя к дисфункции институтов развития.

Возможно, поэтому многим размашистым либералам сегодня кажется, что русская политическая культура — архаичный продукт невежества и отсталости. Что все без исключения наши политические привычки и обычаи отягощают жизненный уклад и тормозят прогресс.

Даже докатившись до такой точки зрения (а до нее многие доказались), следует продолжить разговор. Следует ответить, является ли в таком случае русская политическая культура тем, что непременно нужно преодолеть и забыть?

Кажется, Жан-Жак Руссо задним числом упрекал Петра Великого в том, что он пытался сделать русских голландцами или немцами вместо того, чтобы дать им быть русскими и развиваться в этом качестве. Известно, что Павел I хотел наделать из русских солдат пруссаков. Большевики перерабатывали сотню этносов в советскую общность. Перестройщики — в невиданную расу общечеловеков. Реформаторы 1990-х к словам «русский» и «национальный» относились настороженно.

Все эти деятели, великие и не очень, не смогли, как ни старались, преодолеть «национальное, слишком национальное». Хотя бы потому, что сами были частью России. Их реформы удавались лишь в той

мере, в какой опознавались как свои, как приемлемые российской культурой. Все несовместимое с жизнью нашей культуры, задевающее ее фундамент всякий раз болезненно отторгалось.

Стоит ли пытаться еще? Стоит ли уподобляться герою Федора Достоевского, который застрелился, решив, что в качестве русского и жить-то не стоит?

У каждого из нас и у нас вместе — множество вариантов будущего. Но это множество не бесконечно. Оно ограничено генетической формулой национальной культуры.

Безусловно, культура — живой организм, ее границы, ее внутреннее пространство и даже основы эластичны, подвижны и проницаемы. Но уникальное сочетание некоторых ее качеств неизменно, упорно воспроизводится во всех масштабах и на всех уровнях общества, и во все времена.

Еще раз: «культура — это судьба». Нам Бог велел быть русскими, россиянами. Так и будем, будем. Будем учитывать проблематику и будем использовать преимущества нашего национального характера и нашей политической культуры для создания конкурентоспособной экономики и жизнеспособной демократии.

Представим себе человека порывистого, увлекающегося, наделенного богатым воображением. Мы можем сказать о нем: непрактичен, непоследователен, ленив, непостоянен, таких не берут в бухгалтеры. О том же самом человеке можно сказать: творческая личность, решителен в достижении важных целей, амбициозен, энергичен и самоотвержен, годен для управления проектами, экспериментальной деятельности, творческой работы. Такой человек может стать плохим бухгалтером или хорошим режиссером. И в том и в другом случае он должен работать над собой, развивать свой характер, даже вырабатывать новые его качества, а какие-то качества, допустим, сдерживать. Но это будет именно работа над собой, а не отказ от собственного я. Пусть он сам решает, кем быть. Но пусть при этом подумает, в какой работе его личные качества проявятся как достоинства, а в какой — как недостатки. Так же, выбирая пути развития нашей демократии и экономики, мы должны думать, на каком из этих путей особенности нашего национального характера и культуры покажут себя с наилучшей стороны.

Мы можем гордиться нашей политической культурой. Именно она предсказала и принесла России демократию. Она располагает достаточным потенциалом для выработки российской демократиче-

ской модели. Для развития собственного, но при этом понятного для других политического лексикона. Для сообщения самим себе и внешнему миру образов и смыслов, без чего нация в историческом измерении не существует. И мы можем говорить о собственном опыте демократии своими словами. Потому что кто не говорит, тот слушает. Кто слушает — тот слушается.

К ворчанию и окрикам из-за границы по поводу наших внутренних дел следует относиться с пониманием: ворчащим и кричащим нужна такая демократия в нашей стране, чтобы им было лучше жить. А нам с вами — такая, чтобы лучше жить было нам. Всему нашему народу. Чего и другим народам желаем.

Некоторые говорят, что в 1990-е на Западе Россия считалась демократией. Это какой-то дефект памяти. Конечно, нашу слабость тогдашнюю и бестолочь поощряли. Но слабость и бестолочь — еще не демократия.

На практике: «Интернэшнл геральд трибьюн», 1994 год: «Режим [в России] не тяготеет к демократическому транзиту, предполагающему рыночную экономику и политическую демократию». «Вашингтон пост» в 1998 году называет порядки в России «разваливающейся непредсказуемой автократией». «Вашингтон инквайр» тогда же — «недемократическим режимом». «Форбс» годом позже — «государством гангстеров».

Николай Данилевский писал давным-давно, что заграничная публика Россию не знает или «лучше сказать, знает так, как знать хочет, — то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости и презрению». Рассказы о том, что нынешнее беспрецедентное давление на Россию вызвано недостатками нашей демократии — вздор, глупость.

Гораздо умнее разглядеть за этими разговорами иные причины и цели — контроль над природными ресурсами России через ослабление ее государственных институтов, обороноспособности и самостоятельности. Но и это будет некоторым упрощением. Вот что пишет современный исследователь проблем идентичности Ивэр Нойманн: «...безотносительно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной период (религиозные, телесные, интеллектуальные, социальные, военные, политические, экономические или какие-то иные [добавим от себя — демократические]), Россия неизменно рассматривается [Западом] как аномалия». И добавляет: «Поскольку исключение — это необходимая составляющая интеграции... возникает соблазн подчеркивать инаковость России ради интеграции европейского я». Все, что мы сейчас видим в реальной политике,

все эти расширенные НАТО, средства ПРО, которые надо обязательно размещать, это, конечно, во многом сделано для консолидации Западной и Центральной Европы вокруг одного, кстати, внеевропейского центра. Для этого нужен миф о каком-то неблагонадежном элементе на окраине, о варварах, которые ходят вдоль границы и издалека помахивают своими азиатскими кулаками.

Мне кажется,

наши трудности с Западом — это трудности перевода, трудности общения однокоренных, но глубоко различных по духу европейских культур.

Их причины сложнее просто экономических, просто военных, просто стилистических, просто политических.

Негативная информация о России всегда легче усваивалась в Западной Европе, чем позитивная. Недоверие веками составляло почву отношений. За злободневными придирами, поучениями и притчаниями скрыты фундаментальные недоразумения, конфликт архетипов, культурный диссонанс. Давнее соседство и смутно ощущаемое дальней родство по религиозной линии только усиливают раздражение. Разногласия между близкими людьми, как известно, эмоционально насыщеннее, чем между малознакомыми и безразличными друг другу.

Преодолимы ли культурные противоречия? Полностью — вряд ли, но сближение культур возможно и необходимо. Россия заинтересована в таком сближении, поскольку без доступа к интеллектуальным ресурсам Запада создание инновационной экономики кажется невозможным. Сближение культур не означает их унификации и отрицания их многообразия. Кому нужен мир, в котором все люди, нации и демократии на одно лицо? Это была бы вещь потоскливее коммунизма.

Да, демократия в России несовершенна. А где совершенна? Да, много чего ей не хватает, и есть чему учиться у Запада. И модерности, и гуманности, и спонтанности.

Самоуправление у нас вяловатое. Вертикаль неказистая. Общество какое-то малогражданское. И вот еще коррупция какая-то неязвучная у нас, типа «украл, выпил, в тюрьму». Простоватая, не такая утонченная, как в более продвинутых странах.

Даже если так, это наши проблемы. И никто их за нас не решит.

Выдающийся американский политический мыслитель Джордж Кеннан еще в 1951 году писал: «Пути, которыми народы достига-

ют достойного и просвещенного государственного строя, представляют собой глубочайшие и интимнейшие процессы национальной жизни. Иностранцам эти пути часто не понятны, и иностранное вмешательство в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда». Не все в Вашингтоне, кажется, читали Кеннана. А жаль.

Каждому народу его культура предоставляет уникальный код доступа к будущему. Ответы на вопросы, как пройти в новый век и как там быть, нужно искать в собственном культурном пространстве. Если что заимствовать извне, то идеи, а не штампы, живые мысли, а не дохлые схемы. То, что питает и обогащает нашу культуру, а не засоряет ее. Чтобы стало сладко, нужно съесть конфету, а не фантик. Чтобы лучше усвоить свободу, нужно извлечь суть и пользу из зарубежного опыта, а не жевать с трагическим лицом наемного правозащитника фантики и ценники импортной демократии.

За пределами собственной культуры будущего у России нет. Российская демократия — не обноски с чужого плеча. Формирующая демократию воля к свободе и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера. Хотел бы разбавить доклад небольшим рекламным объявлением: концепция суверенной демократии наилучшим образом соответствует основам русской политической культуры.

По нескольким причинам.

Первое. Она оправдывает централизацию, концентрацию властных, интеллектуальных и материальных ресурсов нации в целях самосохранения и успешного развития каждого в России и России в мире. Она синтезирует, собирает, соединяет идеи и понятия, противопоставляемые в повседневных политических диспутах. Свобода и справедливость, права и обязанности, конкуренция и кооперация, индивидуальное и национальное, глобализация и суверенитет совместимы и достижимы без разделения.

Второе. Суверен-демократический проект предусматривает изменение социальной системы, придание российскому обществу большей гибкости, динамичности, восприимчивости к позитивным переменам. Смягчение политической структуры позволит ей развиваться не рывками и скачками, как прежде, а путем, если так можно выразиться, топологических преобразований, то есть без разрывов и потерь. Без ущерба для целостности российской нации.

Третье. Текст о суверенной демократии персонифицирован, поскольку интерпретирует курс президента Путина.

Четвертое. И, наконец, предсказывая России и миру гармоничное будущее, встречая скепсис и недоумение, эта концепция представляется весьма идеалистической, может быть, даже утопической.

Какой же прок от утопии? Где здесь прибыль? Уточню, понимаю под утопией не то, чего нет и быть не может, а то, чего нет, но что желательно и в принципе возможно. В одном официальном американском документе есть такой девиз: наши цели идеалистичны, средства реалистичны. Разница потенциалов действительного и желательного, реального и идеального, по-моему, как раз и создает то напряжение человеческих сил, в результате которого возникают и развиваются культура и цивилизация.

Механистические суждения о культуре сводят ее к сумме накопленных сведений, материальных ценностей и произведений искусства. Трактуют как традицию, наследство, полученное из прошлого. На самом деле культура существует по обе (точнее, по все) стороны настоящего. Будущее включено в ее пространство так же зримо, как и прошлое. Кино и литература, философия и религия, экономика и экология переполнены проектами, предчувствиями, видениями, исследованиями будущего. При этом почему-то принято думать, что о будущем мы знаем гораздо меньше, чем о прошлом.

В силу этого, отчасти спорного, предположения опыт прошедшего времени, как правило, оказывает подавляющее влияние на организацию текущей деятельности. Кто-то сказал: генералы всегда готовятся к прошлой войне. Чтобы, не дай бог, не обидеть какого-нибудь генерала, давайте признаем, что и многие из нас, людей сугубо гражданских, видят сегодняшний день из прошлого. И почти не учитывают в процессе принятия актуальных решений возможные конфигурации будущего. Поэтому мы так долго топчемся в индустриальной эпохе, все уповаем на нефть, газ и железо. Поэтому постоянно догоняем — то Америку, то самих себя образца 1989 года, а то и вовсе Португалию. Гоняемся за прошлым, то чужим, то своим. Но если предел наших мечтаний — советские зарплаты или евроремонт, то ведь мы несчастнейшие из людей.

Чтобы сделать наши планы более интересными, амбициозными и реалистичными, нужен новый метод. Нужно, чтобы будущее влияло на актуальную политику сильнее, чем прошлое. Нужно диагностировать и корректировать существующее положение с позиций предстоящего.

Назовем такой способ оценки и постановки задач «взгляд из утопии», из желательного будущего.

Какое будущее желательно? (Отметим с сожалением в скобках, что среди популярных футурологических брендов последних десятилетий — «постиндустриальное общество», «конец истории», «плоский мир», «цивилизация третьей волны» и прочее — нет ни одного российского происхождения.) Думаю, всех (ну, почти всех) устроит мир без войн, сообщество суверенных демократий, процветающих и живущих по справедливым законам, когда, как писал Александр Пушкин, «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Есть, правда, радикальные мечтатели, которые говорят, что и самих народов не будет, и наций, а будет одна сплошная глобализация. Возможно, они правы, но лично мне не интересно будущее, в котором нет ничего русского. Будущее без России не стоит того, чтобы о нем говорить. В качестве компромисса давайте помечтаем о глобальной федерации, основанной на договорных отношениях свободных наций.

Все субъекты такой федерации должны быть равны, что не означает ее культурной и экономической однородности, некоторые будут равнее. Хотелось бы, чтобы Россия как субъект утопической глобальной федерации была регионом-донором, нацией-лидером, одним из центров интеллектуальной активности. И вот вопросы к нам всем. Хотим мы включения в так называемую цивилизацию третьей волны или останемся ржаветь в индустриальной, на задворках глобальной экономики до скончания века и нефти? Хотим ли мы неуклонно стремиться к смягчению нравов в политике и в быту или предпочтем ходить строем?

Если хотим, то давайте взглянем на себя из наилучшего будущего. Из глобально значимой национальной экономики интеллектуальных услуг. Из процветающей суверенной демократии.

Что мы увидим? Увидим бурно ветвящуюся бюрократию, прилипшую к нефтяной трубе. Увидим, что на руководящих позициях в нашем обществе и в частном секторе, и в государственном критически мало людей, настроенных на третью волну. Что сырье ценится дороже знаний. Что культура и образование еще не стали основой экономики и политики. И по-прежнему считаются нерентабельной «социалкой», периферией сырьевого комплекса. И нет понимания, что не существуют отдельно, сами по себе политические, экономические, военные преимущества. Они всегда часть и следствие культурного превосходства.

Давайте посмотрим на мировое хозяйство как на большой завод. На этом заводе есть цеха первичной переработки, где в пыли и в ча-

ду трудятся рабочие низшей квалификации. Есть сборочный цех, где люди в белых халатах, рабочая аристократия, производят готовые изделия. Есть бухгалтерия, инженерное бюро, где работают специалисты с высшим образованием. А есть дирекция и правление. Там заседают самые умные.

Где же наше с вами место на этом международном предприятии? Маловероятно, чтобы кому-то в мире пришло в голову обратиться к нам за новой технологией, качественными финансовыми услугами, эффективным управлением, кассовым фильмом, модной одеждой. На нашу страну выходят, чтобы купить нефть, газ, пресловутый лес-кругляк. Стало быть, в мировом разделении труда мы не инженеры, не банкиры, не дизайнеры, не продюсеры и управляющие. Мы — бурильщики, шахтеры, лесорубы, то есть довольно чумазные ребята с рабочих окраин. Конечно, всякий труд почетен, но все же — почему так? Мы ведь считаем себя высокообразованным и высококультурным народом.

Что же мы, такие образованные, с нашим-то красным дипломом кормим комаров на нефтеносном болоте? Такие культурные и одаренные, соплеменники Николая Гоголя, Игоря Стравинского, Ильи Пригожина, потеем на карьере и в забое. Может, мы не доросли до высоты нашей национальной культуры? Может, не все в порядке с образованием?

Руководитель одной из крупнейших энергетических корпораций рассказывал, что до недавнего времени (не исключено, что и по сей день) ни в одном профильном вузе России не было ни одного специалиста по парогазовой электрогенерации и ни одной соответствующей установки для наглядного изучения этой технологии. Между тем, не вдаваясь в детали, нужно отметить, что данная технология вполне банальна, имеет сегодня широчайшее применение повсюду в развитых странах. Чему же учат студентов? У них нет возможности не только заглянуть в будущее энергетики, но даже и толком узнать ее современное состояние. Один губернатор обнаружил, что в сельхозтехникуме слушатели получают представление о тракторах на примере машин, снятых с производства еще в 1960-х годах. То есть система образования за малым исключением производит специалистов для экономики прошлого века.

В общем, из будущего можно увидеть в современности много чего печального. Но также и обнадеживающего.

Если автор концепции постиндустриального общества Дэниел Белл недавно предсказал, что по достижении внутренней стабильности Россия «готова вступить в постиндустриальный век раньше, чем любая другая страна», то почему нам с ним не согласиться? Мы увидим, что это реально. Мы можем и обязаны стать белыми воротничками в мировом разделении труда, занять важное место в глобальной иерархии.

Мы увидим, что для этого нужно: во-первых, прагматично следовать идеалистическим целям; учиться расчетливости и соразмерности действий, не теряя смелости мыслей. Во-вторых, выполняя напутствие президента о повышении эффективности использования природных ресурсов, помнить, что самый ценный природный ресурс нации — интеллект. Надо заниматься тем, что у людей в головах, что дороже нефти, газа и леса-кругляка. Культура, наука, образование должны быть признаны ведущей производительной силой, умные, здоровые, свободные люди — главным достоянием страны. В-третьих, спроектировать политический курс таким образом, чтобы правящее большинство в собственных интересах способствовало росту влияния и активности передового меньшинства, а именно: предпринимателей, ученых, инженеров, гуманитариев, деятелей искусств, управляющих, нового поколения политиков, то есть творческого сословия страны. В-четвертых, не забыть, что недостаточно просто финансировать культуру и науку, надо научиться применять их достижения на практике. Наша страна должна стать привлекательной для новаторов, рентабельной для научной работы. В-пятых, выстроить стабильные связи с ведущими экономиками мира по сотрудничеству в инновационной сфере. Стабильные не значит простые. Перестройка и период первых реформ показали, что односторонние уступки в международных делах имеют нулевую капитализацию, даже отрицательную. Они не только не ведут к встречному смягчению позиций, но, напротив, провоцируют еще большее давление и желание еще больших уступок. И все же: хотя цена конструктивных отношений не должна быть сколь угодно высокой, но она есть. За все надо платить. Нам нужны иностранные специалисты на предприятиях, иностранные ученые и преподаватели в структурах образования и науки. Нужна и промышленная кооперация в интеллектуальной сфере.

На практике: например, Китай сумел в свое время добиться от General Motors согласия на размещение корпоративного центра НИОКР и передачу новейших технологических разработок, сделав это условием допуска на свой рынок. Что-то подобное делала

когда-то и Япония. Почему мы ограничиваемся заводами по сборке, непонятно.

В-шестых, понять, что такими пустяковыми словечками, как «модернизация», «диверсификация», драматизм стоящих перед нацией задач не описать.

Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы. Сдвигать, конечно, надо аккуратно, чтобы друг друга не передавить. Но речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе. Нужна новая проекция русской культуры на предстоящую историю.

А история предстоит непростая. И это будет история сложных систем. Демократия — политическая система, функционирующая на пределе сложности. Инновационная экономика невозможна вне свободной, то есть неустойчивой и динамичной по определению, творческой среды.

Пока в нашей стране избыток денег и бюрократии сочетается с дефицитом сложности и творческой недостаточностью. Прimitивные структуры и линейные методы управления доминируют, скорость обработки информации и социальная мобильность населения крайне низки. Нужно выйти из ступора, преодолеть шок и оторопь, охватившие наше общество при столкновении с собственным будущим.

Мы похожи на все тех же парней с рабочих окраин, внезапно оказавшихся в деловом квартале города. Шум, огни, беготня, кругом ловкачи и умники, торговцы и ростовщики. А мы, как лохи, пугаемся и путаемся, разинув рты и выпучив глаза. Обороняемся — только бы не надули. Надуют обязательно, если и дальше будем пятиться и разевать рот.

Нужно привыкнуть к жизни в сложном, открытом, неустойчивом, быстром мире. В котором если и есть равновесие, то динамическое. Если есть порядок, то подвижный и гибкий.

Консолидация, централизация власти была необходима для сохранения суверенного государства и его разворота от олигархии к демократии. Но уже сегодня и тем более завтра она может быть оправданна лишь в той степени, в какой служит целям перехода России на следующую ступень, на качественно новый уровень цивилизации.

При этом с высоты утопии ясно видно, что старая либеральная догма о высвобождении творческой энергии исключительно по-

РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА...

средством механистического расщепления, разделения, разложения социальных структур не окончательно верна. Что холистические подходы, методы социального синтеза, сохранения и соединения, свойственные русской политической культуре, также пригодны для выращивания демократии. Видно, что неизбежные усложнение и дифференциация общественных институтов уравниваются встречной силой собирания разделенного, интеграции сложного целого. Видно, что культура имеет значение. Решающее значение. И что русская культура предопределяет достойное будущее России.

И последняя цитата. Больше не буду. Александр Герцен о разногласиях славянофилов и западников: «Мы были противниками... но у нас была одна любовь... одно сильное чувство безграничной... любви к русскому быту, к русскому складу ума».

Уверен, что объединительная деятельность президента Путина успешна и широко одобряема именно потому, что направляется русским умом, уважением к русской политической культуре, любовью к России.

Пока наша элита не будет способна к самоорганизации, мы всегда будем испытывать некоторое чрезмерное присутствие государства в нашей повседневной жизни. Чтобы это присутствие, не всегда приятное, минимизировать, мы просто должны больше решать сами, и не путем всяких хулиганских выходов, а просто планомерной работой в рамках демократических процедур.

НАПУТСТВИЕ НАЧИНАЮЩЕМУ ЛИБЕРАЛУ

Когда я шел сюда, то думал, как построить свое выступление, потому что не мне комментировать Александра Исаевича Солженицына. Я не историк, и, кроме того, конечно, не хотелось бы задним числом учить тех людей, которые оказались в 1917 году в очень трагической ситуации. Наверное, было бы неверно в наши дни указывать, как именно надо было тогда поступить, обвинять их в том, что они все проморгали, проболтали. Но когда я вошел в аудиторию и увидел очень много молодых людей, я понял, как построить свой доклад. Все-таки я несколько старше, чем они, и я бы хотел с высоты своего полупочтенного возраста дать им несколько советов.

Я бы назвал свое выступление, с вашего разрешения, «Напутствие начинающему либералу». Я не буду анализировать Февраль 1917 года с исторической точки зрения, а постараюсь дать интерпретацию масскультурную.

Мне кажется, вольный пересказ тех событий выглядит примерно так. Вышли на улицы либералы с бантиками, провели бескровное

свержение монархии, учредили демократию, потом неизвестно откуда пришли злобные большевики и с помощью малокультурных матросов отняли бантики у либералов и водворили в стране тиранию похуже самодержавия. Примерно так, мне кажется, большинство людей, не специализирующихся на этих вопросах, в целом воспринимает эту картину. Это и заслуга советской масскультуры, и, в общем-то, и сегодняшней, настолько, насколько она интересуется этими вопросами.

На мой личный взгляд, Октябрь произошел уже в Феврале. Он был, по крайней мере, предreshен, и власть ни минуты, на мой взгляд, в то время не принадлежала демократической общественности. По факту реальная власть, революционная энергия, реальная политическая сила были на стороне самых радикальных и экстремистских группировок в России. Вся недолгая агония Временного правительства — демонстрация некоего отступления этой самой демократической общественности с исторической сцены. Мне кажется, и сами Георгий Львов и Александр Керенский не очень верили, что организация, в которой они работали, называется правительством. Оно и было временным, даже кратковременным. Оно было декоративным, а за ним разворачивались очень опасные и просто-напросто кровавые события, которые в итоге привели к известным всем последствиям.

Мне кажется, что

политическое самоубийство правящих, мыслящих, имущих, служащих классов России произошло задолго до Февраля. Возможно, тогда, когда вся эта масса двинулась в свой освободительный поход, во времена ли Достоевского или декабристов, не имея ни достаточной интеллектуальной самостоятельности, ни способности к самоорганизации и политическому самоуправлению.

Именно тогда, на мой взгляд, демократия была заранее проиграна правящим классом Российской империи.

Почему они не обосновали и не обеспечили эволюционный путь развития страны, как во многих других обществах, — это долгий разговор. Действительно была и неповоротливость власти, и, наверное, большая безответственность многих ее критиков. Еще раз повторяю: мне не хотелось бы как-то оценивать деятельность людей той эпохи, которых, конечно, из нашего исторического далека нам легко поучать задним числом. Это действительно была для многих трагедия и личная, и мировоззренческая, и политическая. Мне бы хотелось сегодня сказать не об этом, а постараться

отметить те моменты, которые мы должны особенно помнить для целей практической политики сегодняшнего дня.

Александр Сергеевич (Ципко. — *Примеч. ред.*) уже говорил сегодня, что многое повторяется, причем почти дословно. Думаю, что в этом зале есть молодые люди, которые либерально настроены, и мне бы хотелось начинающим либералам дать несколько советов.

Во-первых, мне кажется, очень важно не путать свое личное мнение с общественным. Часто люди, которые публично выступают, много пишут, абсолютно убеждены: весь народ думает так же, как они. Это удивительно, но это так. И естественно, та неразбериха, тот хаос и попытка перекричать друг друга, которые имели место в феврале 1917-го, закончились печально. Вожди партий тогда забыли, что партии в любом нормальном обществе должны не только разделять людей по взглядам и убеждениям, но и объединять их вокруг общих ценностей, — это тоже функция партий. Партия — это часть, но часть целого, и у нас, к сожалению, это было забыто. И сегодня, конечно, такие симптомы тоже встречаются.

Второе. Не нужно надеяться осчастливить родную страну с помощью иностранных правительств. Тоже ни для кого не секрет, что тогда ряд политических сил опирался из разных соображений на поддержку иностранных государств. Сегодня есть политики, которые заявляют публично, не стесняясь этого, что поскольку элита российская уже давно интернационализировалась, видимо, имея в виду опять же все те же активы за рубежом, то, стало быть, судьба страны будет решаться за ее пределами. Мне кажется, надо помнить, что демократия — это все-таки власть народа, а власть народа, как известно, суверенна. И это власть нашего народа в нашей стране, а не власть другого народа в нашей стране. Вот это, мне кажется, тоже очень важно помнить начинающим либералам.

Третье, что я хотел бы сказать, — не нужно говорить о свободе, справедливости, демократии чужими словами, повторяя клише, которые взяты из книжек и газет, описывающих чужой опыт. Часто, общаясь с историками, политиками, политологами, мы слышим, извините, как буквально непереваренные куски чужого интеллектуального продукта вываливаются в дискуссиях из докладчиков. И видно, извините за подробности, что они не усвоены, что они не прожиты, что за ними нет личного опыта. Что услышали слова, которые кажутся мыслями, запомнили — но это всего лишь слова.

И в этом, на мой взгляд, тоже была огромная проблема российского политического класса тех лет. Очень многое заимствовалось

механистически, без понимания. Ведь некая идеальная республика вряд ли была возможна в стране, на 70–80% неграмотной. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это понять.

Никто же не возражает против свободы, справедливости, демократии, но темп, органическое развитие демократии — вот что важно, только тогда она укоренится и будет питать нацию, а не убивать ее. Она должна расти изнутри страны и народа, а не насаждаться откуда-то извне. Никто не спорит, что должен быть культурный обмен, что нужно изучать обязательно и можно много ценного найти в культуре других народов — но это другие народы. У нас могут быть и есть с ними общие человеческие ценности, но все-таки практика воплощения в жизнь этих идеалов у каждого народа своя.

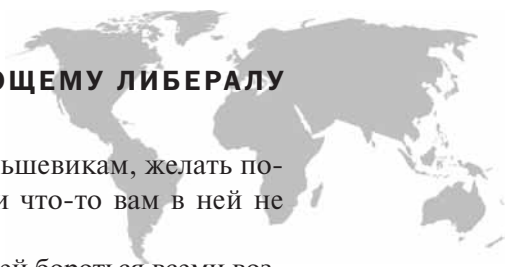
Сейчас нашу российскую демократию критикуют. Но и везде, во всех демократических странах практические аспекты демократии критикуются. И это легко доказать просто прямыми цитатами и выступлениями и государственных деятелей, и прессы. Мне кажется,

когда демократия несовершенна, это говорит о том, что она жива, что она есть. Потому что если мы с вами несовершенны, то и демократия наша несовершенна. Совершенные, как мне кажется, идеальные модели могут быть только мертвыми, застывшими или вымышленными.

Интеллектуальный суверенитет, самобытность, самостоятельность, попытка жить своим умом, не отвергая, конечно, знания и опыт других людей, — это тоже крайне важная вещь для развития свободного общества в нашей стране.

Еще один совет — не надо дружить с большевиками. Они и сейчас у нас есть. С одной стороны, они и Лаврентия Берию хвалят, и Адольфа Гитлера, а с другой стороны — призывают дать им политическую свободу. Вот такой странный у нас теперь большевизм. Не надо с ними дружить, не надо питаться их энергией — все равно обманут.

Среди молодых людей, конечно, всегда наличествуют радикальные настроения, это нормально, мне кажется, это даже достойно уважения, и сам я когда-то был радикально настроен ко многим вещам в жизни. Но все-таки когда беспринципность и бессмысленность радикализма принимает такие крайние формы, этого нужно сторониться, потому что все это обман, который, как правило, печально заканчивается.

Из этой же серии. Не нужно, подобно большевикам, желать поражения или ослабления своей страны, если что-то вам в ней не нравится.

Если вам не нравится власть, вы можете с ней бороться всеми возможными законными методами, но желать поражения или ослабления собственной страны — мне кажется, во-первых, это глупо, а во-вторых, просто безнравственно.

Все мы знаем, что такие лозунги выдвигались в семнадцатом году даже на фоне военных действий, огромной войны, тяжесть которой нес на себе тогда российский народ.

Но давайте вспомним и недавнее прошлое. Это сейчас, когда затихла, временно, я думаю, террористическая активность в стране, все вроде так ничего. Но совсем недавно, я даже не хочу называть фамилии из отвращения к этим людям, нас призывали вступать в какие-то бессмысленные переговоры с убийцами детей, нас призывали понять этих людей, которых и людьми-то трудно назвать. Мы все слышали фактически прямые призывы к капитуляции перед террористическим интернационалом. На фоне борьбы государства и общества с этим злом раздавались голоса, осуждающие активность российского общества, российской власти по искоренению терроризма.

В том же духе — постоянные заклинания наших, так сказать, революционно настроенных либералов на тему того, чтобы нефть стоила подешевле, тогда наконец Россия за ум возьмется. Совсем недавно один заявил, что пока цена на нефть так высока, демократии в России не будет. Такой замечательный тезис, интересный. Еще раньше прямо называли цену российской нефти — она должна стоить 20 долларов за баррель, то есть уже заранее страна продается кому-то, видимо, потребителю этой нефти. Такая жизненная позиция может вызвать только недоумение.

Думаю также, что не надо забывать, что слово «демократия» в переводе означает «власть народа» и здесь есть слово «власть». Демократия — это власть, это сила и порядок, а не бессилие, каша и беспорядок. И поэтому демократическое государство не должно быть беззубым и неэффективным, оно должно эффективно решать проблемы и эффективно бороться за сохранение демократических институтов.

Хотел бы процитировать Геннадия Зюганова, который уже довольно давно заявил: «Лимит на революции наша страна исчерпала». Целиком с ним солидарен.

Александр Солженицын призывает к сбережению народа, и мы с удовольствием поддерживаем эту мысль, в своем выступлении пре-

зидент использовал это выражение. Надо помнить, что революция — это прежде всего расточительство народа, это прежде всего разорение, это прежде всего истребление. Плачут о демографии, а сами тут же одновременно все тоскуют по каким-то там потрясениям. Вот потрясение — сколько истребили в Гражданскую войну, сколько потом в ГУЛАГе и так далее, можно долго перечислять. Надо помнить, уж если есть задор и нет желания задуматься над этим, то хотя бы из демографических соображений надо навсегда изъять революцию из нашей политической практики. Она просто смертельно опасна для народа, который и так теряет в год порядка 700 тысяч своих людей.

Надо также помнить, что в результате революции, которую совершают, возможно, очень хорошие люди, возможно, даже благородные и чистые, готовые на все, в том числе и на самые суровые испытания, но в результате действий этих романтиков к власти приходят обычно маньяки и террористы. И даже если к власти они приходят ненадолго, все равно нехорошо, когда лучшие человеческие эмоции и устремления содействуют различным омерзительным и преступным в конечном итоге деяниям.

Думаю, что общие ценности, сотрудничество и соревнование партий и социальных групп, общественный диалог, самоорганизация правящих, имущих, служащих, мыслящих — вот что нужно России. Когда мы принимаем законы о местном самоуправлении, мы с вами надеемся, что в далекой сибирской деревне бабушки и дедушки будут самоуправляться. Но

мы пока не наблюдаем эффективного самоуправления в самых верхах нашего общества. Как только властную вертикаль выдерживают из общества, высший класс, такой прекрасный и самодовольный, рассыпается в одну секунду.

Так было и при царе, и это, к сожалению, можно наблюдать и в наше время.

Пока наша элита не будет способна к самоорганизации, мы всегда будем испытывать некоторое чрезмерное присутствие государства в нашей повседневной жизни. Чтобы это присутствие, не всегда приятное, минимизировать, мы просто должны больше решать сами, и не путем всяких хулиганских выходов, а просто планомерной работой в рамках демократических процедур. Демократия versus революция, демократическое развитие вместо революционно-реакционных судорог. Без кризисов развития не бывает, но мы вполне можем и должны жить дальше без революционных крайностей.

НАПУТСТВИЕ НАЧИНАЮЩЕМУ ЛИБЕРАЛУ

В демократическом обществе все его институты и ответственные структуры должны ежедневно учитывать потенциальную опасность отклонения от нормального пути развития. Я, естественно, говорю не только о власти, может, даже не столько о ней. Стабильность общественного организма определяется сбалансированностью, подвижностью и гибкостью всех его частей.

При этом есть разрыв между богатством и бедностью, есть разные, иногда полярные представления о решении проблем, есть специфика нашей национальной политической культуры, есть неусвоенность, на мой взгляд, и некоторых демократических практик. Много чего нам еще недостает. Но политическая гигиена, профилактика экстремизма, социальная справедливость, свободные выборы обеспечат здоровый образ общественной жизни. Думаю, что мы с вами должны вместе к этому стремиться.

Рузвельт удержал Америку от сползания к социализму и от катастрофических социальных потрясений. И хотя он любил учреждать самые разнообразные административные структуры и выступал за вмешательство государства в экономическую и социальную сферы, он и здесь чувствовал предел этого вмешательства и не отступил от демократии.

ИСТОРИЯ НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

Спасибо за возможность высказаться. Франклину Рузвельту — сто двадцать пять. Хороший повод порассуждать о демократии. Я не верю в способность истории повторяться. Да, в США 1930-х годов было примерно такое же количество населения, как и в нынешней России. Да, экономический спад в США в конце 1920-х был почти двукратным — Россия в начале 1990-х также потеряла примерно половину экономического потенциала. Да, с 1929 по 1932 год доход на душу населения в США снизился почти вдвое, а количество безработных выросло до 30 млн. человек. В России в начале 1990-х от 30 до 50% населения говорили о себе, что живут в бедности. Да, в свое время Франклин Рузвельт, как и Владимир Путин сегодня, должен был централизовать и укреплять административное управление и в максимальной степени использовать ресурс президентской власти, данный ему конституцией, для преодоления кризиса. И все же Америка 1930-х — не Россия 1990-х и 2000-х. И, конечно, история не

Авторизованная версия выступления на конференции в МГИМО, посвященной 125-летию со дня рождения Франклина Делано Рузвельта, 9 февраля 2007 года.

повторяется. Но идеи и эмоции, приводящие в движение наше общество сегодня, удивительно созвучны идеям и эмоциям эпохи Рузвельта.

За десять лет до рождения Франклина Рузвельта по США разъезжал с лекциями популярный писатель и священник Рассел Консуэлл, утверждавший, что «число бедняков, кому можно посочувствовать, очень невелико. Сочувствовать тому, кого Господь наказал за его грехи, неправильно. В Штатах нет ни одного бедняка, который стал таковым не в силу собственных недостатков». Такова была мораль эпохи баронов-разбойников.

Но в 1933 году к власти в США пришел человек, убежденный, что основой демократии является стремление к справедливости для всех, что свобода от нужды и свобода от страха не менее важны, чем свобода слова и религии. Что экономическая свобода не противопоставлена всеобщему благосостоянию, а, наоборот, подразумевает его, поскольку «бедные люди не свободны». Что упрощенческая теория, гласящая: чем меньше правительства, тем больше свободы, неверна и аморальна.

Он пришел к власти в период депрессии, когда, по словам его предшественника Герберта Кларка Гувера, «наибольшей проблемой было состояние общественного сознания, в котором дегенеративное видение будущего принимало угрожающие размеры». Когда пресса и финансы почти полностью контролировались безответственными и эгоистическими олигархическими группами, полагавшими, что демократия существует только для них и что ее блага не обязательно должны быть доступны большинству людей.

Рузвельт определял своих противников так: «финансовые монополии, спекулятивный капитал, безудержные банковские дельцы». Он говорил, что «привилегированные принцы новых экономических династий, жаждущие власти, стремятся захватить контроль над правительством. Они создали новый деспотизм под вывеской легальных санкций. Они жалуются, что мы стремимся сокрушить базовые установления. На самом деле они боятся, что мы лишим их власти».

Но борьба Рузвельта с олигархией не должна вводить в заблуждение относительно его взглядов на экономическую свободу и на предпринимательское сословие как таковое.

Он считал свободное предпринимательство и коммерцию естественным источником развития и процветания американского общества. Просто он верил, что социальная ответственность бизнеса выгодна самому бизнесу и что капитал не вправе узурпировать демократическую власть.

Олигархия контратаковала. Рузвельта травил пресса, его обзывали красным, коммунистом и даже Сталиным. В одной из статей того времени читаем: «Историки будущего с недоумением воззрятся на эту фантастическую ненависть к президенту, которой сегодня охвачен правящий класс Америки». Странно, что эта ненависть исходила от тех, «чьи доходы были восстановлены в результате реформ Рузвельта после биржевого краха и в условиях весьма мягкой налоговой системы».

Одновременно с другого фланга на Рузвельта накатывала гигантская волна прокоммунистических экстремистских настроений. Масса бедняков, возглавляемых демагогами при сочувствии влиятельных интеллектуалов, оправдывала движение к революции и социализму. Писатель Эдмунд Уилсон именовал СССР «моральной вершиной мира, где свет никогда не иссякнет», а Скотт Фицджеральд полагал, что «необходимо работать в рядах коммунистической партии».

Рузвельт удержал Америку от сползания к социализму и от катастрофических социальных потрясений. И хотя он любил учреждать самые разнообразные административные структуры и выступал за вмешательство государства в экономическую и социальную сферы, он и здесь чувствовал предел этого вмешательства и не отступил от демократии.

На мой взгляд, Рузвельт стал олицетворением высшей власти народа, власти в духе американской конституции, власти не отчуждаемой, не присваиваемой большими деньгами и большими начальниками, олигархией и бюрократией. Он сам был такой властью, которая стремилась к свободе и справедливости для всех, поощряя сильных и защищая слабых.

Основанными на ценностях свободы и справедливости хотел видеть Рузвельт и международные отношения. Личная свобода и национальный суверенитет для него взаимосвязаны. Вот слова, сказанные им осенью 1941 года: «Свободные люди крепко стоят против покушений на их демократию, их суверенитет, их свободу». В связи с претензиями отдельных держав на мировое господство он замечал тогда же, что «мир станет более жалким и опасным местом для жизни, если он будет находиться под контролем немногих». Он не только воевал со странами Оси, но и призывал своего союзника и друга Уинстона Черчилля дать независимость Индии, чем чрезвычайно его раздражал. Рузвельт полагал, что справедливый мир возможен как объединение свободных наций. Мы сегодня думаем так же.

Можно сказать, что

Рузвельт был нашим военным союзником в двадцатом веке, а в веке двадцать первом он является нашим идеологическим союзником.

Итак, демократия, понимаемая не как декорация для олигархических и бюрократических спектаклей, а как власть народа, волей народа и для народа. Международные отношения, направляемые не транснациональными корпорациями, не агрессией и произволом, а общепризнанными нормами, волей народов и для народов. Таким, мне кажется, видел будущее Рузвельт.

И вот настало то самое завтра. Мы живем во времени, которое было для Рузвельта будущим. Победила ли его система взглядов? И да, и нет.

Демократия — не коммунизм, который якобы мог быть построен однажды и навсегда. Она не факт, а процесс. Демократия отступает и проигрывает каждый день там и тогда, где и когда выносятся несправедливый приговор, унижается человеческое достоинство, нарушается закон, усиливается бедность. И демократия ежедневно побеждает там и тогда, где и когда люди добиваются справедливости, имеют возможность высказываться, где улучшается материальное благосостояние.

Россия понемногу движется в нужном направлении. Не всем это нравится. Много совершается нами и ошибок. Но мы не первые и не последние на этом пути. Справимся.

Теперь позвольте небольшое лирическое отступление. Хочу сказать, что Франклин Рузвельт еще многие годы будет для всех нас, для каждого русского величайшим из всех великих американцев. Рискну предположить, что у нас в стране он все же популярнее даже самого Бенджамина Франклина, изображенного известно где. И не потому, что он несколько раз сфотографировался в Тегеране и Ялте с «чудесным грузином», нашим тогдашним диктатором.

Вот, мне кажется, почему. Например, мой дед едва вернулся с финской — и тут же угодил на германскую. Он довоевал почти до Берлина, но в 1945-м был тяжело ранен. Вернулся домой. Прожил еще 20 лет. Наверное, есть очень много причин и обстоятельств, в силу которых он был только ранен, а не убит, как миллионы его ровесников. И нельзя исключить, что хотя бы одна из этих многих

ИСТОРИЯ НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

причин как-то связана с Франклином Делано Рузвельтом. Мой дед не особенно, скорее всего, интересовался личностью тогдашнего американского президента. Он был простой крестьянин. Но, возможно, при его лечении в госпитале использовались медикаменты, полученные из Америки по ленд-лизу. Или, возможно, авиационная бомба хорошего немецкого качества, приготовленная судьбой для моего дедушки, улетела в последний момент не за ним, на Восток, а на Запад, где наконец-то, хоть и поздно, но все же очень вовремя, был открыт второй фронт — и смерть изменила траекторию: дед вернулся домой живым. Может быть, конечно, что все было и не так. Но могло быть и так. И поэтому — господину Рузвельту мой отдельный респект.

Завершу тем, с чего начал. История, конечно, не повторяется. Но Россия стремится к свободе от нужды и свободе от страха, борясь с терроризмом, коррупцией и бедностью. И есть люди и общества, пример которых нас вдохновляет. Франклин Рузвельт и его Америка в их числе.

Демократия наша — фактически ровесница века, свежий продукт трагической трансформации через царизм, социализм, олигархию. Дело для многих все еще непривычное, поскольку никогда прежде наше государство не отличалось щепетильным отношением к гражданским правам.

Поддерживать суверенитет без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности, — задача для начинающих нетривиальная.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО

Параграфы PRO суверенную демократию

§ 0. ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Люди стремятся жить свободно в составе сообществ, организованных на справедливых началах. Сообщества исторического масштаба, называемые нациями¹, состоятельны в той мере, в какой способны дать каждой личности ощущение частной свободы и справедливого порядка, общего для всех. Достоинство свободного человека требует, чтобы нация, к которой он относит себя, была также свободна в справедливо устроенном мире.

Высшая независимая (суверенная) власть народа (демократия) призвана соответствовать этим стремлениям и требованиям на всех уровнях гражданской активности — от индивидуального до национального.

¹ Здесь нация понимается как сверхэтническая совокупность всех граждан страны. Применительно к России: «нация» в данном тексте — «многонациональный народ» в тексте Конституции. То есть российская нация (народ) объединяет все народы (национальности?) России в общих границах, государстве, культуре, прошлом и будущем.

Она утверждает принципы массового правления в качестве естественных для массовых культур в эпоху массового доступа к знаниям (информации) и средствам коммуникации. Она осуществима в сложном и усложняющемся во времени взаимодействии государственных, корпоративных и частных влияний.

Здесь, в России, ей предстоит: испытать на себе и обратить в свою пользу мощь глобализации; добиться вытеснения засоряющих перспективу теневых институтов коррупции, криминального произвола, рынка суррогатов и контрафакта; устоять перед реакционными приступами изоляционизма и олигархии¹. Создать новое общество, новую экономику, новую армию, новую веру. Доказать, что о свободе и справедливости можно и должно думать и говорить по-русски.

§ 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Рассуждение о суверенной демократии в России отвечает положениям Конституции, согласно которым, во-первых, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»; во-вторых, «никто не может присваивать власть в Российской Федерации».

Таким образом, допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими.

§ 2. ДОПОЛНЕНИЕ

Краткими определениями суверенной демократии способны служить почти буквальные переводы этого термина на старомодный («самодержавие народа») и современный («правление свободных людей») русский.

¹ Грубейшая и глупейшая ошибка обзывать олигархом каждого крупного предпринимателя. Олигархический капитал только тот, что сознательно используется для институционализации коррупции и манипулирования, незаконной узурпации государственных функций.

Кстати, обозначаемая этим термином сумма идей под разными названиями так или иначе реализуется многими амбициозными нациями.

Данные идеи исходят из представления о справедливом мироустройстве как о сообществе свободных сообществ (суверенных демократий), сотрудничество и соревнование которых осуществляются по разумным правилам. И потому предполагают либерализацию международных отношений и демополизацию глобальной экономики. Чем, конечно, раздражают планетарных силовиков и монополистов.

Что касается национальных эмоций, то в этом измерении концепция суверенной демократии претендует на выражение силы и достоинства российского народа через развитие гражданского общества, надежного государства, конкурентоспособной экономики и эффективного механизма влияния на мировые события.

§ 3. ВОЗРАЖЕНИЕ

Возразить крикливой фракции «интеллектуалов», для которых солнце восходит на Западе, нетрудно. Достаточно напомнить, что суверенная демократия — отнюдь не доморощенная затея. Напротив, широко распространенное и признанное практикующими политиками понятие: «Успешная трансформация новых независимых государств в суверенные демократии является центральным звеном европейской стабильности» (Уоррен Кристофер, государственный секретарь США, 1994 год); «...наш [Европейский] союз хранит сущность... федерации суверенных демократий» (Романо Проди, председатель Европейской комиссии, 2004 год).

Серьезные критики указывают, что демократия не нуждается в определениях, она либо наличествует, либо отсутствует, а любое уточняющее прилагательное означает или авторитарное популизм, или софистический подвох.

Между тем давно и точно замечено: демократия не факт, а процесс, затрагивающий самые разные области жизни людей. И процесс этот «пошел» не пять минут назад.

Многие общества в свое время считали себя демократическими, ограничивая при этом права женщин и расовых меньшинств и даже (несколько раньше) приторговывая невольниками. Была ли та демократия такой же, как теперь? И если все-таки нет, то как обойтись без определений?

Например, относительно недавно, в конце прошлого века, некоторые эксперты стали отличать «плюралистическую» (более «совре-

менную») демократию от «мажоритарной». То есть в оценках полноты народного правления сместили политологический акцент с доминирования самой большой группы избирателей (которая при всем к ней уважении не представляет же весь народ) на состязание за доступ к рычагам влияния на власть всех (и самых малых) групп населения. И правильно сделали, жаль только, что не обошлись без прилагательных.

Перенос удара на отдельные составляющие демократического процесса неизбежен и необходим в каждой новой точке исторического пространства-времени. В каждом новом контексте перманентного соперничества людей и доктрин.

§ 4. КОНТЕКСТ

Русские инициировали грандиозную демократизацию жизненного уклада — как своего, так и множества находившихся на орбите их политического и культурного влияния народов¹. Предприятие это, движимое (очень по-нашему) больше дерзостью, чем расчетом, отягощенное чудовищными ошибками и жертвами, стало вместе с тем самым многообещающим актом глобальной модернизации.

Необратимое усложнение механизмов человеческой экспансии (так называемый прогресс) привело Россию к пересмотру стратегии участия в гонке государственных, экономических и пропагандистских машин. Дизайн последних социальных моделей явно направлен к смягчению политических режимов, росту роли интеллектуального превосходства и информационного обмена, опутыванию властных иерархий саморегулируемыми сетями, короче — к демократии.

Соответствующие преобразования в нашей стране отозвались и драматически сочетаются с глубокими изменениями за ее границами. Демобилизация соцлагеря, удвоив территорию свободы, заодно и невольно открыла различным силам простор для геополитического произвола.

Глобальные плоды просвещения (экономические, информационные и военные инструменты глобализации) самим своим существованием порождают не только надежду на всеобщее процветание, но и соблазн глобального господства.

¹ Не будет лишним еще раз заметить: Россия приведена к демократии не «поражением в холодной войне», но самой европейской природой ее культуры. И еще раз: не было никакого поражения.

Среди соблазняемых и некоторые правительства, и банды террористов, и криминальные интербригады.

Конечно, тонкие ценители обнаружат существенную разницу между вселенской бюрократией, всемирным халифатом и всеядной мафией. Но любая чрезмерная централизация материальных средств тотального контроля и уничтожения, тотального производства и потребления, тотального манипулирования и коррупции формирует тотальную (тоталитарную) власть. А значит — непоправимую несправедливость и несвободу. Что крайне нежелательно в любой отдельно взятой стране и абсолютно неприемлемо в глобальном масштабе.

Сохраняя демократический порядок (целостность многообразия) в нашей стране, ее граждане способны ради защиты собственных прав и доходов участвовать в поддержании баланса многообразия в мире.

Навсегда расставшись с гегемонистскими претензиями, не дать обзавестись ими кому бы то ни было. Быть на стороне сообщества суверенных демократий (и свободного рынка) — против каких бы то ни было глобальных диктатур (и монополий).

Сделать национальный суверенитет фактором справедливой глобализации и демократизации международных отношений.

В таком деле есть и прагматизм, и романтика. Найдутся союзники и противники. И — может заключаться миссия.

§ 5. УДАРЕНИЕ

Военно-полицейский аспект национальной самостоятельности, в той или иной мере присущий всем государствам, в российском случае слишком часто проявлялся сверх всякой меры, принимая крайние формы изоляционизма и неистового администрирования. Понимание же суверенитета как свободы и конкурентоспособности открытого общества только начинает складываться, отсюда — актуализация темы.

Демократия наша — фактически ровесница века, свежий продукт трагической трансформации через царизм, социализм, олигархию. Дело для многих все еще непривычное, поскольку никогда прежде наше государство не отличалось шепетильным отношением к гражданским правам.

Поддерживать суверенитет без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности, — задача для начинающих нетривиальная.

И вот, несмотря на то что прилагательные теперь под подозрением, удавление может быть поставлено: суверенная.

§ 6. СУВЕРЕННАЯ

Некоторые подвижники коммерческой философии, трудящиеся в специализированных «некоммерческих» и «неправительственных» организациях, пишут, что в наш век интеграции и взаимозависимости глупо цепляться за суверенитет. Вряд ли, впрочем, среди правительств-спонсоров подобных писаний найдется хоть одно, готовое у себя дома ликвидировать национальное законодательство, экономику, армию и самое себя.

В пример десуверенизации во имя всего наилучшего приводят Евросоюз. Забывая о заминке с евроконституцией (что, допустим, поправимо). И о том, что речь идет либо о становлении устойчивой ассоциации суверенных государств, либо (в самых смелых мечтах) о синтезе мультиэтнической евронации и ее, так сказать, всесоюзном суверенитете, какими бы политкорректными эвфемизмами он ни обозначался.

Для России жертвовать сегодня национальной свободой ради модных гипотез было бы так же безрассудно, как в свое время — ради карлмарксовых призраков. А расплачиваться ею за еду и одежду (и даже за «оборудование») — и безрассудно, и унижительно.

Суверенитет, будучи «полнотой и независимостью власти», не меняется. Но — меняется его содержание вместе с манерой властвования. Образ государства, рассредоточенный из дворцов и крепостей по присутственным местам, избирательным участкам и телеэкранам, демократизируется.

Массовые действия являются в большей степени итогом обсуждения и убеждения, чем принуждения. Среди символов могущества все ярче выступают передовая наука, моральное преимущество, динамичная промышленность, справедливые законы, личная свобода, бытовой комфорт.

Основным ресурсом обеспечения суверенитета признается не просто обороно-, а комплексная конкурентоспособность. Которая обретается на воле, в открытом соревновании, никак не в бомбоубежище или теплице.

Наднациональные и межгосударственные структуры разрастаются отнюдь не в ущерб «полноте и независимости». Им делегируется не власть, как мерещится многим, а полномочия и функции. Право

же делегировать (а значит, и отзывать), то есть собственно власть — остается национально-государственной.

Конечно, политическое творчество далеко не всех наций увенчивается обретением реального суверенитета. Многие страны и не ставят перед собой такую задачу, традиционно существуя под покровительством иных народов и периодически меняя покровителей. Размножение развлекательных «революций» и управляемых (извне) демократий, кажущееся искусственным, на самом деле — вполне естественно среди таких стран.

Что касается России, прочное иновластие здесь немислимо. Маргинальные союзы бывших чиновников, действующих нацистов и беглых олигархов, взбадриваемые заезжими дипломатами и незатейливой мыслью о том, что за граница им поможет, могут пытаться разрушить, но никогда не смогут подчинить общество, для которого суверенитет — гражданская ценность.

Встречается мнение, будто десуверенизация нашего государства никому не интересна (или нереальна). Но повсеместная и повседневная нужда в сырье и безопасности так громадна, а здешние запасы ядерного оружия, нефти, газа, леса, воды так обильны, что излишнее благодушие едва ли оправданно. Особенно если учесть, насколько возможность осознания, защиты и продвижения наших национальных интересов снижена повальной коррупцией, диспропорциями экономики и простой медлительностью мысли.

Центр прибыли от международных проектов использования российских ресурсов должен закрепиться в России. Так же как и центр власти над ее настоящим и будущим.

§ 7. ДЕМОКРАТИЯ

Демократия у нас прижилась, но приживалка она или хозяйка — пока вопрос. Формальные ее характеристики (сколько и каких надо партий, президентских сроков, «преемников», социальных пособий, судов, муниципальных образований, государственных предприятий, независимых СМИ...) обсуждаются регулярно и остро.

Среди производимых по столь важным и занимательным поводам шумов теряются на дальнем плане слова о свободе, справедливости, доверии.

Общественные ценности и мораль почитаются темой чуть ли не академической, а то и вовсе демагогической.

Так и поднятая президентом идея сбережения народа расслышана только как поручение платить рожаящим женщинам. Платить, конечно, нужно, и поручение такое есть. Но идея сбережения не плоско демографическая, она фундаментально демократическая.

Социальная расточительность, привычка сорить людьми («у Бога людей много»), изводить друг друга без счета и смысла коренится глубоко в прошлом.

Россия теряла в страшных войнах больше солдат, чем любой ее союзник или враг, а крупнейшие социально-экономические достижения обретала в периоды деспотического реформирования, подобные войнам.

Окно в Европу прорубалось способами, которые и азиатскими назвать нельзя, не оскорбив Азию. Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества. Политическую неряшливость, с какой водворялась демократизация, могла себе позволить лишь высокомерная и не знакомая с общественным контролем номенклатура. Подменившая легитимную власть олигархия сопровождалась пандемией нищеты, коррупции и заказных убийств, настоящим коммерческим террором, самоистреблением за деньги.

Мрачными парадоксами прогресса отмечены биографии всех великих наций. Но утешения сравнительной тератологии отвлекают от насущного вопроса: может ли Россия расти иначе? Или всегда — через силу? Возможно ли ее свободное развитие, мирное строительство, ненасильственная модернизация?

Впервые за тысячу лет наше общество так свободно. Складывающийся порядок бранят. И прекрасно, поскольку громогласное негодование по случаю изъянов и отступлений демократии — неотъемлемая ее черта. Одни принимают всякую сложность за хаос, разнообразие за развал, музыку за сумбур. Другие шарахаются от малейшей тени регламента и процедуры.

Правда, среди одних и других встречаются суеязиющиеся перверты с необыкновенной легкостью в мыслях. Смесь дурно понятого традиционализма и либеральных суеверий прописывается простыми рецептами всем страдающим от нехватки денег, воображения и должностей. Бомбометания, баррикады, перевороты, погромы проповеваются настойчиво и с покушениями на литературность.

Задворки демократий всегда кишат радикалами. О них не стоило бы и вспоминать, если бы их не пытались использовать для ослабления национального иммунитета. Если бы опыт свободной России был не так еще мал, а генетическая память о стране ради-

кально революционной, радикально реакционной и радикально бюрократической не так тяжела и притягательна.

Зыбкость, неукорененность демократических институтов питают кое у кого надежды на возвращение к олигархической либо квазисоветской модели, на присвоение власти отдельными группами денежных и аппаратных интересов.

Впервые в нашей истории есть шанс на излечение хронической болезни судорожного (революционно-реакционного) развития. Усложнение реальности (повышение качества жизни и соответственно качества недовольства ею; предъявление все более строгих требований к лидерству; фабрикация необычных взрывоопасных заблуждений; вызревание неожиданных экономических проблем) удивит уже близкое будущее неминуемыми и невиданными кризисами.

Освоит ли Россия народосберегающие технологии демократии для их преодоления? Или, по обыкновению, обратится к разорительному и беспощадному огосударствлению? Или — капитулирует и распадется? Оптимистические варианты ответов предполагают национальную солидарность на основе общих ценностей свободы, справедливости и материального благополучия.

Сбережение народа может стать целью и средством обновления. Программой гуманизации политической системы, социальных отношений, бытовой культуры.

Навыком бережного подхода к достоинству, здоровью, имуществу, мнению каждого человека.

Время наблюдений ничтожно, смелые выводы делать рано, но первые шаги российской свободы обнадеживают. Демократия справилась с нищетой, сепаратизмом, общественным унынием, правовой разрухой, остановила распад армии и госаппарата. Потеснила олигархию, перешла в решающее наступление на международный терроризм, укрепила экономику... работает...

§ 8. РАБОТА

Для суверенной демократии, отличающейся от прочих интеллектуальным лидерством, сплоченной элитой, национально ориентированной открытой экономикой и умением защищаться, абсолютно приоритетны:

- гражданская солидарность как сила, предупреждающая социальные и военные столкновения. Свободное общество не будет мириться с массовой бедностью (на фоне массового же уклонения от уплаты налогов), убожеством социальной защиты, несправедли-

вым распределением общественных доходов. Равно как и не поставит под сомнение (в условиях необъявленной гонки вооружений) необходимость разумных оборонных бюджетов для поддержания престижа и технического переоснащения армии, флота, спецслужб. За надежду на мир в будущем нужно платить здесь и сейчас;

- творческое сословие как ведущий слой нации, возобновляемый в ходе свободного соревнования граждан, их политических, экономических и неправительственных объединений. Синергия креативных гражданских групп (предпринимательской, научной, культурологической, политической) в общих (значит, национальных) интересах выглядит позитивной альтернативой самозванству офшорной аристократии с ее пораженческой психологией. Манипуляция и коррупция могут кое-как поддерживать иллюзию государства. Воссоздавать его всерьез по силам только творческому сословию свободных людей, соединенных ценностями, способных к новациям (значит, к конкуренции), движимых личной выгодой к национальным целям;
- культура как организм смыслообразования и идейного влияния. Россия должна говорить, что делает, а не делать, что говорят, в роли не рядового обывателя, а соавтора и соактора европейской цивилизации. Производство смыслов и образов, интерпретирующих всеевропейские ценности и называющих российские цели, позволит ментально воссоединить расстроенную было нацию, собранную пока условно-административно, на скорую (пусть и сильную) руку. В полемике культур российское сообщение должно быть весомо и внятно, по природе свободно, по существу справедливо, по форме интересно, по тону приемлемо. Нужно утвердить собственные позиции в философском, социо- и политологическом дискурсах Запада, а поддержкой искусства (кино и литературы прежде всего) постепенно вернуть покоряющее обаяние отечественной культуры;
- образование и наука как источник конкурентоспособности. Некоторые конкурентные преимущества, унаследованные от СССР (очевидные в энергетике, коммуникациях, обороне и в самой сфере образования), должны использоваться для устойчивого развития глобально значимой национальной экономики. Могущественная энергетическая держава (до которой пока далеко) возникнет не в результате гипертрофии сырьевого сектора, а в борьбе за обладание высокими технологиями связи и информации, энергомашиностроения и энергосбережения, производства принципиально новых видов топлива. Интеллектуальная мобилизация на подъем перспек-

тивных отраслей, доступ к научно-техническим ресурсам великих экономик, усвоение современной исследовательской и производственной культуры может стать главной задачей и школ, и университетов, и внешней политики, и международной научной и промышленной кооперации.

Система образования — такая же инфраструктура будущей экономики знаний, как трубопроводы для теперешней экономики нефти. И требует не меньшего внимания и сопоставимых инвестиций.

§ 9. СОМНЕНИЯ

Говорят: «Россия надорвалась — длительное имперское напряжение лишило ее сил, она утратила пассионарность и покидает историю. Россия распадается — Дальний Восток обезлюдел, Кавказ озлоблен. Россия отстала навсегда — сырьевое захолустье, страна рабов, господ и вечной бедности, перебивающейся с хлеба на квас, с пеньки на газ. Россия вымирает физически — летальный исход от потери населения неотвратим».

Вообще всяких вскриков в пользу невозможности, неподвижности, неучастия, небытия всегда хватает в дни испытаний на прочность. Среди доводов декаданса — вернейшие, такие как лень, равнодушие, невежество, слабость.

Устранение России из будущего, попытка спрятать ее в прошлом от «кошмара» глобальной конкуренции — главное в замыслах обеих реставраций (олигархической и бюрократической).

Реванш олигархии (окончательное решение по неограниченной транснационализации российских экономических и политических активов) предписывает стране потерю субъектности, растворение в глобализации вместо участия в ней.

Реконструкция бюрократического государства, чаемая почитателями советской старины, уведет нас от конкурентной борьбы в тупик политической изоляции и экономического прозябания.

Реставрационные концепции вдохновлены малодушием и неверием (рекламируемыми как «здоровый смысл»), признают за отдельными корпоративными группировками привилегию присваивать власть, постулируют провал модернизации и чреваты разбродом России со всеми печальными последствиями.

Суверен-демократический проект относится к числу допускающих будущее, и не какое-нибудь, но отчетливо национальное.

Потому что: народ не наделял ныне живущие поколения правом прекратить его историю; гражданам страны, известной великой цивилизаторской работой, по справедливости принадлежит достойное место в мировом разделении труда и доходов; по древнему принципу «кто правит, того и вера» правящий народ, не утративший веры в себя, — будет.

§ 10. РУССКИЕ

Судьба российской нации непрерывно решается как нелинейное уравнение разнородных интересов, обычаев, языков и религий. Русские, неутомимые вершители этой высокой судьбы, плотно сплетены с народами, вовлеченными в создание многогранного российского мира.

Вне татарского, угорского, кавказского измерений русское политическое творчество неполно. Исход из России ее народов в 1991-м пережит крайне болезненно. Повторение чего-то подобного — смертельно опасно.

Заглохший (вроде бы) сепаратизм некоторых национально-титолованных территорий оставил повсюду тлеющие очаги культурной замкнутости и архаической нетерпимости. Этнически окрашенные преступные конгломераты (прежде всего террористические) заразили ксенофобией многих людей разных национальностей.

Нашлись и среди русских поддавшиеся пропаганде невероятной жизни без соседей и «приезжих».

Шарлатаны, проповедующие прелести этнического уединения, на самом деле пытаются выселить русских из многонациональной России. Куда? В «русскую республику» в границах раннемосковского царства? В этнографический заповедник, где нас никто не доставит, с табличкой «не беспокоить» на заборе?

В каждом регионе и «приезжие», и «местные» должны вести себя в рамках закона и приличия. Этнокриминалитет и сопутствующая ему ксенофобия разрушат русское многонациональное государство, если не будут побеждены правосудием, просвещением и успешным развитием.

Величайшие русские политические проекты (такие как Третий Рим и Третий интернационал) были обращены к людям других народов и открыты для них. Критически анализируя прошлое, признавая ошибки и провалы, мы вправе и будем гордиться всем лучшим, что унаследовано от империи и Союза. В том числе — уникальным опытом взаимопонимания православной церкви с исламской общи-

ной, иными конфессиями, всестороннего взаимодействия и взаимопомощи земель и городов.

Русская мысль органически толерантна. Русская политическая культура исходит из межэтнического мира и стремится к нему. Нет никаких сомнений, что русский демократический проект открыт и должен быть привлекателен для всех российских народов.

§ 11. ЕВРОПА

В Европе нашу страну представляют по-всякому. Есть несгибаемые приверженцы ветхολатинского слогана *contra omnes moscos et tartaras*. И сомневающиеся, европейцы ли обитают на дальнем евровостоке. Учителя (и добрые, и суровые), претендующие преподавать беспокойному ученику незабываемые уроки разной степени тяжести. И те, для кого Россия — опаздывающий европеец. И те, кому — стратегический партнер и потенциальный союзник.

Недопустимо, чтобы эти представления стали сплошь отрицательными. Впрочем, и превратить их в монотонно приятные вряд ли когда-нибудь удастся.

Все влиятельнейшие европейские нации (Россия в том числе) имеют неоднозначные мнения друг о друге. Век за веком образуя действительно непревзойденную цивилизацию, они не только сотрудничали и взаимно обогащались. Знали также и много горя от ума. Фашистская галлюцинация, бред нацизма, механизированная резня 1914–1918-го, 1939–1945-го — произведения (если кто забыл) стопроцентно европейские.

Европа не нуждается в идеализации.

Теперешнее преимущество Европы в незаурядной воле к рациональному устройству, к поиску мирного пути, по возможности — в обход политических катастроф и ментальных затмений.

Бог знает, получится ли, но как минимум в этом смысле Россия, в свою очередь осваивающая демократию, — в Европе.

Здесь же — интеллектуальные ресурсы, без доступа к которым модернизация нашей страны невозможна. Сотрудничество в сфере науки, техники, высшей школы, мультинациональные корпорации в наукоемких и высокотехнологичных отраслях могли бы связать нашу экономику с европейской и заатлантической вернее и с большей пользой, чем примитивные поставки сырья.

Повторимся, западнее России разные люди: и намеренные подчинить ее, и полагающиеся на взаимовыгодное партнерство. Первым наша демократия способна предъявить решимость в отстаивании суверенитета, вторым — открытость, гибкость и продуктивность кооперации.

Не выпасть из Европы, держаться Запада — существенный элемент конструирования России.

§ 12. СКРОМНОСТЬ

Терроризм не добит. Инфраструктура изношена. Больницы и школы бедны. Техническая отсталость и бытовая неустроенность удручающе огромны. Творческие силы скудны и распылены.

Когда для выживания нации срочно требуется новая экономика, упущенное время расторопно доедает старую.

Скромность и трезвость самооценки не повредят амбициям, наоборот, сделают их реалистичнее и честнее. Напомнят — давно пора учиться изобретать, управлять, конкурировать.

§ 13. ВЕЛИЧИЕ

Получит ли великая история России великое продолжение, зависит только от нас, ее граждан.

Сегодняшнее величие небесспорно, завтрашнее неочевидно. Президент Путин постоянно напоминает, что на повестке дня не всеобщий отдых под разговоры о великой стране, а активная работа по модернизации.

Пока же велики не столько достигаемые цели и утверждаемые ценности, сколько цены на углеводородное сырье.

Кажется, газированная экономика тонизирует и освежает. Но если и когда она выдохнется, мы увидим, чего стоят ее производные — шипучие амбиции, игристая риторика и дутое благополучие.

Мы обязаны выстроить базис инновационной культуры, системы создания уникальных знаний, поскольку знание — это власть и капитал для сбережения народа. И сейчас, и в посленефтяную эпоху, наступление которой неизбежно.

Мы обязаны конвертировать сырьевую экономику в интеллектуальную, чтобы проложить России путь вверх, в будущее, в сообщество креативных наций, направляющих историю.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО...

§ P. S.

Текст про суверенную демократию, составляемый по ходу дискуссии совместными усилиями сторонников и критиков, — одна из интерпретаций нашего недавнего прошлого и близкого будущего.

Он основан на предположении о неизбежности усложнения и дифференциации социальных структур. Его задача — привлечение общественного внимания к взаимосвязанным вопросам свободы личной (о демократии) и свободы национальной (о суверенитете). Он открыт для согласия и спора. В нем нет почти ничего обязательного и совсем ничего назидательного.

Единственное, на чем настаивает формируемый текст, — справедливость для каждого в России и для России в мире.

Единственное, чему стремится способствовать, — выработка эффективной практики воспроизводства интеллектуальных, моральных, политических и экономических ресурсов свободы.

Демократическая система — это система, действующая на пределе сложности. Вот предел этой сложности и является главным вопросом: где он? Зайти за него опасно, потому что в таком случае система развалится, нельзя чрезмерно повышать уровень энтропии в обществе. Если мы ниже предела — общество начинает стагнировать. Поиск этого баланса — задача и общества в целом, и наша.

«ПОЛИТИКА — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТЕКСТ»

Какое отношение имеет политика к литературе?
— Политика — это прежде всего текст. Сообщение. Те, кто интересуется политикой, может быть, услышат повторы, но и повторы — тоже необходимая часть утверждения.
Начнем издалека. Почему — демократия, как мне это представляется.

Человеческая экспансия и расширение жизнедеятельности человека связаны с созданием усложняющихся механизмов — и в машинном мире, и в литературе. И язык усложняется, и усложняется общество — объективно. Эта тенденция когда-то должна прерваться — у сложности тоже есть свои пределы. Но пока это так, и опыт показывает, что сложно устроенное общество более эффективно.

Россия пришла к демократии органически. Потому что система простая, жесткая, командная исчерпала себя.

Плавно изменяющееся, постоянно находящееся в движении социальное устройство более гибко, более чутко, в нем быстрее вращается информация, что очень важно.

Я веду к тому, что демократический путь развития для России неизбежен.

Демократическая система — это система, действующая на пределе сложности. Вот предел этой сложности и является главным вопросом: где он? Зайти за него опасно, потому что в таком случае система развалится, нельзя чрезмерно повышать уровень энтропии в обществе. Если мы ниже предела — общество начинает стагнировать. Поиск этого баланса — задача и общества в целом, и наша. Но поиск этой границы надо осуществлять. В том числе и путем проб и ошибок.

У Советского Союза была одна главная проблема — он был закрытым обществом. Закрытость формировала информационную отсталость, проще говоря, невежество. Многие социальные технологии и технологии как таковые просто не доходили до нас.

И, конечно, прямо скажем,

когда мы пришли в рыночную экономику, в демократию, у нас не было своего языка, своих идей. Мы брали плохо продуманные и часто лукаво составленные клише.

Так в Россию был привнесён либеральный фундаментализм. Привнесена доктрина: чем меньше государства, тем лучше — и под этим девизом проводилась вся работа.

Я считаю, что на первом этапе, когда происходила ломка старой системы, это было нормально. Но когда предыдущая система уже была демонтирована — ничего не изменилось. До сих пор руководители так называемого экономического блока в том числе ориентируются, на мой взгляд, на давно устаревшие и бывшие модными очень краткое время либеральные догматы. По их мнению, процветание обеспечивается отсутствием государства. Это глубочайшее заблуждение, непродуктивное и не подтвержденное развитием ни одной страны в мире.

Это говорит о невысоком уровне внимания к истории. Например, в США огромные компании часто создавались отдельными законами — и даже советы директоров назначались решением конгресса. Когда им это было надо — они это делали. Потом, когда у них отпала в этом необходимость, они стали всем говорить, что этого не надо делать никому и никогда.

Как бы ни проходила приватизация, я считаю, что случилось — то случилось. Но мы убеждены, что ряд отраслей должны быть в зоне особого внимания государства и общества. На наш взгляд, это топливно-энергетический комплекс, это, конечно, система связи и

вообще стратегические коммуникации. Мы считаем, что шаги в этом направлении оправданны. И ситуация, когда в «Газпроме» не было контрольного пакета государства, не объяснима ничем. Это была ненормальная ситуация, с которой мы не могли мириться.

Сегодня создание крупных государственных компаний вызывает неоднозначную реакцию. Якобы все это делается в целях личного обогащения. Мы знаем, читаем об этом и спокойно к этому относимся. Это неправда.

Мы хотим, чтобы в России было создано несколько мегакомпаний, с помощью которых страна могла бы конкурировать на мировом рынке. На мировом рынке нельзя присутствовать, имея маленькие компании.

Что касается сугубо частных компаний, которые якобы должны спасти Россию от всех бед и разрухи, — вопрос о них очень спорный. Потому что крупные компании, пока государство не начинало на них воздействовать, не проявляли особенного интереса к социальной сфере и демонстрировали массовое уклонение от налогов.

Увеличить, скажем, налог на добычу полезных ископаемых еще при прошлом парламенте было просто невозможно — крупные компании не давали этого делать. Хотя совершенно очевидно, что в силу незаслуженных, я бы так сказал, цен на углеводородное сырье вполне естественно возникает вопрос, что эти компании должны больше отчислять на нужды общества. Но никто не собирался этого делать. И это где-то естественно. Не то что в России так — так везде.

Не секрет, что все, что находилось и находится до сих пор в частных руках, в какой-то момент, когда капитализация этих компаний стала довольно высокой, было готово к продаже иностранным покупателям. Не хочу эти компании называть, но это касалось всех крупнейших сырьевых компаний. То есть собственность, полученная в результате залоговых аукционов, за несколько лет достигшая предельной цены, вся находилась в стадии предпродажи. Если бы не определенный сигнал от государства, обозначившего свою политику, я абсолютно уверен, что все эти компании сегодня находились бы в иностранной собственности.

Есть много энтузиастов, которые говорят: «Мы сами ничего не умеем, тысячу лет пытаемся на этом пространстве хоть что-то окультурить, и ничего у нас не получается. Поэтому давайте иностранцы приедут, и все у нас будет хорошо, и они дадут нам работу».

Конечно, с западными компаниями необходимо сотрудничать. Но и здесь существует вопрос баланса. Мы считаем, что приоритет все-таки должен быть у российского капитала, как государственно-

го, так и частного. По одной простой причине: о нас никто не позаботится, кроме нас самих. Вся эта, извините, брехня про то, что куда приходят транснациональные корпорации, там все расцветает, — это все от лукавого. Потому что в Нигерии всю нефть добывают транснациональные корпорации. Как живут нигерийцы, знают все. Те, кто не знает, могут навести справки.

В Боливии, где к власти пришел ультралевый деятель, он тоже пришел не просто так. Потому что все эти годы транснациональные компании владели там газом и оловом, а уровень бедности в этой стране один из самых высоких в мире.

Еще раз подчеркну, что Россия не сможет конкурировать, если она не будет собственником-гигантом, потому что в мире конкурентоспособны только гиганты. И до того как «Газпром» стал тем, чем он стал сегодня, в России не было ни одной компании, хотя бы немного сопоставимой с десятком крупнейших мировых компаний. Сейчас мы в эту десятку вошли, но, естественно, этого мало, потому что это всего лишь сырьевые компании. Дальше мы будем превращать экономику из сырьевой в несырьевую.

По этому поводу я хотел бы высказаться отдельно. Я недавно смотрел передачу — там один деятель из Америки очень точно сформулировал... (я все время думал, как это назвать) одно важное понятие. Он сказал, что русский бизнес отличается от американского тем, что он оппортунистический. Он пояснил, что имеет в виду: российский бизнес нацелен на контроль над потоками, он не создает ничего нового. Он не новаторский. Грубо говоря, не знаю, корректно или некорректно это сравнивать, — но одни изобретают — другие торгуют. Мы относимся к тем, кто торгует уже чем-то готовым.

Мы хорошие импортеры — оттого что у нас есть кусочек земли, где есть нефть или газ. Это действительно так. Я сам из бизнес-среды и могу сказать: у нас почти нет важнейших направлений в современном бизнесе, не происходит создания новых продуктов, новых товаров, новых идей.

Вообще у нас любят поговорить об инновационной экономике, но говорят об этом как о некоей абстракции. Как правило, не имея ответов на самые простые вопросы: что такое инновационная экономика? Нужны инновации — давайте! В какой сфере инновации? Нельзя, чтоб они появились сразу в любой сфере! Вот сидишь и изобретаешь все подряд — так не бывает, тем более в наше время узкой специализации.

Здесь у нас, я считаю, просто провал. Абсолютное непонимание важности системы образования.

Мне кажется, перед страной сегодня стоит задача, сопоставимая с задачей, которая стояла перед большевиками после революции и Гражданской войны, — создать новую экономику. Но мы пока все не особенно озабочены этим. Более того, не видно никакого прорыва и в осознании глубины этой проблемы. Потому что то, что мы сегодня в России называем экономикой, в современном смысле слова экономикой не является.

Какая у нас экономика? У нас есть нефть. Течет по трубам. Но разве это экономика?

В современной экономике — и всегда так было — господствует тот, кто изобретает новый продукт, товары, технологии, в том числе, кстати, и социальные. Особая проблема у нас в политике. Потому что пресловутые оранжевые технологии — это тоже технологии, это продукт творческого мышления западных политических менеджеров. А мы на все это смотрим как папуасы: «Чудо какое!».

Чудо, конечно, но это — тех-но-ло-гии!

На мой взгляд,

нам неизбежно придется осознать эту проблему и создать в России новую экономику. Она может быть только инновационной. Уповать на сырьевой сектор — дело довольно безнадежное, потому что рано или поздно сырье закончится.

Но заниматься этим нужно прямо сейчас. Мне кажется, что все это связано с инвестициями в систему образования. Мне кажется, что это связано вообще с созданием целой инновационной культуры. Это должно быть интересно, и занятно, и азартно целой куче людей.

Дело не только в том, что у нас за это не платят, — дело в том, что нет нужной энергии, и я не знаю, откуда ей взяться. Но нужно искать источник и пытаться даже завозить иностранных специалистов именно для этих целей. Не стесняться приглашать иностранных ученых, инженеров. Насколько известно из истории, русский народ перемчивый и вполне обучаемый. Поэтому, мне кажется, сосредоточиться на этом — задача следующего периода.

Но пока мы решаем то, что решаем, — консолидация стратегических активов и попытка заставить их работать на общество в целом.

Мы гордимся тем, что растут реальные доходы.

Да, в убогом состоянии наша инфраструктура и бытовые условия наших сограждан. Нам это хорошо известно. И это очень печально. Но рост есть.

Оттеснение олигархии непосредственно от власти — оно произошло, кто бы что ни говорил. Другое дело, что в 1990-е годы, хотим мы того или не хотим, коррупция была институционализована. Это явление сегодня не преодолено.

Не думаю, что коррупцию возможно истребить только репрессивными методами. Конечно, она должна караться, но одного этого мало. И, к сожалению, в этом случае мы должны рассчитывать на медленную эволюцию и развитие внутренней культуры.

Еще когда я работал в бизнесе, до меня доходили сведения, что за оборонный заказ «откатывалось» чиновникам до 40%. Невозможно себе представить! В 1990-е годы — когда и так мало финансировали «оборонку»! Что там оставалось, когда доходило до какой-нибудь подводной лодки? На два мотка проволоки...

Сегодня контрабанда колоссальна. На вещевых рынках — почти все контрабанда.

Или проблема нелегальной миграции: все ругают мигрантов. Но кто покрывает нелегальную иммиграцию, кто завозит нелегальных иммигрантов, кто сквозь пальцы на это явление смотрит?

Коррупция настолько всеобъемлюща, настолько всепроникающая, она стала образом жизни, — это очень серьезный вызов, на который нам предстоит отвечать еще много-много лет. Государство должно быть последовательным в решении этой проблемы, но какой-то одной мерой здесь точно не обойдешься.

Я считаю эту проблему главной для нашего общества. Потому что

при любой смене власти проблема коррупции может иметь сокрушительный эффект. Потому что, когда все продается, — страну могут, в конце концов, купить. И, конечно, в такой системе следовать национальным интересам очень затруднительно.

Мы говорили о том, что демократия — это сложная социальная система. Но сейчас она испытывает дефицит сложности.

Централизация власти приобрела такой масштаб, дальше которого идти опасно. Есть границы, которые нельзя переходить. Мы тоже это понимаем. Если система слишком, сверхцентрализована — она становится непродуктивной.

наш организм: если мы все заостенеем, мы же двигаться не сможем. Все жесткое — мертво, а живое — гибко.

Вы знаете, даже самый раскрепощенный человек, находясь на вершине самой маленькой административной пирамиды, если у него нет проблем и нет никаких внешних раздражителей, через какое-то время начинает подвергаться действию необратимого процесса — у него появляется неадекватное отношение к реальности. И в такой сверхбюрократизированной системе можно все проспять, потому что люди не способны четко воспринимать сигналы извне. И любая крупная корпорация, если она не обновляется, начинает неизбежно проигрывать в силу своей косности и неадекватности.

С недавнего времени у нас появилась странная профессия: счетчики демократии: «Вот стало меньше демократии, вот стало больше». Это, конечно же, демагогия.

В разных странах очень по-разному формируют структуру власти. Никаких догм здесь нет.

Много говорят о том, что мы стали «назначать» губернаторов. Но вспомните — нам только что чудом удалось удержать Кавказ. И эти меры были направлены на консолидацию власти.

— Вы говорили о несправедном бизнесе, о бизнесменах, уходящих от налогов. Называете примеры. Когда всех виновных посадят?

— Я надеюсь, что никогда.

— Но они же совершили преступления?

— Вы знаете, было время, когда очень многие совершили то, что можно назвать так же. Я считаю, что если мы этот маховик мести когда-нибудь не остановим, нас ждет печальная участь. Ну сделали — и сделали. Можно ведь, и не сажая никого, исправлять эти ошибки.

— Но какой пример для народа? У нас же сформирована идеология воровства!

— Да.

— Если вы говорили о том, что бизнес надо учить и порой наказывать, почему не направить те же меры против чиновничества?

— Чиновников — если вы следите за газетами — сажают пачками.

— Вот вы говорите, что чиновников сажают. Но возникает ощущение, что их сажают исключительно к выборам.

— Ну знаете, я вас прошу. Ну к каким выборам? Какие сейчас выборы? Вчера арестовали руководителя Всероссийского фонда обязательного медицинского страхования. Серьезная государственная

структура. До выборов, поверьте, очень далеко. Если вы думаете, что все, что мы делаем, связано с выборами...

— **Не только с этим.**

— А с чем еще? С групповыми разборками? Есть группа людей, которые пишут и говорят исключительно в таком режиме: если кого-то посадили — это, конечно же, результат аппаратной борьбы, а не результат реального возмездия. Поверьте, я все это знаю. Я даже не возражаю, чтоб вы тоже так думали. Но, поверьте, это не всегда так.

...«Идеология воровства» — это вы очень правильно сказали. Именно идеология!

Но нельзя во всем искать подтексты. Вот говорят: мы знаем, зачем вам «Газпром» — ну конечно, для личного обогащения! Но это говорят люди, которые сами себе иного помыслить не могут! Это не значит, что они доказали, что мы здесь такие. Это значит, что они сами, если бы оказались здесь, первым делом взяли бы воровать. А как же? У них другое в голове не умещается. Они не понимают, что

есть люди, которые вовсе не святые, но реально хотят, чтобы о них осталась добрая память, они реально хотят, чтобы было хорошо. Я реально хотел бы.

На самом деле, вы знаете, из простого человеческого тщеславия. Я правда хотел бы, чтоб о нас потом говорили: эти ребята — они были профессионалы.

Может быть, мы мало этого заслуживаем. Но это нами тоже движет, поверьте. Мы хотели бы, чтоб о нас отзывались хорошо. Хотя бы какая-то часть общества. Конечно же, всем мы не угодим.

Был вопрос о социальной сфере. Что касается здравоохранения, мы понимаем проблему. К сожалению, большинство наших медицинских учреждений работают так, что там умереть проще, чем вылечиться. Знаем. Сами бывали в таких учреждениях в свое время. Не соглашусь, что ничего не делается совсем.

Вообще в социальную сферу, на мой взгляд, даже с перебором выделяются средства. Эти деньги настолько щедро раздаются, что ушел вопрос о том, что вообще-то, чтобы хорошо жить, надо еще и хорошо работать. Вы заметили, что из обсуждения эта тема вообще пропала: как надо работать? Потому что все говорят: дайте, дайте, дайте — у вас же много, так дайте. Но вот вопрос: увеличим бюджет, скажем, врачам. Сейчас участковый стал получать в разы больше. Но разве стала в разы лучше работа участковых врачей? Никто не знает.

— Сколько получает врач, Владислав Юрьевич?

— В разных регионах по-разному.

— Ну сколько?

— Около пяти-шести тысяч рублей.

— В нашем регионе многие получают три.

— Видимо, у меня информация по регионам, где ситуация по-лучше. Я знаю, что это очень мало.

— **Вы только не подумайте, что мы просим денег. Мы не просим денег, мы пытаемся создавать позитивные ценности для этой страны и для этого народа.**

— Для нашей страны.

— Спасибо, что поправили.

— Это просто англицизм, который недавно у нас прижился. В Рос-сии так никогда не говорили.

— **Так вот, мы хотим не поддержки писателей — мы хотим поддерж-ки институтов чтения, институтов образования. Мы же знаем, что серьезное искусство никогда не отдавалось на откуп рынку...**

— Все-таки я закончу про зарплату. Извините, что я преувеличил несколько вашу зарплату. Но мы действительно понимаем дикость такого неравенства.

Но я должен сказать, что есть и другая сторона. Я говорил с не-сколькими бизнесменами, которые высказали претензию нам — не мне лично, а государству, — что государство платит слишком много в бюджетной сфере. Я говорю об этом серьезно. Есть слу-чаи, когда они не могут конкурировать с бюджетной сферой. Ког-да, скажем, врачи покидают частные фирмы и уходят в бюджет-ную сферу. Поверьте, это не я их спрашивал — они предъявили это как проблему.

— Но это же...

— У вас есть ваша точка зрения — уважайте и чужую. Не мою, кстати, а их — я о бизнесе говорю. Они видят это со своей стороны. Не о трех тысячах они, конечно, говорят, а о других случаях. Мы уже говорили об участковых, которые стали больше получать.

— А почему, кстати, именно участковые?

— Я не специалист, видимо, там какая-то аргументация была.

— **Многое трудно объяснить. Вот врач, получающий три тысячи рублей, выходит каждый день из дома, а там объявление: «Набираем водителей мусоровоза. Зарплата 15 тысяч рублей». Где тут справедли-вость? Может, врачам на мусоровозы пойти?**

— Очень может быть. Вы знаете, мобильность — это первое ус-ловие гибкого свободного демократического общества. Потому что

если мы не хотим менять место жительства, место работы ради чего-то лучшего — наше общество обречено. У нас до сих пор есть города вокруг уже не существующих предприятий. Знаете, как бывают градообразующие заводы? Их нет — а люди там живут, и я не знаю, на что. Честно! Что они там делают — неизвестно. И они никуда не хотят уезжать в поисках лучшей доли. Они ничего не хотят менять в своей жизни.

Хорошая позиция, видимо, достойная глубочайшего уважения. Но, мне кажется, с такой позицией ничего не сделаешь. Вот у нас есть нелегальная иммиграция. К нам едут люди разных национальностей. А наше население, русское, — оно почти не движется.

— **В бизнесе есть некая мера ответственности. А у чиновников есть? Например, принимаются законы в сфере ЖКХ. В итоге дома, в которых ремонт не проводился 20–40 лет, навязываются в собственность людям без спроса. И теперь люди обязаны их за свой счет ремонтировать.**

— Знаете, когда в 1990-е мы решили приватизировать собственность, вы должны были об этом думать.

— **Но деньги разворовывались.**

— Еще раз: вы приватизировали жилье. Вы являетесь его собственником. Если вы не приватизировали — у вас могут быть претензии к государству.

Мы вообще зависли в этом постсоветском состоянии. Мы что, хотим назад — в Советский Союз? Ну давайте назад...

Да, это неприятно. Но надо, сказав «а», говорить «б». В этом и проблема! Я вот с одним крупным капиталистом как-то говорил. Когда была приватизация, они забрали заводы за ничего. А потом у них возникла идея: мы собственники, а теперь государство пусть займется сокращением персонала на наших предприятиях.

— **Извините, это некорректное сравнение.**

— Это корректное сравнение! Если вы приватизировали квартиру — вы являетесь частным собственником и должны рассчитывать сами на себя. Знаете, если в такой логике рассуждать — можно ведь у государства просить денег на бензин для собственной машины.

— **Нет, вы отремонтируйте, и я приму у вас в собственность.**

— Значит так: вы приватизировали квартиру в тот момент, в какой вы ее приватизировали. Была она отремонтирована на тот момент или не была — вы должны были за этим смотреть сами. Вы должны пройти и посмотреть: что вы, собственно, приватизируете? У людей был простой выбор: вы можете приватизировать свою квартиру, а можете не приватизировать. Все!

...Быстро ничего не происходит. Я вообще считаю, что любая революция — это скорее психологическая разрядка, чем реальный акт строительства либо разрушения. Небольшой праздник своего рода, опасный для жизни. А потом опять начинается рутинная жизнь, и годы, и годы, и первый пятилетний план, и второй пятилетний план, и «потерпите еще». Да, мало врачи получают — да, мало, мало, мало. Но это не делается быстро. И даже если нефть завтра будет стоить 150 долларов за баррель — и это не решит проблемы.

Конечно, напряжение между уровнями жизни у нас огромное, и я лично до сих пор считаю это потенциальной проблемой для России. Потому что, на мой взгляд,

демократия не вполне утвердилась. Она пришла в нашу страну довольно кривым путем. И очень много совершено негативного.

Но доходы населения все же растут. Все равно растут! Да, мало. Да, наверное, у одних денег больше, чем у других. Но давайте себя спросим: мы хотим, чтобы не было богатых? Давайте тогда так и провозгласим! Разве это выход? Разве бы мы не хотели, чтобы наши дети были богаты?

Постепенно — к сожалению, я скучные вещи говорю и непопулярные, не радикальные, — но этот путь надо пройти. Это живой процесс. Нельзя человеку вырасти за пять лет!

— **Вот вы говорите, что люди должны учиться сами за себя отвечать и не все вопросы адресовать власти. Но отмена выборов губернаторов — это, по сути, назначенчество. Разве это не означает, что государство декларирует: «Я само за все отвечу? Я знаю как, давайте я сделаю!» Тогда к вам все больше будут адресовать вопросов!**

— Я с вами здесь абсолютно согласен. И я говорил вначале, что считаю, что предел централизации достигнут.

— **Так будет движение назад? Народу разрешат выбирать губернаторов?**

— Вы считаете, что народу запретили выбирать?

— **Нет, я понимаю, что в некоторых местах народ чуть бандитов не посадил во власть. Но как мы двинемся тогда к демократии? Ведь вы сами говорили, что Советский Союз был неэффективен в выращивании элит. А как нам быть, если этого инкубатора не будет?**

— Они избирались. И я не вижу, как это, собственно, способствовало демократии. Они способствовали демократии?

— **Ни да, ни нет.**

— **Вот именно. Я хочу сказать, что, мне кажется, дело не в этом.**

— Но перед кем они будут отвечать, если их назначают? Они должны отвечать перед народом!

— Противоречия нет никакого: наделяющие полномочиями губернаторов региональные парламенты и президент тоже избираются народом. И вообще есть куча вопросов, которые не имеют приятного для всех разрешения.

— А что вы читаете?

— Я все больше перечитываю в последнее время Гоголя, Достоевского, Набокова. В поэзии — Пастернака, Маяковского, Хлебникова, Бродского. Люблю поэзию битников и многое в американской поэзии.

— Когда книга стихов у вас появится?

— Вы знаете, мне друзья уже когда-то подарили мой сборник. Я к своим стихам отношусь... застенчиво. Я себя не считаю поэтом. Лет в девятнадцать, наверное, мне казалось, что я им стану. Но потом я понял, что нет. Я как бы более... привязанный к местности.

— А сейчас пишете стихи?

— Иногда пишу. Но я не называю это стихами. Я называю это «версификации». Я не считаю, что они плохи, но я никому это и не навязываю. Я не поэт, понимаете. Мне это интересно, с этим связано очень многое. Я очень люблю поэзию. Мне интересно складывать, но я не считаю себя особо талантливым.

— На работе никогда этим не занимаетесь?

— Не, было пару раз.

— Вдохновение приходит прямо на работе?

— Иногда приходит. А так я много читаю о политике, биографии политиков, чтобы было на кого ориентироваться.

— В каком жанре современная российская политика — детектив, триллер, мелодрама?

— Хороший вопрос. Хотелось бы, чтобы это был эпос. Но не уверен, что он реально присутствует сейчас. Быть может, пока что-то вроде очерка.

...К нам, в том числе за рубежом, стали привыкать в новом качестве. К нам пока еще не привыкли. Нас воспринимали как какое-то болото. И вдруг оттуда какое-то заявление и возражение раздается. Это раздражает. К этому не привыкли. Не хотят нас такими видеть! Мы же когда из Союза вышли — мы сразу предъявились им как голодные и оборванные. Нас они не видели долгое время, кроме портретов генерального секретаря. А потом ворота распахнулись и все увидели толпу, которая мечтает о сосисках и баночном пиве...

«ПОЛИТИКА — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТЕКСТ»

Поэтому

если России нужна национальная идея, она может быть только одна: самоуважение.

И тогда все мы будем говорить: «В нашей стране..!»

Если народ не производит сам образы и смыслы, если он не посылает сообщения другим народам, то он в политическом и культурном смысле в общем-то не существует. Понятно, почему мы относимся ко всему этому скептически после нашего сверхидеологизированного государства — СССР, которое драматично ушло (может быть, даже еще не ушло) и, наверное, всегда вызывает дурные ассоциации. Но надо понять важность разговора. Мы в европейском дискурсе, из которого мы не выпадали даже в советские времена: что бы там ни говорили, но те идеи были вполне европейскими.

СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ДЕМОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Владислав Фронин. Статья, которую мы сегодня обсуждаем, «Апология вестфальской системы», была опубликована в «Российской газете» 22 августа 2004 года. Мы совершенно сознательно пошли на такой «ре-принт». Ее автор, Валерий Дмитриевич Зорькин, в некотором смысле обогнал время: актуальность затронутых в ней проблем стала как никогда острой именно сейчас. От того, какой смысл мы будем вкладывать в понятия «суверенитет», «демократия», «национальное государство», зависит сейчас не теория партийных программ, а практика жизни России и ее будущее. Вести наш «круглый стол» будет Сергей Александрович Караганов.

Сергей Караганов. Вопросы, вынесенные сегодня на обсуждение, действительно очень остры в политическом смысле, и для нашей страны ни одна из упомянутых проблем не может считаться полностью решенной. Что такое нация — и в особенности нация государствообразующая? Какие задачи она перед собой ставит и в чем видит главные для себя угрозы? Слово — Валерию Зорькину.

Валерий Зорькин. Публикуя статью «Апология вестфальской системы», я ставил главную задачу: доказать, что Объединенные Нации — это объединенные суверенитеты. Нет объединенных суверенных государств — нет ООН. Нет ООН — нет механизма решения региональных и глобальных конфликтов, а есть путь в никуда — в деструкцию и хаос.

Сейчас, когда мир находится перед угрозой ядерной войны; когда размыты общечеловеческие ценности, о которых так много говорили в годы перестройки; когда видна неэффективность наднациональных институтов;

когда «конец Истории» приходит не в виде триумфа западной модели демократии, а в опасности обрушения человеческой цивилизации, — именно сейчас жизненно необходимо определить роль суверенитета и демократии в современном мире.

На фоне кризиса концептуальных идей перманентного насаждения западной модели демократии в исторически и культурологически не приспособленных для этого странах; на фоне экономического и технологического прорыва Китая, который использует для этого далеко не демократические методы, эти проблемы не могут не обсуждаться.

Кончилось время, когда модно было говорить: не надо никаких дискуссий, не надо никаких идеологий. Нужна одна технократия. Жизнь показала, что на одной технократии страна развиваться не может!

Вновь приходится говорить об определениях. А главное — о том, что за этими определениями стоит. Перефразируя Конфуция, надо сказать, что есть время деструкции понятий и есть время их восстановления.

Нужно ли демократии давать какой-либо эпитет? Что такое «суверенная демократия»? И что такое «демократия подлинная»? Есть понимание демократии в западной традиции — но существует интерпретация демократии и в исламской культурно-конфессиональной традиции. Мы с вами совсем недавно (каких-то 16–17 лет назад) спорили о путях развития социалистической демократии! О торжестве демократии говорят и Фидель Кастро, и руководство современного Китая. Довольно своеобразна демократия в понимании таких западно ориентированных, но все же восточных стран, как Япония и Южная Корея. И здесь критерии «подлинности» демократии весьма размыты. Ведь все зависит от превалирующей в том или ином общест-

ве системы ценностей, от национально-культурных, конфессио-
нальных и исторических особенностей.

Можно, конечно, взять шаблон, как это делают США, и постули-
ровать, что подлинная демократия — это только та, что существует в
США. И вслед за Збигневом Бжезинским идти еще дальше и утвер-
ждать, что США в современном мире — единственное полностью
суверенное и демократическое государство.

Руководствуясь таким принципом, можно приступить к экспорту
этого шаблона демократии. Что из этого происходит, мы видим на
примере Ирака и Афганистана, где национально-культурная среда
отторгает эти шаблоны.

Часто говорят, что главный критерий демократии — это не нали-
чие парламента, выборов, независимых судов и СМИ, а степень сво-
боды. Но кто определил эту степень? И до какой степени может дой-
ти свобода? Разве свобода агрессивности, свобода обмана, свобода
коррупции — это и есть свобода?! Здесь нельзя не согласиться с вы-
дающимся мыслителем Станиславом Лемом, который говорил, что
«если свободы не ограничены никакой дисциплинарной санкцией,
никаким внутренним убеждением трансцендентального типа («не
убий» или же «возлюби ближнего своего как самого себя»), то ничто
не удержит от соскальзывания в распущенность, в деструкцию, в са-
моуничтожение, в ужасную инфляцию высших ценностей».

Что касается внутренних убеждений, то здесь государство, конеч-
но же, имеет минимальную возможность влияния. Но относительно
санкций за деструктивное поведение оно несет полную ответствен-
ность. Мы же в слепом копировании западных либеральных стан-
дартов ударились в крайности, дошли до радикал-либерализма.
Прежде всего это касается уголовного и уголовно-процессуального
законодательства. По многим позициям оставили наших граждан
беззащитными перед хулиганами, бандитами, мошенниками и даже
террористами.

В результате получили в обществе огромное количество обману-
тых вкладчиков, обманутых дольщиков, пострадавших от рейдер-
ства, выброшенных на улицу стариков. И одновременно толпы
безнаказанных вандалов самой разной окраски — от исламистов до
фашистов.

Священное слово «демократия» можно извратить до такой степе-
ни, что в народе его будут употреблять не иначе как «дерьмократия».
Но народный язык, язык улицы не возникает на пустом месте.

Чтобы до такой степени произошло лингвистическое превраще-
ние, народ надо было очень сильно обидеть. Причем обидеть под

флагом «демократии»! Надо было так исказить все смыслы социальной справедливости, надо было так утопить народ в коррупции и бандитизме, надо было пойти на расстрел своего, российского, парламента — символа демократии. Все это и многое другое вызвало у народа такую ненависть к этому изначально чистому понятию, и теперь потребуется много труда, чтобы вновь вернуть словосочетанию «демократия в России» его достойное место.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что придется преодолеть последствия «политического дефолта» — невыполнения перед народом политических и социальных обязательств, провозглашенных Конституцией Демократической России!

Если вновь вернуться к эпитетам, то правильно говорят наши политологи, что есть демократия ликвидации, демократия стагнации и демократия развития. В моем понимании подлинная демократия — это демократия развития. Все механизмы государственного регулирования, гражданского общества и частной инициативы, которые работают на это развитие, отвечают демократическим ценностям.

Но одновременно можно тупо воспроизводить некоторые модели демократии других стран, говорить, что демократия процветает, а страна при этом будет стагнировать и идти к самоликвидации. Такие процессы мы и наблюдали до недавнего времени.

В современной России всех долго запугивали авторитаризмом, противопоставляя его демократии. При этом забывали, что есть авторитаризм Пол Пота и людоедов-правителей в Африке, а есть авторитаризм Петра Великого, Франклина Рузвельта и Шарля де Голля. Противопоставляли эти два понятия и не хотели видеть, что на практике «чистых» форм не бывает, что черты авторитарности присутствуют во всех выдающихся режимах и правителях, в том числе и тех, кто правит своими государствами в современном мире. Правитель не может быть амебой. Правитель в хоре голосов подсказчиков всегда сам принимает решение. Главное в том, чтобы эти решения были приняты в национальных интересах и национальных традициях.

В последние годы не раз с удивлением я читал и слышал мнения авторитетных ученых о том, что у России сейчас нет и не должно быть суверенитета. Но пусть эти ученые удосужатся открыть Конституцию. Там черным по белому написано о народном суверенитете и о суверенитете России.

Конституция с ее базовыми ценностями, с одной стороны, признает верховенство, приоритет международного права над национальными законами. И это прежде всего признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, согласно общепризнан-

ным принципам и нормам международного права. А с другой стороны — Конституция закрепляет государственный суверенитет Российской Федерации, то есть суверенитет России как Нации, соединенной с другими суверенными и равноправными Нациями в рамках ООН.

Для России в смысле ее легитимации нет ничего более высокого, чем такая Конституция.

Верховенство Конституции как раз высшее выражение суверенитета всего народа России. И в этом смысле — это демократический суверенитет.

В этой связи можно и нужно говорить о суверенной политике и суверенной экономике. При этом речь идет не об экономике, где за все отвечает и все регулирует государство, а об экономике, свободной от манипуляций транснациональных корпораций, экономике, которая управляется национальным правительством, а не внешними системами управления.

На этом пути у России немало задач. Это и восстановление энергетического суверенитета, который предполагает существенную корректировку соглашений с глобальными монополистами, подписанных в начале 1990-х годов. Речь, например, идет о соглашении о разделе продукции, в результате которого в выигрыше в основном иностранные инвесторы, а Россия нередко еще оказывается в должниках.

Сюда же следует отнести задачу переориентации экспорта сырья и другой продукции. Суверенная экономика предполагает увеличение объема переработки экспортируемой продукции. Это касается и нефти, и газа, и металла, и леса.

В этой же обойме задач — обеспечение национальной безопасности при самой добыче и вывозе сырья. Что предусматривает ужесточение мер таможенного контроля и экологического надзора. Конечно же, обеспечение этих и других задач требует ревизии законодательной базы.

Но одновременно демократическое государство в современном мире не может быть полностью, абсолютно суверенным в первозданном понимании этого слова.

Должно ли государство Россия быть государством-крепостью?

В плане защиты государственных границ, обеспечения ядерного щита в столь нестабильном мире — безусловно да! Но быть государством-крепостью в современной экономике, финансовых потоках, международных отношениях, конечно же, нельзя.

Отгороженное от внешнего мира рвами, частоколом и новым железным занавесом государство — это путь к стагнации, загниванию. Это выброс на периферию. Это маргинализация государства.

Какой путь мы выбираем?

В этой непростой системе координат для конституционной России необходимо следующее.

Во-первых, стойко отстаивать свой суверенитет, связанные с ним национальные интересы и безопасность. Оберегать эффективно работающие государственные механизмы и правовые институты. Возрождать утерянные национальные государственные и правовые традиции. Не допускать внедрения вируса инородных правовых систем, тормозящих модернизацию экономики.

Во-вторых, гибко участвовать в процессе глобализации. Обеспечивать достаточный уровень открытости миру. Брать на вооружение эффективные зарубежные системы управления и правовые механизмы, их обеспечивающие.

Без определенной степени открытости, без определенной доли влияния наднациональных структур невозможно модернизировать экономику,

невозможно развивать информационные и биотехнологии, невозможно осуществлять международную торговлю, невозможно многое другое — а значит, невозможно развиваться.

Глобализация — это вызов, который надо уметь достойно встретить.

Сергей Караганов. В мире вообще не бывает несuverенной демократии. Либо мы правим собой, либо нами правят издалека, а все остальное — игра словами. Мне не очень нравится и определение «суверенная демократия», это оксюморон. Хотя я прекрасно понимаю тех, кто настаивает, что именно она нужна России.

В современном мире более 200 государств, и примерно половина из них не являются государствами в нормальном смысле. Они не справляются со своими глобальными проблемами. Вестфальская система во многих случаях просто не работает, когда мы имеем дело с новыми политическими явлениями современности — и в первую очередь с так называемым сетевым управлением, которое могущественные державы осуществляют над прочими странами.

Иван Мельников. Сегодня активно обсуждаются вопросы суверенитета и демократии как взаимосвязанных факторов обеспечения

национальной стабильности и территориальной целостности страны. «Суверенная демократия» выводится как термин, обозначающий то, чем является сегодня наше государство.

Для начала обозначу два коротких и ясных опорных тезиса. Коммунисты — за суверенитет страны. Коммунисты — за демократию. И если в первом тезисе никто никогда и не сомневался, то относительно второго поясню: мы, как, может быть, никто другой, сделали для себя выводы из уроков прошлого и являемся сторонниками естественной политической, идеологической и экономической конкуренции. Но я бы хотел остановиться на главном: что вкладывается в содержание понятия «демократия»?

Как видно из различных публикаций, в понимании немало количества экспертов суверенная демократия — это такая демократия, которая позволяет обеспечивать суверенность. То есть некая «особая форма» демократии, которая позволяет эту суверенность в данный исторический промежуток сохранять.

Этот вывод можно сделать исходя из набора аргументации, который мы видели в соответствующих материалах. Но мы не можем не замечать: эта аргументация в куда большей степени обосновывает и оправдывает то, что выстроено в стране, чем объясняет необходимость сделанных изменений.

Мы согласны с тем, что национальные традиции, менталитет, структура государства должны учитываться. Отдельные защитники концепции суверенной демократии напоминают нам, что есть западные стандарты демократии, а есть не западные. Согласны. Но есть признаки демократии. И если постепенно утрачиваются сами признаки демократии, то это уже нельзя назвать «российским стандартом» демократии. В связи с этим подчеркну, что мы не склонны исказить картину и называть имеющиеся в современной России авторитарные преобразования особыми российскими стандартами демократии.

Думаю, вектор, по которому нужно исправлять и прошлые ошибки и сегодняшние, — это создание условий не для самовоспроизводства власти, а для стимулирования естественной конкурентной среды.

Именно в ситуации конкуренции с одинаковыми для всех условиями и правилами рождается сильная и умная власть. И здесь в первую очередь действующая власть должна менять психологию подхода к конкурентам. Видеть в них оппонентов и создать как оппозиции, так и себе самим возможность взаимного оппонирования — именно не комментирования друг друга, а реального влиятельного оппонирования. Убежден, это скрепляет и усиливает политическую систему государства, а не разделяет и раздирает ее.

Система устойчива и сильна тогда, когда сильная власть ограничена сильной оппозицией. Оппозицией, которая имеет шанс прийти к власти, — и потому страна не шатается от недовольства невозможностью перемен, а власть не позволяет себе допускать многочисленных ошибок. Если же система устроена с перекосом в монопольное управление с декоративной оппозицией, то именно в те пробоины, которые образуются между властью и обществом, и попадают ресурсы, силы, идеи, направленные на подрыв суверенности.

Не только вертикаль управления страной, но и естественность национального политического поля — механизм защиты и фактор целостности государства.

В случае если нынешняя российская власть захочет принять такой подход, понять, что в целом именно в этом уникальность миссии — «начать с себя», попробовать решать тот вопрос, который исторически является в нашей стране тяжелым. Это было бы прорывом на пути к демократии и сильным шагом по укреплению внешнего суверенитета.

Теперь о понимании суверенности. Мы, безусловно, против того, чтобы страна управлялась извне. Ведь для России это означает отсутствие страны. Глобализация — естественный процесс. В конце концов, мир всегда двигался по такому пути, чтобы связать себя в более общее динамичное целое, обогащаться опытом, перенимать технологии. Но

было бы странным предполагать, что процессы глобализации имеют только тот вариант решения, который сегодня реализуют Соединенные Штаты.

Ни у кого нет монополии на то, чтобы решать, как именно развиваться международным отношениям. И особенно опасно, что новые западные доктрины отторгают сложившуюся систему многосторонних согласований. Мы считаем, что в этих условиях поиск конкретной выгоды для нашей страны из тех или иных отношений — это путь понимания и защиты наших национальных интересов, и поддерживаем его. Но говорить только об этом и практически не поднимать вопросы геополитического развития — странно. Как будто бы на повестке всего один вопрос: где компромисс между беззащитной открытостью и продуманным фильтром общения с внешним миром, в том числе и с мировой экономикой? Компромисс нужен. Давайте искать. Мы согласны с этим.

Но почему вообще не идет речь о новых, прагматичных конфигурациях геополитических взаимодействий? Есть ли у нас такой план, такая политика, такие приоритеты? Пока мы этого не видим.

Не надо ни с кем ссориться. Но сегодня существует совершенно четкий спектр государств, готовых к созданию вместе с нами такого полюса влияния, который станет альтернативой «глобализации по-американски», обезопасит от угрозы вмешательства в наши правовые компетенции.

Можно эти страны перечислить, можно не перечислять — это Китай, Индия, Белоруссия, Казахстан, страны Латинской Америки, сейчас не обязательно называть всю палитру. В любом случае выстраивание подобной не только экономической, но и политико-культурной, политико-философской интеграции — это первый шаг, первый ответ тем вызовам, которые сегодня ставит обсуждаемая повестка дня.

Процесс глобализации — объективный. Но использование глобализации с целью разрушения основ международных отношений в интересах одной или нескольких стран — это процесс, на который нужно влиять. Иначе под философским соусом нас лишат и весомого внешнеполитического голоса, который закреплен в правовом инструментарии ООН, и усилят целенаправленную работу по подрыву непослушных суверенитетов.

Среди предполагаемых действий мы также не видим основной темы — темы традиционного укрепления экономики. Вопрос суверенности — это и вопрос ее основы — суверенной экономики. В том понимании, что она должна быть независимой от угроз внешнего давления и влияния. Но, как и в случае с понятием демократии, здесь тоже видно двойное дно. Некоторые аналитики, не стесняясь, заявляют, что проект суверенной демократии — это долгожданный проект национальной буржуазии.

С точки зрения экономики, суть этой программы — во-первых, сохранение национального капитала от более мощных внешних игроков, и это еще можно понять. Во-вторых, сохранение этого капитала от недовольства собственного народа. Это то, с чем мы категорически не можем согласиться и прогнозируем опасность того, что российские крупные собственники, прикрываясь термином «суверенная демократия» и закрыв страну от «лишних» взоров, будут еще жестче эксплуатировать население. Только в отличие от ельцинской системы «первоначального накопления капитала» это уже система «контроля над накопленным капиталом».

Фактически это национал-либеральный курс, когда начнется легализация нынешним чиновничеством собственности и приватиза-

ции того, что они контролируют в качестве государственных управленцев. В этой ситуации мы не видим возможностей для защиты суверенитета без укрепления государства как мощного экономического игрока.

Сильное государство — это ядро и национальной безопасности, и экономической безопасности. В этом смысле мы не можем согласиться с некоторыми представителями исполнительной власти, которые считают, что участие государства в экономике должно быть ограничено стратегическими секторами.

Мы не за то, чтобы плодить бюрократию, но

государство должно играть стабилизирующую социально-экономическую роль, организовывать единое экономическое пространство, где каждый гражданин обеспечен социальными гарантиями.

Добиться подобного только за счет идеи «сырьевой империи» мы также не видим возможным. Если сила страны в сырье, в экспорте, она не может процветать и в любом случае будет зависима от внешней конъюнктуры.

Только эффективная промышленность, работающая внутри страны экономика, естественный экономический рост могут быть почвой для конкурентоспособной внешней экономической политики в условиях глобализации. Другими словами, пока мы не определимся с промышленными приоритетами, точками роста и системой социальной защиты населения, экономическая безопасность страны будет под угрозой.

В заключение еще раз подчеркну: мы готовы бороться за отстаивание позиций России в мире. Готовы бороться за суверенитет страны. Но на сегодняшний день на этом пути упущены такие задачи, как учет социальных интересов большинства граждан, а не только национальной буржуазии, построение конкурентной демократии, поиск путей для восстановления политики активного влияния на международные процессы за счет экономической независимости и геополитической стратегии. России нужна народная демократия, основанная на полном экономическом и политическом суверенитете страны.

Андрей Исаев. Согласен, что слово «демократия» не нуждается в прилагательных-определениях. Например, демократия не бывает «социальной» — иначе это вообще не демократия. Однако сам термин прижился и обозначает полнее определенное и ясное явление. Язык политических понятий подвижен и непрерывно обновляется, его обогащает сама жизнь. Поэтому и тезис о суверенной демокра-

тии должен сейчас стать стержневой идеей программных документов нашей партии. Нас очень радует, что это уже стало центром широкой общественной дискуссии.

Суверенная демократия, обозначенная как наш ориентир, позволяет «Единой России» подчеркнуть свой выбор ценностей. Выступая за демократию, мы совершенно четко отделяем себя от тех, кто выступает за восстановление авторитарного государственного социализма в той или иной его форме, и тех, стараниями которых в 1990-е годы для значительной части общества само слово «демократия» превратилось в ругательство. Мы слишком хорошо помним те годы унижения, когда «демократическая» Россия проигрывала везде — от конкуренции на мировых рынках до футбольных матчей. Это страшно для людей, привыкших считать свое государство могущественной сверхдержавой. Наша сегодняшняя демократия — это самый значимый, выстраданный нашим народом ценностный выбор.

Я очень рад слышать от Ивана Ивановича Мельникова, что Коммунистическая партия Российской Федерации выступает за многопартийность, многоукладность, соревновательность. Это значит, что и она в этом смысле разделяет общие ценности народа.

Разные нации идентифицируют себя по-разному. Глубокоуважаемый мною еврейский народ смог сохранить себя долгое время, не имея государства, исключительно за счет иудаизма. Так исторически сложилось, что русский народ идентифицировал себя именно через государство, и не случайно русские общины на Западе быстро «растворялись», если утрачивали связь с Россией. Во многом отращивание части общества к демократии было связано с тем, что они видели в ней утрату суверенитета. Сейчас для нас очень важно эти понятия соединить, дабы стало ясно: демократия — не враг суверенитета, не предательство национальных интересов, не безволие государства. Демократия вполне сочетаема с суверенитетом. Более того — она может быть только суверенной, действующей в интересах большинства граждан страны. В этом смысле я бы не стал говорить и об «авторитарных антидемократических традициях» в России. Первые съезды народных депутатов внешне выглядели куда демократичнее, чем заседания нынешней Государственной Думы. Но работали гораздо менее эффективно — и, следовательно, были намного менее полезны большинству населения. Формально Дума-2006 менее демократична, а по сути все наоборот: именно она соответствует основной цели демократии — осуществлению власти в интересах большинства народа.

Кроме того, я бы не назвал нашу оппозицию «карманной», как это делает глубоко мною уважаемый Иван Иванович Мельников. Мне трудно себе представить, чтобы в газетах Демократической партии США регулярно осуждали «антинародный республиканский режим» и рассуждали, кого посадят или расстреляют демократы, придя к власти. Наша оппозиция — одна из самых жестких в мире. Однако проблему здесь я вижу скорее в отсутствии диалога между властью и ее оппонентами, что, на мой взгляд, коренится в их нежелании брать на себя хоть какую-то ответственность. Лично вам, Иван Иванович, мне не страшно передать власть, проигрывая выборы. Но вот наличие среди ваших коллег господина Макашова заставляет меня напрягать все силы, чтобы ни при каких условиях не дать ему победить. И если однажды мы поймем, что оппозиционная партия полностью разделяет те базовые ценности, которые важны для всей страны — в первую очередь идеи демократии и суверенитета, — тогда, конечно, мы несколько ослабим свою железную хватку и позволим вам выиграть.

Глеб Павловский. Дискуссия, которую мы сейчас ведем, должна была начаться лет двадцать назад. Однако

Россия поразительным образом ухитрилась в течение двух десятков лет вообще не обсуждать содержание понятия «демократия» — и это при том, что взаимные обвинения в «антидемократизме» слышались постоянно.

Я думаю, причина в том, что слово «нация» в демократических кругах практически не употреблялось, так как было монополизировано группами левопатриотической оппозиции и просто маргиналами. В официальный обиход оно вернулось только лет пять назад.

Как вообще можно ставить вопрос о демократии отдельно от национального суверенитета? Нет ни одного демократического режима, который не был бы режимом суверенной нации. Для нас же долгое время демократия присутствовала как идеологическое клише, обозначающее совсем другие вещи — присоединение, подчинение кому-то, необходимость «учиться» у кого-то.

Учеба — вещь, безусловно, нужная. Нельзя обсуждать вещи, о которых не имеешь представления (хотя, как выяснилось, теорию множеств действительно нельзя, а демократию — очень даже можно). Так или иначе, отказ от такого обсуждения привел к обрыву интеллектуальной республиканской традиции, достаточно хорошо укорененной на нашей почве, например, в XIX веке. Это дало свои

горькие плоды. Напомню лишь то, как в 1993 году Конституционный суд и лично Валерий Зорькин были растоптаны людьми, именовавшими себя «демократами»... Его шельмовали в «демократических изданиях» словами, которые вообще сегодня невоспроизводимы. В то же время Конституционный суд ФРГ принял постановление специально по поводу договора о создании Евросоюза. Этот документ ограничивает действие любого режима, дезорганизирующего работу государственных органов Германии. В нем сказано, что принцип демократии в этом случае был бы недопустимым образом вылощен. Руководствуясь этим постановлением, Германия участвует в Евросоюзе. И это пример реального развития «теории демократии» народом, образующим суверенную национальную идентичность.

Дискуссии о демократии идут во всех государствах. В Евросоюзе официальным понятием стала демократия социальная, в США — загадочная для европейцев рыночная. В каждом случае важен исторический и ситуационный контекст этой дискуссии. Поэтому и нашу «суверенную демократию» не надо трактовать как нечто местное или ограниченное. Она нуждается в разработке именно как универсальное понятие.

Важнее всего то, что вестфальский режим суверенных наций (с венскими и ялтинскими поправками) — основа международной толерантности. Попытка уйти от него ведет к возобновлению риска войны, к возрождению режимов, ориентированных на вторжение, на строительство наций извне. России это явно ни к чему.

Игорь Бунин. Вопрос о государственном суверенитете носит для современной России отнюдь не теоретический характер. Ей приходится жить в мире, в котором понятие суверенитета все более размывается и доминирующая страна — США — все более последовательно демонстрирует скептическое отношение к суверенным правам тех государств, чьи режимы по тем или иным причинам ее не устраивают.

Возникает закономерный вопрос: можно ли противопоставить этим тревожным тенденциям традицию вестфальской системы, основанной на суверенитете независимых государств и невмешательстве в дела друг друга?

Напомним, что эта система утвердилась после кровопролитной Тридцатилетней войны, которая унесла жизни огромного количества европейцев. Другим источником вестфальской системы стало отрицание национальными государствами доминирования какого-либо из двух вершителей судеб средневекового мира — папы римского и императора Священной Римской империи. Менее чем за столетие

до Вестфальского мира автором этого учения стал Жан Боден, первым сформулировав основные признаки суверенитета: «Суверенитет — это абсолютная и постоянная власть государства... Абсолютная, не связанная никакими законами власть над гражданами и подданными», — и противопоставил суверенное государство папству и империи.

Но возникает закономерный вопрос: обеспечивала ли на практике вестфальская система идеальный боденовский суверенитет? При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это не совсем так. Дело в том, что эта система не предусматривала запрета на ведение войн — напротив, она давала правителям такое право. И вот Франция заключила союз с восставшими жителями британских колоний в Америке и активно способствовала их отделению от метрополии. Прошло несколько лет, и в августе 1791 года венский император и прусский король договорились в Пильнице о вмешательстве во внутренние дела Франции, в которой произошла революция. Прошло еще немного времени, и Наполеон разрушил все традиции вестфальской системы, перекраивая карту Европы по собственному разумению. Но и после того как появилась венская система, она была нарушена немедленно.

Но вот Наполеон свергнут, и вестфальская система вроде восстановлена и закреплена в договоре о создании Священного союза, призванного выступить гарантом стабильности в Европе. Однако в последующие десятилетия эта система показала свою уязвимость. В реальности она никогда не функционировала нормально и не могла препятствовать «праву сильного», например, объединению Германии «железом и кровью» под властью бисмарковской Пруссии. Что уж говорить о Версальской конференции, на которой карта мира перекраивалась по старому галльскому принципу «горе побежденным»! Принцип безусловного суверенитета государства приводил к массовым нарушениям прав человека, поощряя тиранов на все большие зверства. Как внутреннее дело Германии воспринималась дискриминация евреев, все более усиливавшаяся в течение 1930-х годов. Сходные тенденции наблюдались и в других европейских странах — таких как Румыния и Венгрия. Ни одна из них не подверглась санкциям, не была исключена из Лиги Наций — Германия вышла из нее сама. Таким образом, мировое сообщество беспроблемно наблюдало за подготовкой Холокоста. Никто не ставил всерьез вопроса о каких-либо санкциях против сталинского режима в период массовых репрессий — СССР был исключен из Лиги Наций только после прямого нарушения суверенитета Финляндии.

Обратимся к более поздним временам. Под давлением афро-азиатского лобби мировое сообщество объявило бойкот двум режимам — Южной Родезии и ЮАР, в которых существовал одиозный режим апартеида. Но в то же время персоной грата для этого сообщества был маниакальный диктатор Уганды Иди Амин, который изгнал из страны от 40 до 80 тысяч проживавших в ней индусов и пакистанцев и, по ряду данных, уничтожил до полумиллиона своих соотечественников, а также не менее мрачный режим людоеда Бокасы в Центральноафриканской империи.

Очевидно, что международное сообщество должно иметь возможности для воздействия на подобные режимы, которые нарушают законы человечности. В противном случае мир будет и впредь сталкиваться с геноцидом, этническими чистками, которые имеют тенденцию к распространению.

Обратим внимание и на проблему терроризма, которая в последнее время приобрела глобальный характер. Преступников должно постигнуть возмездие вне зависимости от того, как к ним относятся правители тех стран, в которых они могут найти убежище. Инфраструктура терроризма должна разрушаться, несмотря на то что далеко не все государственные деятели разных стран считают, что террористы являются безусловными преступниками, а не борцами за идею — политическую, религиозную или любую другую.

Поэтому государственный суверенитет должен быть ограничен, когда речь идет о международной безопасности и коренных правах человека. Другое дело, что, отказываясь от порочных черт вестфальской системы, нельзя строить «новое Средневековье», при котором конкурируют доминирующая держава (император Священной Римской империи) и «моральный авторитет».

Возникает необходимость в выработке новых подходов к международной политике, которые можно было бы назвать подготовкой к созданию «невестфальской» системы.

Она должна учитывать как позитивный, так и негативный опыт вестфальской системы — сохранив принцип суверенитета государств, необходимо предусмотреть эффективные механизмы недопущения проявлений геноцида и этнических чисток. Механизмы, позволяющие успешно бороться с такими глобальными проблемами, как терроризм, наркопреступность, торговля людьми.

Однако они должны действовать в рамках легитимных структур, обладающих достаточным моральным авторитетом для того, чтобы

их решения носили общепризнанный характер, а не вызывали обвинения в производе и двойных стандартах. Одной из таких структур могла бы стать ООН, потенциал которой явно не исчерпан. Существует необходимость в повышении роли региональных международных объединений не только Евросоюза, но и формирующегося «про-российского» сообщества на постсоветском пространстве (ОДКЮ плюс ЕврАзЭС), а также ШОС, АСЕАН и ряда других организаций.

Сергей Марков. Концепция суверенной демократии — первая попытка российской власти выдвинуть свою концепцию перемен, осмыслить стратегию реформ Владимира Путина. Это и попытка дать идейный ответ на цветные революции, эти политические технологии установления зависимого политического режима под флагом демократизации; наша демократия — без потери суверенитета, мы ее проведем сами. Это и попытка дать ответ на дискредитацию идеи демократии в России из-за неудач реформ 1990-х годов: та «плохая» демократизация была зависимой, под чужим контролем и по чужим моделям, а «хорошая» российская демократия будет новой — нашей и без чужих учителей.

Идеологические принципы концепция суверенной демократии — либерализм и патриотизм, движение к западной модели при сохранении России как великой державы.

Но нами должны быть решены три задачи: концептуализация — оформление идеи как ясной и непротиворечивой концепции, универсализация — переход от российской специфики к общей модели, приемлемой для других стран, инструментализация — более четкое представление, какая внутренняя и внешняя политика России вытекает из этой модели.

Концепцию суверенной демократии можно изложить в нескольких тезисах.

Россия стремится развивать демократию, которая базируется на классических демократических принципах: власть большинства при уважении прав меньшинств; свобода слова и СМИ, политическая конкуренция, власть закона.

Россия сама определяет свою внутреннюю и внешнюю политику.

Демократию у себя мы будем развивать сами, без внешнего контроля и сами будем оценивать, что демократично, а что нет.

Демократические институты в России будут формироваться с учетом российской специфики — нашего исторического опыта и наших социокультурных особенностей.

У концепции суверенной демократии есть три варианта будущего: стать стратегией модернизации России, если будут реализованы и су-

веренитет, и демократия на базе модернизации. Но есть и угрозы: стать ширмой для авторитарного правления, если суверенитет будет, а демократия — нет; и быть забытой, если Россия вернется к модели зависимой демократии. В первом случае необходима модернизация и экономики, и политических и социальных институтов. Авторитаризм, вероятно, будет обслуживать альянс сырьевой и силовой олигархии. Зависимое развитие будет базироваться на интеграции российской сырьевой олигархии в мировую элиту на правах младшего партнера при деградации остальной экономики и населения.

Дмитрий Орлов. Политическая доктрина суверенной демократии уже стала сегодня основой национальной идентичности. Это признано внутри страны, признано и за ее пределами, особенно после саммита G8. При всей внешней схожести этот термин имеет качественные отличия от западного аналога (sovereign democracy). Прежде всего суверенная демократия родилась как противоположность демократии управляемой — извне, конечно. Однако не это главное отличие. Доктрина суверенной демократии — сложносоставная идеологическая концепция. Ее частью, например, является концепция энергетической сверхдержавы.

Доктрина суверенной демократии опирается на широкий внутри-элитный консенсус (его проявлением является наш сегодняшний «круглый стол») и новое путинское большинство — устойчивую национальную модернизаторскую коалицию.

Она апеллирует к базовым ценностям современной России, которыми являются материальное благополучие, свобода и справедливость.

Существует несколько угроз, ответы на которые дает доктрина суверенной демократии. Угроза первая — быть Иванами, не помнящими родства. Необходимо опираться на Традицию, в том числе использовать опыт СССР — разумеется, не лагерного барака, но модернизированного проекта.

Вторая угроза — проиграть в конкурентной борьбе. Ответ на нее — использование исключительного российского положения на энергетическом рынке в качестве инструмента для развития высоких технологий. Угрозы олигархического реванша и национал-диктатуры также реальны. Путь их преодоления — создание национальной элиты и продолжение демократизации. Чтобы избежать утраты мобильности правящей элиты, необходимо гарантировать механизмы постоянного обновления национальной элиты и широкого диалога ответственных политических сил.

Суверенитет и демократия неотделимы друг от друга. Гармоничное развитие национальных демократических институтов гарантирует суверену — народу России — свободу в принятии глобальных решений. Современные атрибуты суверенитета (прежде всего конкурентоспособность и обороноспособность), в свою очередь, гарантируют, что демократические институты будут развиваться без корректирующего вмешательства извне.

Александр Бабаков. Говоря о суверенной демократии в практическом смысле, необходимо понимать, что речь все-таки идет о двух разных категориях — «суверенитет» и «демократия». Двух взаимосвязанных, но самостоятельных категориях.

Суверенитет любой страны — это, условно говоря, вопрос внешних отношений, вопрос защиты интересов и безопасности страны. Без суверенитета невозможно сохранение национальной культуры и идентичности.

Демократия же — это система внутренних отношений в стране. Да, невозможная без суверенитета, но все-таки самостоятельная. Наличие у страны суверенитета не гарантирует ее гражданам наличия в ней демократических институтов.

Обе категории имеют влияние друг на друга, но основой и того и другого является экономика, определяющая степень реальной суверенности и возможность развития демократических процедур. Только достаточно развитая национальная экономика позволяет стране сохранять собственный суверенитет. И только такая национальная экономика позволяет поддерживать в обществе демократию, формируемую внутри страны, а не управляемую извне.

Необходимо признать, что сам принцип суверенитета имеет системного противника в лице транснациональных корпораций. Государственные границы, национальный суверенитет мешают свободному перемещению капитала, ради которого транснациональные корпорации готовы закрыть глаза на национальную идентичность, национальную культуру любого народа, каким бы количеством тысячелетий они ни исчислялись.

Сегодня не обсуждается необходимость суверенитета для России. Очень правильно, что сегодня эта тема признана актуальной. Другой вопрос: каким образом сохранить суверенитет и гарантировать наличие демократических институтов?

Возможно, конечно, воспользоваться стандартной государственной военной машиной для сохранения страны от внешних угроз и репрессивным аппаратом — для сохранения возможностей для

функционирования государства внутри страны. Но эти механизмы сегодня уже не дают прежнего эффекта.

Более эффективное средство — сильная национальная экономика: сильная промышленность, эффективная занятость граждан, справедливые доходы и, как следствие, национальная безопасность — военная, технологическая, продовольственная, финансовая. Важным элементом является социальное наполнение института демократии.

Суверенитет всегда адекватен уровню развития экономики, которой он обеспечивается. Национальный суверенитет не может быть обеспечен не национальным производством. Аналогичным образом должны быть адекватны экономическому развитию и демократические институты.

Сегодня мы являемся свидетелями того, как

укрепление российской экономики вступило в конфликт с противниками идеи национального суверенитета — навязывать России чужие правила игры и систему ценностей идеологам глобализации становится все сложнее.

Для создания более надежной системы обеспечения собственного суверенитета Россия, помимо всего прочего, заинтересована и в сохранении национальных суверенитетов другими государствами. Сохранение системы национальных суверенитетов как основы существования государств является дополнительным защитным механизмом для сохранения национальной идентичности, культуры, традиций и независимости, основанной на демократических ценностях.

Виталий Третьяков. Почему доктрина суверенной демократии вызывает такое раздражение, такую яростную критику как за рубежом, так и у некоторых людей внутри России? По нескольким причинам.

Прежде всего потому, что эта доктрина, пусть находящаяся пока в эмбриональном состоянии, имеет потенциал национальной идеологии. А Россия со всеми ее возможностями плюс отсутствовавшая до сих пор национальная идеология — в сумме это уже заявка на мировое лидерство.

Это позитивная идеология. Она не строится на голом отрицании марксизма. И это не заемная идеология, она не калькирована с зарубежных образцов. Немногие способны на создание такой идеологии. Соответственно те, кто на такое не способен, раздражены.

Это конкурентоспособная на мировом рынке идей идеология. А рынок этот, как известно, монополизирован западной, в первую очередь американской общественной мыслью, разрабатываемой конвейерным способом. Но доктрина суверенной демократии может использоваться не только Россией, она может привлечь и другие страны.

Наконец, она предполагает, что судьбу России будет решать не кто-то извне и не кто-то один внутри самой России, а российское общество в целом суммой своих граждан, элит, социальных групп и слоев.

Теперь поговорим о содержании самой доктрины, причем я в данном разговоре сделаю акцент на слове «суверенитет», оставив проблему демократии для отдельного разговора.

Всегда в человеческой истории, а ныне особенно, только меньшинство стран могут обладать самой возможностью иметь суверенитет не формально-юридический, а сущностный, реальный. Россия к числу таких стран относится уже много веков, со времен выхода из-под юрисдикции Золотой Орды. Таких стран вообще считанные единицы. Естественно, что страны, по сути, никогда в своей истории полноценным суверенитетом не обладавшие, раздражены тем, что кто-то его имеет. Я их понимаю, но сделать ничего не могу.

Суверенная демократия — это не придумка Кремля, хотя сама формула изобретена там. Это — историческая судьба России, имеющая, между прочим, не только положительные, но и отрицательные стороны.

Положительное то, что мы всегда (за короткими и редчайшими исключениями) решаем свою судьбу сами. Отрицательное в том, что одновременно это бремя — под крыло стран, обладающих максимальным суверенитетом, собираются другие страны и народы, и ты становишься ответственным и за них.

Но, может быть, легче без максимального суверенитета? Может, стоит от него отказаться? Нет. Дело в том, что безопасность, независимость и сама целостность таких крупнейших стран, как Россия, Китай, США, не могут быть обеспечены никем, кроме них самих. Это мелкие и средние страны могут сохранить свой малый суверенитет под защитой этих гигантов, но кто же даст гарантии России, если она сама их не обеспечит?

Высшая форма суверенности — это исторический статус союзообразующей страны. Россия именно такой всегда была и является сейчас. Никогда со времен выхода из-под Орды Россия не вступала в союз в подчиненном состоянии, но всегда была центром такого союза

либо как минимум равноправным членом. В антифашистской коалиции СССР был по крайней мере равноправен США, а скорее всего даже доминировал в ней, пусть не по всем направлениям. И мы вновь видим, как под крыло России собираются другие страны и народы.

Наконец, опять поставим вопрос: не стоит ли, несмотря на все перечисленное, отказаться от максимального объема собственной суверенности, то есть стать такими, как большинство других? Тем более что, как я сказал, максимальный суверенитет — это еще и бремя.

Но этот вопрос даже не может обсуждаться, ибо наша максимальная суверенность — это наша историческая традиция, наша историческая привычка, наш исторический генетический код. И отказаться от него так же невозможно, как поменять химический состав своей крови или свой биологический генетический код.

Сергей Иваненко. Я с интересом прочитал статью уважаемого Валерия Дмитриевича Зорькина. Вопросы, с моей точки зрения, поставлены точно. Ответов почти нет. Наша главная задача сейчас — не «ответить на вызов», а понять, что же это за вызов. К сожалению, вряд ли нам удастся сформулировать тезисы, с которыми будут согласны все. Мы представляем слишком разные политические силы. И на самом деле надо просто договориться, что термины не обсуждаются.

Из школьного курса известно, что демократия противостоит авторитаризму, суверенитет — внешнему управлению. Либерализм — антитеза социализма и коммунизма, а национализм и религиозная нетерпимость — соответственно интернационализма и толерантности.

Суверенитет — вещь очень простая: как было сказано еще в XIX веке, «это армия и флот». XX век добавил к перечню авиацию и политику, но суть не изменилась. И состоит она, как и в 1648 году, в деньгах. Если сегодня найдется страна, имеющая мощный экономический потенциал, она непременно станет осуществлять агрессивную и в достаточной мере «имперскую» политику. Раньше такой державой был Советский Союз, сегодня это Соединенные Штаты, которые находятся сразу на десяти первых позициях в мире — в высоких технологиях, военной сфере, науке и так далее.

Поэтому вопрос о суверенитете звучит так: на какие деньги, господа, вы собираетесь поднимать экономику? Где брать средства на все то, что реально обеспечивает суверенитет?

Второй вопрос — демократия. С моей точки зрения, демократия — это средство, и никто никогда не говорил, что это цель. Даже тем, кто в 1991 году стоял у Белого дома, не нужна была демократия как таковая — они рисовали себе другой уровень и иное качество жизни, такие, как на Западе.

И в этом смысле Советский Союз развалился не из-за революций, а из-за джинсов и кока-колы. Оправдывает ли цель средства — вопрос другой, и лежит он в морально-этической плоскости. Я хочу спросить другое: достижима ли цель, которая сейчас поставлена, теми средствами, которые применяют для ее реализации? На мой взгляд — нет.

Демократия в России, между прочим, никогда не была народной. После Петра была Екатерина, которая привела гвардию и установила особую, специфическую, «гвардейскую» демократию. В СССР после Иосифа Сталина существовала демократия секретарей обкомов, которые имели достаточно серьезные намерения. Так или иначе, народ всегда был не внутри, а вне демократии. И сегодня суть проблемы в том, что под флагом суверенной демократии вновь делается попытка прийти к установлению демократии сугубо для политического класса. Это тупиковый путь. Потому что

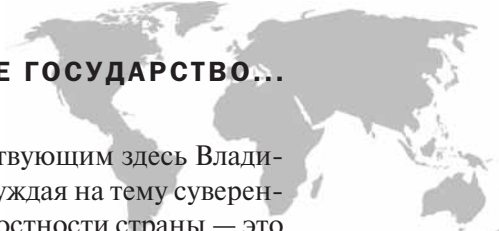
современные развитые страны нашли способ вовлечения всех людей в управление государством. Можно сколько угодно над этим иронизировать, но общество равных возможностей и равно-го старта включает в себя и равенство всех перед законом, рав-ный доступ к образованию и здравоохранению. Демократия — не жупел и не цель. Это на сегодня единственный способ рациональ-ного политического управления.

Все остальное приводит к тому, что есть сейчас.

Две главные проблемы у той системы, которую мы имеем сегодня. Во-первых, коррупция, которая стала играть роль «смазки». Если ее остановить, завтра троллейбусы на линию не выйдут. И, во-вторых, проблема кадров, возникшая оттого, что в этой системе нет и не может быть нормальной конкуренции. Из тупика же есть только один выход — нормальный, цивилизованный европейский путь.

Николай Левичев. Вестфальская система дала жизнь гражданской идентичности народов, и угрозу суверенитету представляют не только действия извне государства.

История доказывает, что успешными они могут быть только в том случае, если для этого достаточно подготовлена внутренняя почва, то есть общественное сознание. Именно его состояние важно оценить, рассуждая об угрозах суверенитету. Казалось бы, в этом смысле у нас все нормально. Судя по недавнему опросу ВЦИОМ, 60% наших соотечественников на вопрос: «Кто вы?» — прежде всего отвечают «гражданин России» и лишь потом называют свою роль в семье, профессию и так далее.

И все же я хотел бы согласиться с присутствующим здесь Владиславом Юрьевичем Сурковым, который, рассуждая на тему суверенной демократии, говорил, что сохранение целостности страны — это постоянный труд всей нации. Пока же в обществе царит взаимное недоверие. Остались в прошлом времена, когда элитная творческая прослойка могла вести за собой, давать ориентиры, нести в массы идеи и ценности. Люди не доверяют прессе, журналисты и эксперты не верят собственному народу и откровенно скептически воспринимают слова об «инициативе снизу».

Меня очень волнует то, что в последние годы у нас сложились своего рода интеллектуальные гетто: отдельно — академическое, отдельно — экспертное сообщество, сами по себе — региональные аналитики. Сегодня в «Российской газете» я с удивлением вижу попытку параллельных миров все-таки пересечься. Но обычно представители трех этих слоев демонстрируют снобистское неприятие друг друга. Народ вне поля их зрения. Между тем «подарить» ему суверенитет нельзя. Ситуацию не спасет и придание большей жесткости вертикали власти. Самая жесткая власть по сути своей временна и деструктивна. На мой взгляд, основа суверенитета — это развитое общество, и потому любая партия несет ответственность за активность граждан, за более сложные отношения в обществе, чем желание дать соседу по физиономии или пожаловаться на жизнь.

Работать на суверенитет (и в конечном счете на демократию) — это вкладывать в человека: образование, культуру, науку, развитие общественных связей.

Вячеслав Володин. Для «Единой России» суверенное государство, суверенная демократия являются стержневыми понятиями ее идеологии. Когда говорят, что, руководствуясь этим понятием, Россия не может двигаться по европейскому пути, мне это кажется неверным. Европейский путь — путь успеха, развития.

Россия обречена быть суверенным государством и идти именно такой дорогой.

Если мы отводим себе роль народа, который будет лишь обслуживать нефте- и газопроводы, потеряв свою суверенность, — это явно не европейский путь.

Говорить, как мой коллега, что Советский Союз развалили кока-кола и джинсы, тоже в корне неверно. СССР развалила неэффективная и неконкурентоспособная элита. А была она такой именно потому, что в России не было демократии и не сложилось политической системы, которая бы могла породить эффективную элиту.

Суверенность — это решение, которое мы должны принять для того, чтобы стать конкурентоспособными в мире. При этом демократические ценности были и остаются основой для построения суверенного государства.

Я не согласен с Иваном Мельниковым, который говорит о том, что сегодня в России строится автократия. Будь это действительно так, в стране не было бы столь сильной оппозиции, а она сейчас имеет возможность опереться на системные решения, принятые партией парламентского большинства, президентом и его администрацией, и вступить с нами во все большую и большую конкуренцию. Следующие парламентские выборы будут ожесточенными и для нас гораздо более проблемными, нежели сейчас. Это тоже элемент развития демократии.

Сергей Караганов. Напомню, что в своей статье Валерий Дмитриевич Зорькин поставил еще ряд вопросов, которых мы сейчас просто не касаемся. Речь идет о тех проблемах, которые государство пока просто не в силах решить, даже будучи самым суверенным...

Андраник Мигранян. Действительно, трудно за столь короткое время сосредоточиться на всех вопросах, которые поставил Валерий Дмитриевич. Вестфальская система никогда не существовала в столь жесткой форме, которую вы защищаете. Все новые государства — а их почти двести — создавались после. И никогда в истории не было «суверенитета для всех». И во времена вестфальской системы, и в эпохи Версальского мира, Парижской, Берлинской и Ялтинской конференций всегда собирались несколько великих держав, обладавших реальным суверенитетом, и решали проблемы суверенитетов других государств.

Здесь противопоставляли Россию и Литву. Но ведь есть страны, которым не нужен суверенитет, и они этого не скрывают. Даже Польша, которая говорит с нами о суверенитете, тут же обращается в Брюссель и Вашингтон, чтобы войти в НАТО и передать альянсу свой суверенитет.

Реальных же суверенных государств за всю историю было совсем немного.

Сегодня понятно, почему американцы (в частности Генри Киссинджер) говорят о крушении версальской системы. Таким образом они пытаются доказать, что национальные государства просто обязаны позволить великим державам (или какой-то одной из них) вмешиваться в их внутренние дела. Но это уже крушение не версальской, а ялтинской системы! Глобальный баланс сил в мире сломался. Пока существовали Советский Союз и советская система, реально работал

Совет Безопасности ООН и определенного рода решения не принимались, так как была возможность их блокировать. Сейчас мы сталкиваемся с тем, что одна держава, доминирующая в мире, использует в этих целях собственную идеологическую концептуальную установку.

Какие лозунги нужны, чтобы доминировать? Рассказывают, что в 1976 году Збигнев Бжезинский хвалился: мы, мол, придумали «дубинку, которой будем бить по голове Советскому Союзу», и называется она концепцией прав человека. Во времена Рональда Рейгана эта концепция была особым инструментом во внешней политике США. Вашингтон сам определял, кто в мире демократичен, а кто нет, где соблюдаются и где игнорируются права человека...

Всегда одна супердержава будет стремиться ограничивать суверенитет других стран и под благовидными предложениями «расширения и развития демократии» вмешиваться в их внутренние дела.

Расширение демократии, развитие демократии... Почему вдруг переворошили этот улей? Я отсылаю уважаемых коллег к моей статье в «Известиях» от 26 июля «Зачем России сегодня концепция суверенной демократии», а сам отмечу более существенный момент.

Я не согласен с Глебом Павловским, что дискуссия о природе политического режима и о сущности власти в обществе не шла. Шла, да еще какая! С приходом Владимира Путина она стала особенно острой. Но — в одни ворота. И западники, и наши либералы, и коммунисты в один голос твердили, что страна катится к авторитаризму, в России последовательно уничтожают все гражданские права, закручивают гайки, лишают граждан свободы слова и так далее. Монополию на эту интеллектуальную дискуссию держали наши западные критики, а внутри страны — так называемые либералы (которых называть этим словом у меня, человека действительно либеральных взглядов, просто язык не поворачивается) и коммунисты.

Что сегодня делает концепция суверенной демократии? Она фактически перехватывает инициативу в этой идеологической борьбе как внутри страны, так и вне России. Мало того, хочу обратить ваше внимание на одну существенную вещь. Когда американцы говорят о *sovereign democracy*, не надо переводить словосочетание буквально — имеется в виду суверенное демократическое государство. А демократия в мире сейчас есть только одна — либеральная.

Она подразумевает права и свободы человека, правление большинства, политический и идеологический плюрализм и так далее. И эта демократия универсальна. Странно, когда нас обвиняют в том, что мы отказываемся от универсализма. Это не так. Даже если обратное утверждает мой некогда друг и соавтор Игорь Клям-

кин, пишущий в «Новой газете», или сам Евгений Максимович Примаков. Он задает вопрос: что, разве есть не суверенная демократия? Конечно, уважаемый Евгений Максимович. Даже такие великие державы, как Германия и Япония, ею не обладают. Только оккупационный режим помог этим народам и этим государствам создать у себя либерально-демократические институты и ценности. Без посторонней помощи их создали только Великобритания и после нее Соединенные Штаты Америки. Так называемая либеральная демократия возникала на собственной почве, на основе собственных традиций, со своими приоритетами. Единственная страна в Европе, которая смогла создать демократическую суверенную либеральную демократию, — это Франция. Но с каким трудом и какой ценой? Революции, контрреволюции, гражданские войны...

Наши либералы дважды уничтожили собственное государство.

Сейчас, когда власть говорит о суверенной демократии, она впервые держит идеологическую и пропагандистскую инициативу в своих руках.

Впервые появилось некое пропагандистское оружие, которое позволяет таким странам, как Россия, Китай, Индия, Казахстан, да кто угодно, сказать Западу: мы уважаем универсальные ценности демократии, мы принимаем универсальные институты, мы идем в этом направлении. Но поймите: мы и вы движемся с разных исходных позиций. Мне кажется особо важным, что вокруг этого тезиса развернулись настолько оживленные дискуссии: оружие оттачивают именно так.

Леонид Поляков. В развернувшейся дискуссии уже представлены различные точки зрения политиков и политтехнологов. Мне бы хотелось рассмотреть ключевое понятие «суверенная демократия» с точки зрения политической науки. На мой взгляд, в нем заложен очень серьезный теоретический потенциал, без выявления которого ни политико-идеологические конструкции, ни политтехнологические акции не будут давать необходимый эффект.

Теоретический фундамент суверенной демократии должен быть построен, если мы не хотим, чтобы это понятие постигла судьба таких конъюнктурных придумок, как «развитой» или «зрелый социализм». Будучи чисто идеологическими фантомами, они служили средством манипуляции массовым сознанием и при этом никоим образом задачу построения национальной идентичности не решали.

Этот дефицит советской идентичности и явился одним из главных факторов краха СССР после августовского путча 1991 года.

На теоретическую глубину обсуждаемого понятия косвенно указал наш основной докладчик в своей формуле: всякий суверенитет демократичен, всякая демократия суверенна. Но из этой формулы ведущим был сделан вывод о том, что термин «демократия» не нуждается ни в каких добавлениях. Я же полагаю, что определение демократии как суверенной — это не просто добавление, а создание теоретической конструкции, с помощью которой мы можем ответить на весьма острые практические вопросы.

Например, Валерий Дмитриевич уже говорил о том, что и понятие «диктатура пролетариата» у большевиков, и «фашистское государство» претендовали на статус подлинной демократии в сравнении с демократией либеральной. Так вот, понятие «суверенная демократия» несет в себе, если угодно, четкий антифашистский заряд. Оно указывает на неделимость народного суверенитета, на невозможность его передачи различным общественным «корпорациям». А ведь смысл и фашистского, и большевистского государства состоит именно в корпоратизме, в передаче права представительства от отдельного лица той или иной корпорации (профессиональной группе, трудовому коллективу и так далее).

Этот проект фашистского государства вовсе не умер. Он существует как альтернатива либеральной демократии и предлагается некоторыми политическими силами в России.

Еще один важнейший момент — применение понятия «суверенная демократия» в дискуссиях о российском федерализме. Валерий Дмитриевич в обсуждаемой статье четко указал на невозможность дробления суверенитета внутри Федерации и передачи его субъектам. Так вот, суверенная демократия заключает в себе именно этот смысл того федерализма, который установила в России Конституция 1993 года. Суверенитет «российского народа» как единого субъекта государственности не может быть разделен и передан на нижний (региональный) уровень, а потому контрпродуктивны попытки присвоить «суверенитет», например, бывшим национальным автономиям под предлогом дальнейшей «демократизации».

Наконец, суверенная демократия дает возможность строить научно достоверное описание нашей новейшей политической истории. Предложу лишь схему. Если 1993 год можно описать с помощью шмиттовского понятия «суверенная диктатура», то период 2000—2004 годов поддается описанию с помощью термина «диктатура закона». Нынешний наш период получает свое научное

определение в качестве суверенной демократии. Тогда это термин, с помощью которого передается уникальность российского опыта построения демократической государственности после распада СССР.

Егор Соломагин. Для чего мы вообще собрались и почему обсуждаем эти вопросы? Какова цель нашей дискуссии? Вряд ли нам нужно выработать какую-то новую формулировку, так сказать, лирическую конструкцию правового существования независимых суверенных государств. Суть, наверное, в том, чтобы в новом меняющемся мире Россия сохранила свое место и обрела былое величие. Путь к этой цели мы и хотим найти. Бессмысленно спорить с Виталием Третьяковым.

Россия как государство и ее суверенитет — вещи, которые связаны неразрывно. Но,

к сожалению, на сегодняшний день суверенитет нашей страны не полон. Внутри страны мы еще можем проводить независимую политику. Но во внешних контактах, в решении внешнеполитических проблем я бы не назвал Россию независимой.

Надо понять, почему одни государства могут, а другие нет нарушать правила, которые существовали после Вестфальского мира и после образования ООН и, может быть, которые будут выработаны вновь. Я считаю, что основная цель политики нынешней власти должна быть в том, чтобы мы вернулись в число тех государств, которые да, могут нарушать такие правила. Это, конечно, звучит цинично, но мы должны быть в числе сильных мира сего. Для этого, я считаю, сложились сейчас все условия, если говорить и о внешней, и о внутренней политической ситуации. Сергей Иваненко прав, что для демократии необходимы деньги. Но они нужны для существования любого государства — и демократического, и авторитарного.

Россия же должна дать миру не только сырье или армию, но и инновационные технологии, интеллектуальные решения и так далее. Мы должны заставить мир считаться с нами.

Никита Белых. Я не собирался выступать, поскольку по вопросу о суверенной демократии у нас с партией «Яблоко» (в отличие от отношения к приватизации и экономическим реформам) абсолютно одинаковые позиции. Я согласен, что вопрос суверенности государства очень плотно связан с его финансовыми возможностями. Если проследить динамику упоминания слова «суверенитет» и вообще разговоров на эту тему, то можно увидеть, что этот переход от уста-

новок образца 1999 года к нынешней ситуации обусловлен не только и не столько сменой политической власти, сколько экономической ситуацией, которая позволила говорить об иных позициях России на международной арене.

Заострю внимание на том вопросе, который задал сейчас Егор Юрьевич.

Какова цель нашего «круглого стола»? Думаю, что нельзя ограничиваться только тем, чтобы договориться о терминах. Хорошо, мы придем к единому пониманию того, что есть суверенная демократия. Что будет происходить дальше? Я вспоминаю советские времена. Я, наверное, в этом зале самый молодой, за исключением господина Чадаева. Но я еще застал тот период советской эпохи, когда на ВДНХ постоянно появлялись какие-то новые продукты, однако на прилавках их по-прежнему не было. И я боюсь, что наша дискуссия о терминах точно так же не будет иметь никакой практической цели и не реализуется, если мы не осознаем, как эту задачу решать.

По-настоящему важно доверие народа к действиям власти, политических персон и партийных структур. Отлично, когда Иван Иванович провозглашает, что коммунисты — за демократию. Но кто этому поверит? Хорошо, что Андрей Константинович заверяет Ивана Ивановича, что сможет передать Ивану Ивановичу власть, когда он к этому будет готов. Но пока мне вспоминается сюжет из «Покровских ворот»: «Хоботов! Когда я встречу женщину, которой смогу тебя передать, будет полное спокойствие. А пока ты мой крест и нести тебя буду я». В данном случае пресловутый Хоботов — это власть: то, что надо передать.

Я считаю главной задачей этого «круглого стола» наконец сформулировать, чего же мы все-таки хотим. Если мы просто договариваемся о терминах (а в нашем кругу это не проблема), то мы недостойны этого высокого собрания. И я готов подписаться под всем, что здесь говорил Третьяков. Вопрос в том, сможет ли предмет наших дискуссий действительно стать национальной идеей и платформой для общественного консенсуса.

Сергей Караганов. Дискуссия не будет пустой, если мы поймем, что мы — это народ, а государство — наше государство. Другое дело — когда же мы это поймем.

Владислав Фронин должен был бы положить перед каждым из нас «Историю города Глупова» — тогда, быть может, кто-то постеснялся бы брать слово. Это вечные вопросы российской истории. Мы должны понять, кто мы, зачем мы и можем ли мы стать теми, кто мы есть.

Владислав Сурков. Я очень благодарен за приглашение на этот «круглый стол», благодарен Валерию Дмитриевичу за его включение в эту дискуссию и всем моим коллегам. Лично я согласен с каждым из тех, кто здесь выступил. Потому что

и поддержка нашей темы, и возражения — все это и есть суверенная демократия. Это разговор самостоятельных людей.

Я бы, со своей стороны, хотел обратить внимание на то, что, конечно, говоря о вестфальской системе, мы начали очень издавека. Коллегам, которые очень придирчиво к этой системе отнеслись, хотел бы напомнить, что ни одна международная, политическая модель никогда не работает в полном объеме. И демократия, как тут удачно заметили, это не факт, а процесс. Не коммунизм, который надо построить, а потом решить, какая эра загробных приключений за этим последует, а именно процесс, от которого возможны отклонения и бывает необходимо возвращаться обратно, если зашел не туда. Я думаю, что это во многом вопрос культуры, о чем мы иногда забываем.

Каких-нибудь 40 лет назад, когда многие присутствующие здесь уже были деятельными людьми, одна из самых демократических стран допускала расовую сегрегацию и при этом не переставала называть себя демократической.

Видимо, в тот момент культура этой страны допускала расовую сегрегацию. Мы должны это тоже помнить. Причем не в упрек кому-то и не пытаюсь сказать «а вы сами такие». Нет, это нормально. Ничто не происходит сразу. Это длительный процесс, и мы, на мой взгляд, тоже являемся его участниками.

Нужны ли суверенитету деньги? Конечно, нужны. Но здесь, наверное, начинается спор идеалистов и материалистов. Я, например, считаю, что всегда сначала замысел, сначала мотив, а потом инструмент. Да, в чем я согласен с либеральными нашими товарищами, так это в том, что суверенитет, особенно в русской традиции, в нашей идеологической матрице всегда ассоциируется с нашими немногочисленными союзниками в лице армии и флота, то есть имеет этаким военно-полицейский окрас.

Думаю, что в современных обществах это тоже никуда не уходит и по-прежнему нужно. Но все-таки вопрос стоит уже не только в узком смысле обороноспособности, а скорее в комплексном плане, заставляя нас говорить о конкурентоспособности страны. Этот важный штрих напоминает нам, что речь все-таки идет не о суверените-

те какого попало государства, а о суверенитете государства демократического. Мне кажется, что крайне важно об этом говорить, и разговор действительно не пустой. Я вообще считаю (и здесь тоже говорилось, что это следует подчеркнуть), что вопросы смыслообразования и терминов, проблемы «производства образов» — это признак действующей нации, которая имеет право называться актором, действующим лицом истории.

Если народ не производит сам образы и смыслы, если он не посылает сообщения другим народам, то он в политическом и культурном смысле в общем-то не существует. Понятно, почему мы относимся ко всему этому скептически после нашего сверхидеологизированного государства — СССР, которое драматично ушло (может быть, даже еще не ушло) и, наверное, всегда вызывает дурные ассоциации. Но надо понять важность разговора. Мы в европейском дискурсе, из которого мы не выпадали даже в советские времена: что бы там ни говорили, но те идеи были вполне европейскими. Мы тоже должны об этом не забывать, в том числе когда дискутируем с нашими западными критиками. Мы должны иметь свой голос. Мы не думаем, что должны стремиться создать какую-то неслыханную экзотику и говорить какие-то «герметические» вещи, недоступные пониманию наших собеседников. Но у нас должна быть своя версия политического языка.

Иначе мы обречены быть просто слушателями. Но, как известно,

кто не говорит, тот слушает. А тот, кто слушает, тот слушается. Если мы самостоятельный народ, мы должны участвовать в разговоре. Конечно, говорить мы должны приемлемым для наших собеседников тоном и тоже уметь слышать их. Плохо, если мы в России не создадим свой дискурс, свою публичную философию, собственную идеологию, приемлемую для большинства наших граждан

(хотя бы для большинства, а желательно для всех). Я не говорю сейчас о государственной идеологии — я говорю, если угодно, об идеологии национальной.

Мне не нравится сам термин «национальная идея», он уже затерт и девальвирован, но о том, что он подразумевает, говорить надо. Иначе с нами не будут разговаривать, с нами не будут считаться: зачем разговаривать с немymi? Поэтому задача нашей культуры в широком смысле слова (и в художественной, и в политической части) — создать свою систему образов и смыслов. Это поможет и под-

держивать целостность нации, поскольку она административно держаться не может. И сейчас она скорее скреплена, я бы сказал, на скорую административную руку, пусть и довольно сильную. Но это все временно. Жить, органично развиваться может только народ, имеющий целостное представление о себе и о том, кто мы, куда и зачем идем. Мне кажется, это самое главное в нашем разговоре, и об этом не нужно забывать.

Но я также вернусь к статье Валерия Дмитриевича. Я просто прочитаю ее финал: «Важно, чтобы эти изменения (изменения, я так понимаю, и внутри страны, и в мире. — *В. С.*) не заслоняли самого главного, во имя чего они проводятся, — человека с его правами и свободами». Я считаю, что у нас сейчас идеологему «сбережение народа» расслышали очень однобоко — как поручение платить деньги рожаящим женщинам. Такое указание президента действительно есть, и оно будет исполнено, и это очень правильно. Но «сбережение народа», мне кажется, — это целая философия. В ней содержится основа демократии. Сберегать людей, уважать достоинство каждого человека — именно отсюда вытекает все остальное. Поэтому и концепция суверенной демократии — это всего лишь одна из концепций, дело действительно не в термине. Но она апеллирует к достоинству и русского народа, и российской нации в целом. Она о достоинстве, о том, что мы есть. И мне кажется, это самое главное.

Валерий Зорькин. Я хотел бы еще несколько слов сказать в развитие нашей сегодняшней дискуссии. Суверенитет и демократия имеют много оттенков. В юридическом смысле речь прежде всего идет о мере должного, то есть о праве. В частности, о государственном суверенитете как о возможности государства самостоятельно и независимо от иных субъектов международного права определять свою внутреннюю и внешнюю политику. В жизни бывает всякое, есть и дурная практика, но этим не умаляется ценность права. Напротив, в борьбе за это должное мы как раз и обретаем свое право.

Фактически состояние демократии может быть разным. Может быть искаженная, большая демократия. И есть разное фактическое состояние суверенитета. Я же говорил о демократии и суверенитете как о юридически должном — как общепризнанных принципах международно-правового миропорядка и одновременно как основополагающих принципах конституционно-правового строя России.

С этой точки зрения российская демократия — суверенная, а суверенитет Российского государства — демократический.

Оправданием современного суверенитета являются императивы демократии. Государственный суверенитет был закреплен в свое время Вестфалем в качестве системообразующего принципа миропорядка. В этом смысле ничего лучше вестфальской системы, то есть взаимодействия и развития государств на основе принципа суверенитета, придумано не было и в перспективе не видится.

Разумеется, суверенитет не помещен в «политический холодильник». Он эволюционирует вместе с развитием государства и общества. Что такое ялтинская система? Что такое ООН? Это не что иное, как модификация вестфальской системы в новых условиях.

Лишь суверенитет дает формально-юридически одинаковую, равную возможность всем государствам быть в нынешнем мире. Как сами государства фактически реализуют этот принцип на практике — это вопрос практической политики, политического искусства. Здесь может быть по-разному, в том числе и в России — в рамках нашей Конституции. Де-факто сейчас уровень суверенности Соединенных Штатов и других стран, в том числе и России, видимо, разный. Но если мы будем отрицать государственный суверенитет как меру должного, как юридический принцип современного миропорядка, тогда судьбу России будут решать не в ней самой, а извне. Как это? На самом деле речь идет о принципе Версаля, модифицируемом в условиях глобального мира.

Этот мир держится и должен держаться на этом принципе. Однако вспомните, что произошло с Югославией и Ираком.

Мы живем в интерпретированном глобальном мире. Мы никуда от этого не денемся. И как на заре вестфальской системы страны жили по-разному, так и сейчас. И здесь уважаемый председательствующий справедливо заострял наше внимание на том, что критика современной системы объединенных суверенитетов появляется не на пустом месте. Потому что

суверенное государство не справляется с новыми вызовами и угрозами, но от этого не утрачивается, а, напротив, возрастает значение суверенитета как системообразующего принципа современной демократии и правопорядка.

Каждый раз, на каждом новом историческом этапе этот принцип приходит в новом обличье.

Именно поэтому в глобализирующемся мире защита интересов государства требует объединения, а не разрушения суверенитетов. Именно поэтому требуется адекватное осмысление такой основопо-

лагающей конституционной ценности, как демократический суверенитет или суверенная демократия, в нашей стране. Если Россия не будет утруждать себя выработкой практической, жизнеспособной концепции суверенитета и демократии, она уподобится кровельщику, у которого на огромной высоте закружилась голова: лететь вроде бы приятно, но внизу — асфальт.

Сергей Караганов. Блистательное завершение нашей дискуссии. Я хочу поблагодарить господина Фронина и господина Горбенко за то, что они собрали нас. По-моему, состоялась одна из самых интересных дискуссий за последнее время.

Владислав Фронин. Спасибо. В свою очередь, хочу поздравить вас с окончанием летних каникул и стартом нового политического сезона. Мне кажется, в СМИ остро не хватает сейчас хороших площадок для политических дискуссий, и «Российская газета» готова взять на себя эту роль. Приглашаю вас к продолжению сотрудничества, а читателей — к продолжению дискуссии.

Претензия на то, чтобы «Единая Россия» правила 10–12 лет — ну, я вам напомню, что ХДС/ХСС правила в Германии после войны около 20 лет. Почему это не считается отклонением от демократии? Да, мы считаем, что те ценности, которых мы придерживаемся, важны, мы за них боремся. Мы политическая сила. Президент ее возглавляет. Мы одна из сил в России.

«БЫТЬ СВОБОДНОЙ НАЦИЕЙ СРЕДИ СВОБОДНЫХ НАЦИЙ»

Владислав Сурков. Добрый день, дамы и господа. Я ваш. Пожалуйста. Информационное агентство Ассошиэйтед Пресс. Где вы видите самую большую внутреннюю угрозу нынешнему Кремлю?

Владислав Сурков. Кремлю? Мне кажется, я скорее вижу угрозу стране. И угрозы, как правило, они в нас самих находятся. И я думаю, что главные угрозы, и о них президент достаточно ясно говорит, это коррупция, технологическая отсталость, это несовершенство и крупные недостатки нашей политической практики, это почти катастрофическая ситуация с демографией. Они все нам известны, эти угрозы. И я не говорю о терроризме, это наша фундаментальная проблема, но она так или иначе связана с нашей слабостью по вышеперечисленным направлениям. Я считаю так, надо об этом думать. Что угрожает отдельно взятым функционерам или отдельно взятым партиям? Мне кажется, это вопрос не вполне существенный.

Информационное агентство Киодо Цусин. Владислав Юрьевич, скажите, пожалуйста, вы часто употребляете политический термин

«суверенная демократия». Оппозиционные политики в России часто критикуют состояние демократии в России, и они называют его «употребляемая демократия».

Владислав Сурков. Управляемая демократия.

Информационное агентство Киодо Цусин. Управляемая демократия. Тогда не расскажете коротко, что такое суверенная демократия и чем она отличается от управляемой демократии.

Владислав Сурков. Я тогда попробую дать свое определение управляемой демократии, которая, в том числе благодаря вашим, коллеги, усилиям, стала очень модным термином и внутри страны, и за ее пределами. На мой взгляд, управляемая демократия — это навязываемая некоторыми центрами глобального влияния, навязываемая всем народам без разбора, навязываемая силой и лукавством шаблонная модель неэффективных, а следовательно, управляемых извне политических и экономических режимов. Мы так понимаем управляемую демократию. Я не буду называть страны, которые, как мы считаем, являются управляемой демократией по нашему определению. Вам известны эти страны.

Что касается российской демократии, мы действительно часто называем ее в нашем политическом обиходе суверенной демократией. Это ничего специального не означает. Это определение значит только то, что, строя открытое общество, мы не забываем о том, что мы свободная нация, и мы хотим быть свободной нацией среди других свободных наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам,

а не управляться извне. Вот и все.

И еще один документ. Я был готов к этому вопросу, я позволю себе процитировать вице-президента Дика Чейни, которого, на мой взгляд, не очень правильно поняли в России, я, например, целиком согласен с тем, что он сказал. Произнес он следующее: «Россия присоединится ко всем нам на пути к процветанию и величию... Это будет сообщество суверенных демократий, которые преодолели прошлые конфликты, которые чтят многочисленные культурные и исторические связи между нами, которые ведут свободную торговлю, уважают друг друга как великие страны и вместе стремятся к веку мира». Я целиком согласен с тем, что понимает под суверенной демократией господин Чейни. Мы понимаем то же самое.

Газета «Эль Паис». В конструктивном духе. Мы все живем вместе в мире, и европейцы, и вы. Я хотела узнать, чему, как вы счита-

ете, Россия может нас научить и чему вы готовы у нас научиться. Спасибо.

Владислав Сурков. Спасибо за вопрос. Это лучше, чем про управляемую демократию. Вы знаете, у Петра Великого, когда он был в Голландии, обучался там разным ремеслам, была печать, на которой была вырезана такая фраза: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». В переводе на современный русский язык это означает: «Я ученик и нуждаюсь в учителях». И я считаю, что преодоление той технологической отсталости, которая, к сожалению, свойственна России и происхождению которой есть много объяснений, это главное, чему мы могли бы поучиться на Западе. И мы очень хотели бы сотрудничать с западными странами. Более того, я абсолютно уверен, что без сотрудничества со странами Запада модернизация России невозможна. Кроме того, у некоторых стран, особенно европейских, мы можем поучиться тому, чего России всегда не хватало, а именно тому самому сбережению народа, о котором так сейчас модно говорить в России.

В России есть вековая привычка сорить людьми. Многие наши прошлые периоды развития отличались пренебрежительным отношением к человеческой жизни и к человеческому достоинству. И я считаю, что главное, что мы можем сейчас сделать, это заложить основу такого общества, в котором человеческая жизнь и человеческое достоинство будут стоять на первом плане. К этому мы стремимся, и в этом нам тоже есть чему поучиться у стран Запада. Чему вы можете научиться у нас? Не знаю — читайте Достоевского.

Газета «Эль Паис». И все-таки чему вы можем у вас, по вашему мнению, научиться — в культуре, политической ситуации, в чем угодно? Вы пропагандируете страну или не пропагандируете?

Владислав Сурков. Вы знаете, я не хочу быть нескромным. Мне кажется, это ваше дело, чему вы можете у нас поучиться. Мне кажется, что в современном нашем состоянии мы часто ведем себя — только не обижайтесь, пожалуйста, — более прямолинейно, если хотите. Мы, мне кажется, более честны в нашей позиции, чем иногда, мы чувствуем, как относятся к нам. Если нас интересует сотрудничество в такой-то сфере, мы открыто об этом говорим, мы признаем свои недостатки, мы не лезем в чужие дела. Мы не всегда встречаем такое же отношение к нам. Иногда нам говорят одно, а думают совсем другое. Нам, например, говорят про демократию, а думают при этом о нашем углеводородном сырье. Вот тот же вышеупомянутый высокопоставленный деятель, когда был в соседнем Казахстане, после того как он покритиковал нашу демократию, он в высочайшей

степени оценил демократию Казахстана. Казахстанский народ — наши братья, но я никогда не соглашусь с тем, что на пути строительства демократии Казахстан шагнул дальше, чем мы. Вот этого хотелось бы избежать. Спасибо.

Общественное телевидение Японии NHK, московское бюро, Юлия Натарова. У меня к вам вопрос как к представителю политической элиты. Во-первых, мне интересно знать, что вы думаете о современной российской элите, как политической, так и другой. Есть ли у этой элиты, скажем так, идеология? Раньше были комсомол, коммунистическая партия и так далее. Может ли существовать, на ваш взгляд, элита без идеологии?

Владислав Сурков. Конечно, не может. Так же не может, как не может существовать без идеологии ни один, на мой взгляд, отдельно взятый человек, если он личность творческая, мыслящая и пытающаяся изменить этот мир или понять его лучше. Я не совсем идеологию имею в виду, конечно, а говорю скорее о системе ценностей, о мировоззрении. И, естественно, нация тоже не может существовать без идеологии, точнее, системы ценностей. Более того, наше знаменитое строительство вертикали власти, которое все время обсуждается, оно было абсолютно, конечно, необходимым и остается необходимым на сей момент.

Но бюрократическое скрепление страны недолговечно. И

если мы сейчас не обогатим эту вертикаль власти признаваемой всем народом «идеологией», то целостность страны, целостность нации невозможно обеспечить. Невозможно удерживать административно то, что должно удерживаться образом будущего, идеалами, ценностями, верой.

Глубочайшее заблуждение, что тоталитарные режимы идеологичны, а демократические нет. Ровно наоборот. В тоталитарных режимах не нужна идеология, там есть страх, с помощью которого можно людей заставить повторять все что угодно и даже иногда верить в это. Демократии, где репрессивный аппарат все-таки приводится в действие в самом крайнем случае и где все-таки стараются люди объясниться друг с другом, демократии, конечно, сохраняют свою форму, мне кажется, на основе общих образов и общих ценностей, на добровольной основе.

Поэтому и современная российская элита, как вы ее называете, хотя я этот термин не очень люблю... она, конечно, должна найти для себя объяснение всему тому, что с нами было в последние 20 лет. Ведь

это не очень приятный процесс, не очень хочется признаваться себе в том, где ты был и что ты делал в злополучные 1990-е годы. Не очень хочется объяснять себе, почему мы потеряли такую огромную страну. Не очень хочется признавать свои ошибки и свои просто-напросто глупости. Но нация наша должна объясниться сама с собой, должна объяснить все, что случилось недавно, и понять, что будет с ней происходить дальше. Я считаю, что без ведущего слоя, понимающего цели и задачи, созданного, сформированного на конкурентной основе в открытом обществе, у страны, конечно, нет будущего.

Это, по-моему, азы. Я думаю, нам этого не хватает, потому что слишком велика еще инерция духовного распада, который мы переживаем до сих пор, но уже мы осознаем себя, мы начинаем понимать, и у нас, кроме иллюзий, возникают интересы.

Что касается основ этой возможной нарождающейся национальной идеологии, я думаю, она наверняка не будет по принципиальным моментам отличаться от общеевропейских ценностей и моделей. Конечно, российская версия европейской культуры специфична, но она не более специфична, скажем, чем германская, французская или британская версия той же самой европейской культуры. Мы себя считаем частью Европы, нравится это кому-то или нет, мы так себя видим в мире и надеемся, что нас со временем поймут наши соседи и партнеры. Спасибо.

Журнал Russia Profile. Владислав Юрьевич, когда я брал у вас интервью 13 лет назад для газеты «Комсомольская правда»... вы меня удивили своей оценкой личности Владимира Ленина. Вы тогда сказали, что вас не интересовала его коммунистическая идеология, но вас интересовало то, как он сделал страну более управляемой за пять лет и спас ее от распада, который казался неизбежным в 1918 году. Сейчас пять лет как Россия идет по новому пути. Страна стала более управляемой? Угрожает ли ей по-прежнему распад, о котором говорил, например, недавно Дмитрий Медведев в интервью журналу «Эксперт»? Или эта проблема уже отодвинулась?

Владислав Сурков. Страна стала более цельной. Я бы не хотел употреблять термин «управляемая». Но мне кажется, вообще нет в обществах нигде в мире и никогда абсолютно стабильных состояний, никогда нельзя сказать: «Вот теперь у нас точно все нормально, и нам ничего не угрожает, и, в частности, уж ничто не угрожает нашей территориальной целостности». Нет ни одной страны мира, которая могла бы о себе так сказать.

Это постоянный труд всей нации — сохранять свою целостность во всех смыслах этого слова. Не только в примитивном territori-

альном, и не столько, может быть, в нем, сколько в духовном, политическом, экономическом и так далее. Это неостановимый процесс. И никогда не надо полагать, что мы сделали все и теперь можно расслабиться, это приведет неизбежно к краху. Поэтому я считаю, что, конечно, угрозы сохраняются и, конечно, у нас есть проблемы, которые я уже перечислил, которые в перспективе могут обостриться и привести к печальным последствиям. Мы должны это знать, и не надо отчаиваться в связи с этим, надо просто вместе работать и решать эти проблемы. Спасибо.

Газета The Moscow Times, Стивен Бойкевич. Владислав Юрьевич, если можно, сразу два вопроса. Первый: известно, что сейчас очень важна в России новая государственная стратегия развития стратегических секторов. Именно с точки зрения внутренней политики, есть ли из-за этой стратегии риск, что состоятся сейчас не только новые коммерческие силы, новые политические силы, которые в дальнейшем могут грозить сегодняшней стабильности, скажем так. И второй вопрос: каковы были, на ваш взгляд, главные недостатки или даже провалы в недавнем формировании российской партийной системы? Спасибо.

Владислав Сурков. Провалов в формировании партийной системы мы не наблюдаем. Что касается первого вопроса, повторите его, пожалуйста.

Газета The Moscow Times, Стивен Бойкевич. Поскольку сейчас создаются новые коммерческие силы, в ходе этой новой стратегии в развитии стратегических секторов, возможно ли, что одновременно создаются новые политические силы, то есть именно эта стратегия дает сейчас достаточно серьезную и политическую силу некоторым людям...

Владислав Сурков. Кому?

Газета The Moscow Times, Стивен Бойкевич. Главам стратегических компаний.

Владислав Сурков. Нет, я так не считаю. Если речь идет о государственных компаниях, то эти люди сменяемы. Когда сменится власть, когда к власти будут приходить другие политические силы, они будут, видимо, скорее всего менять этих людей. Я не вижу здесь никакой проблемы. Не надо говорить о госкомпаниях, об их руководстве как о чем-то вовеки данном. Это люди прошлые, они не являются собственниками, и вся эта шумиха вокруг этого — это вообще никакая не проблема. Везде, где есть госкомпания, во всем мире их возглавляют представители государства. А что же в этом такого-то? Это нормально. Они служащие, а не

хозяева, и поэтому они не могут представлять никакой политической угрозы.

Информационное агентство Рейтер. Владислав Юрьевич, все-таки вернусь к вопросу о суверенной демократии, потому что, в конце концов, так или иначе вокруг него все и вертится. Позиция Запада понятна, будем говорить о Европе, о старушке Европе. У нас есть некий паттерн демократий разных стран, но он более или менее одинаковый, он работает. Вот если Россия хочет считать себя, извините, утрирую, частью Европы, возьмите этот паттерн и будьте, как мы, абсолютно. Если я правильно понял, суть суверенной демократии в том, что мы хотим строить демократию, но своими силами, без указания оттуда. Так вот, понимаете...

Владислав Сурков. Вы неправильно понимаете.

Информационное агентство Рейтер. Неправильно, да? Хорошо. Тогда задам просто вопрос. Очень долго в стране пытались создать советский автомобиль. В конце концов пришлось строить здесь заводы по сборке японских, американских и немецких машин. Во-первых, не исключаете ли вы варианта, что когда-нибудь придется просто так оставить попытки сделать русскую демократию и взять этот паттерн как работающий на Западе и перенести его сюда? И, самое главное, все-таки чем отличается ваше понятие о демократии от того, что существует в Европе?

Владислав Сурков. Да в том-то и дело, что ничем.

Это те, кому это выгодно, создают впечатление, что мы под суверенной демократией понимаем какую-то самоизоляцию и какую-то экзотическую русскую версию демократии.

Да ничем эти паттерны не отличаются, просто ничем!

Есть культурная традиция и есть скорость проведения реформ и скорость набора политической культуры. Культура быстро не меняется. И знаете, коллеги, не надо передергивать. Слово «суверенитет» просто подчеркивает то, что наша элита не должна забывать, что, строя открытое общество, мы не должны потерять самоидентификацию, не должны раствориться и не должны получить внешнее управление. Никто не говорит о том, что мы не должны слушать тех, у кого есть богатый опыт демократической жизни. Мы все время выслушиваем, извините, все это, и очень конструктивно на это реагируем. Более того, мы многое берем и с благодарностью это принимаем, считаем это полезным.

В нашей политической культуре, которая всегда несколько склонна упрощать политический процесс, это очень полезно, что

страны с давними демократическими традициями все время напоминают, чтобы мы помнили о целях и задачах такого политического устройства. И вы правы, что это примерно одно и то же во всех странах, но согласитесь, что в ряде важнейших нюансов демократия в Германии отличается от демократии во Франции не по сути, не паттерном, а по схемам своего функционирования. Есть разные традиции, разные уклады. Есть разная кухня, извините, в том числе и политическая. Почему с этим никто не хочет считаться? Почему мы должны получать чей-то чертеж и тупо ему следовать? Мы что, не вправе его интерпретировать? Мы говорим именно об этом, о формальных претензиях к нам, а не о содержательных.

Информационное агентство Рейтер. Как, в чем вы будете его интерпретировать?

Владислав Сурков. Коллеги, у нас есть все, что есть в любой демократической стране. Если что-то кому-то не нравится, я могу вам бесконечно цитировать радикальных мыслителей, в том числе и современных, во всех европейских странах, США и так далее, которые острейшим образом критикуют западную демократию и считают ее не демократией. Но давайте просто решим — мы с ними согласны, с этими радикальными мыслителями, или нет. Претензии, которые возникают в отношении России на эту тему, — это просто подогревание интереса к словам тех людей, которые так радикально настроены. Они имеют на это право. Но почему-то только их точка зрения учитывается при оценке российской демократии.

Я еще раз говорю, я могу прислать, если хотите, все, что пишут многие известные публицисты Запада про демократию вот тех самых выдающихся стран, которые представляют здесь сегодня большинство журналистов.

Хорошо, давайте я вам процитирую. Не буду далеко ходить. «Мы живем в государстве, которое ненавидят за рубежом и боятся его же собственные граждане. Сегодня эта страна вступила в постконституционную эру, это автократия, в которой правит не закон, а те, кто его нарушает. Страна, где царствует дух безнаказанности, где коррупция не отклонение, а норма жизни».

Это знаете кто сказал и о ком? Это довольно известный американский публицист сказал о США. И я при этом все равно считаю, что США — это демократическая страна. Хотя, наверное, мне было бы выгоднее согласиться с мнением этого публициста. Я с ним не согласен. Я считаю США демократической страной. И я прошу также учитывать, что

в России в оценке нашей демократической жизни есть не только мнение ряда товарищей, которые понятно почему это говорят, но есть много и других мнений.

И не вредно будет их тоже иногда слушать и более конструктивно относиться к демократии в России. Вот и все.

Газета «Майнити». Владислав Юрьевич, два вопроса. Первый: есть такое устойчивое мнение, что действующая власть поддерживает и морально, и материально только одну партию — «Единую Россию». В целях развития демократии, ее сохранения не лучше ли было бы поддерживать либо все партии, либо вообще никого не поддерживать? И второй: есть мнение, что появляются сейчас в России новые олигархи. На ваш взгляд, происходит ли это и возможно ли это в современной России? Спасибо.

Владислав Сурков. По поводу поддержки партий. К нам как бы примеряют другие стандарты. Президент Джордж Буш поддерживает Республиканскую партию или нет? Тони Блэр поддерживает Лейбористскую партию или нет? Мы поддерживаем партию, которая поддерживает президента. Это практически одно и то же. Это реально правящая партия. Как мы можем ее не поддерживать? Как она может не поддерживать нас? У нас не исключены разногласия, с нами не всегда соглашаются, у нас много недопониманий, но в целом это нормально.

Нам часто говорят: «У вас управляемый парламент». Что, только у нас? Это запрещено в демократии, чтобы президент и его партия имела большинство в парламенте? В парламенте США тоже есть большинство тех же самых республиканцев. Вы же их не критикуете за это?

Претензия на то, чтобы «Единая Россия» правила 10–12 лет — ну, я вам напомню, что ХДС/ХСС правила в Германии после войны около 20 лет. Почему это не считается отклонением от демократии? Да, мы считаем, что те ценности, которых мы придерживаемся, важны, мы за них боремся. Мы политическая сила. Президент ее возглавляет. Мы одна из сил в России. Одна из сил.

Я хочу вам напомнить, что на выборах 2003 года «Единая Россия» получила примерно 37% с небольшим. Около 35%, примерно столько же, получили три другие партии, прошедшие в парламент, — компартия, ЛДПР и «Родина». Где у нас какое-то особое преимущество? Примерно одинаковое количество голосов и у нас, и в сумме на левопатриотическом фланге. В чем проблема? Почему мы должны ни одну партию не поддерживать, объясните мне с точки зрения фор-

мальной демократии. Демократия — это борьба партий в политическом смысле, да? «Единая Россия» — это партия, к которой мы, кто формально, кто неформально, принадлежим. В чем здесь проблема? Это абсурдная постановка вопроса, извините за выражение.

Что касается поддержки других партий. По закону у нас государство платит деньги очень многим партиям, всем тем, кто получил на прошлых выборах больше 3%. Они получают бюджетные деньги. Это о поддержке других партий.

Мы поддерживали и будем поддерживать «Единую Россию». Так всем и передайте. И они будут нас поддерживать. И это — нормально. Это соответствует практике всех демократических государств.

У нас есть один вопрос, который провоцирует такой подход. Президент у нас не член партии никакой, да? Это, извините, издержки нашей борьбы с коммунизмом. Мы занимались департизацией какое-то время, сильно этим увлеклись, у нас действительно возникла такая ситуация. Это дело поправимое в ближайшей исторической перспективе. И тогда, наверное, нам перестанут задавать вопросы на эту тему. Что касается новой олигархии, я уже отвечал на этот вопрос, когда комментировал ситуацию с госкомпаниями. Это бред.

ВВС News. Владислав Юрьевич, как администрация или государство собирается управлять будущими доходами от нефти и газа? Помогают ли нынешние высокие цены всей стране или только нефтегазовым компаниям? Спасибо.

Владислав Сурков. У нас, конечно, есть значительный разрыв между тем, что довольно хорошая конъюнктура по нефти и газу, в то же время многие очень острые социальные вопросы не решаются, и найти возможность все-таки путем модернизации нашей экономики сделать более справедливым распределение национального продукта мы, конечно, обязаны. Я не могу сказать, что тут есть какие-то очень серьезные успехи, но в принципе мы через национальные проекты, через демографические программы сейчас пытаемся решать возникающие вопросы.

Главное, чтобы не возникло эйфории по поводу высоких цен на топливо. Мы хорошо помним, что цены могут быть не только большими, но и очень маленькими. И я считаю,

главная задача для России — воспользоваться этой благоприятной конъюнктурой с тем, чтобы как можно быстрее приступить к модернизации.

Газета «Либерасьон». Когда будет известен преемник Владимира Путина? Не боитесь ли вы, что будет трудно делать его популярным после того, как сейчас популярен сам Путин? Как вы будете это делать?

Владислав Сурков. Я не знаю. Не знаю когда, не знаю кто.

Газета «Либерасьон». А как?

Владислав Сурков. Тем более.

Журнал «Евромани». Если следующим президентом будет не господин Путин, думаете, он может вернуться после следующего президента?

Владислав Сурков. Жизнь покажет.

Газета «Ля Трибьюн». Владислав Юрьевич, работаете ли вы с телеканалами? Если да, то как. Как вы объясните то, что сейчас оппозиционеров совсем не видно по телевидению?

Владислав Сурков. Это неправда. Вы можете взять справки на телеканалах. Они вам дадут.

Газета «Ля Трибьюн». Очень редко.

Владислав Сурков. Это дело вкуса.

Агентство Франс Пресс. Еще по поводу оппозиции. Михаил Касьянов только что, вчера, встретился с членами английского парламента, и там речь шла о том, что он будет ведущим кандидатом в президенты России в 2008 году. Как вы это оцениваете? Считаете ли вы, что это попытка управлять Россией извне? Какое-то вмешательство из других... Спасибо.

Владислав Сурков. Я там не был, на этой встрече, поэтому не знаю, является ли это попыткой управлять извне. Совсем исключать этого не буду. Хотя и подтверждать, естественно, тоже. Ну а что касается намерения Михаила Михайловича — у нас все могут по достижении определенного возраста баллотироваться в президенты. Это его право.

Газета «Нойе Цюрихер Цайтунг». Вы сказали, что российская демократия ничем не отличается от демократии в остальном мире. У меня просто еще один вопрос на эту тему. По западной модели власть формируется снизу, то есть партии, победившие на выборах, номинируют лидера, главу государства и так далее. В России — наоборот, то есть президент или кремлевская власть создала партию. Как вы считаете?

Владислав Сурков. И это опять вопрос оценки. Знаете, под каким углом мы хотим смотреть на ситуацию в России?

Можно, я еще процитирую? Ноам Чомски, очень известный американский ученый и публицист: «Наше общество действительно не осно-

вано на участии народа в принятии решений». Это он об Америке говорит. Вот этот человек видит ситуацию в Америке под таким же углом, под каким вы видите ее в России. Вот и все. Это ведь сложный процесс — снизу, сверху.. Мне кажется, это всегда встречные движения. Вот эта, мне кажется, честно говоря, надуманная модель, что что-то там снизу.. это, видимо, идеал, к которому надо стремиться, я с этим согласен, но на практике все-таки все бывает несколько сложнее.

Самое важное, мне кажется, что не нужно упрощать и эти упрощенные схемы предлагать нам учитывать в работе. Социальная жизнь сложнее, чем, мне кажется, мы сейчас с вами обсуждаем. Поэтому

нельзя в современной России создать большинство сверху. Страна информационно открыта, в ней люди уже привыкли чувствовать себя самостоятельно, в ней есть масса людей с деньгами,

в России достаточно прозрачны все системы власти — достаточно прозрачны, подчеркну, я ничего не идеализирую. Я не хочу сказать, что у нас все распрекрасно и все хорошо. Это, конечно, не так. Мы признаем свои недостатки. Мы их знаем. Мы их многократно публично признавали. И президент, и все, кто работает рядом с ним и в правительстве, и так далее. Нет в этом никакого секрета. Но мы также не склонны и преувеличивать наши недостатки. И поэтому мне кажется, что ваша оценка не вполне справедлива.

Газета «Хиндо». Я бы хотел узнать о вашей оценке, какую реакцию в российском обществе вызывает усилившаяся критика политики Путина как антидемократической, как свертывания демократии, отката от нее. Достигает ли она своего результата? Ослабляет ли эта критика позиции власти? Усиливает ли это позиции оппозиционных либеральных партий? Как вы считаете? Спасибо.

Владислав Сурков. Я, естественно, ожидал этого вопроса. Об откате от демократии. Ни дня без отката от демократии. Я тоже заготовил тут кое-что на эту тему. Вот от чего мы откатываемся — я бы хотел процитировать некоторые западные газеты 1990-х годов. Газета «Нью-Йорк таймс», 1997 год. Цитирую: «Класс вульгарных нуворишей, преступников и воров доминирует в полуфеодальной системе управления страной». Это на вопрос, от чего мы откатываемся.

Вторая газета — «Индепендент». Это я все взял просто наугад, знаете. 1998 год. Это мнение ваших же коллег, а возможно, и кого-то, кто сидит сейчас в этом зале, я не знаю. Газета «Индепендент» о демократии, от которой мы откатываемся, 1998 год: «Мафия повсеместно проникла в банковскую и кредитную систему. Кумовство

проникло на все ступени политической лестницы в Москве. И от того, что Дума и президент ссорятся и пререкаются, кажется, что от центрального правительства не может исходить решающей инициативы, а провинциальные власти в России, видимо, еще более корумпированы. Россия не является демократией». Конец цитаты.

Вот так вы и ваши коллеги видели нашу страну в 1990-х годах: «Россия не является демократией». Вот от этой «недемократии» мы, извините, и откатываемся. И будем откатываться как можно дальше. И, надеюсь, мы когда-нибудь это поймем все вместе.

Что касается реакции на критику — с пониманием реагируем. Потому что знаем, когда это идет от чистого сердца, и вполне допускаем, что этим реально озабочено множество думающих людей на Западе. И мы знаем, повторюсь, наши недостатки, и со мнением очень многих критиков Запада я лично согласен. И многие другие люди в руководстве страны согласны. И президент Путин согласен. Но мы также хорошо знаем, когда это делается в спекулятивных целях.

Когда энергобезопасность наши партнеры понимают как полный контроль над нашей трубопроводной системой, над нашими недрами, а мы в это понятие вкладываем немного другое содержание и, мне кажется, имеем право это делать. И у меня есть ощущение, что если бы в Москве пришли к власти даже людоеды, но они при этом отдали бы кое-что кое-кому, то эти людоеды сразу были бы признаны очень демократическим правительством. Но в целом мы считаем критику Запада, я еще раз повторюсь, плодотворным явлением, которое даже нужно нам для того, чтобы наше общество не вернулось в то состояние, из которого оно так медленно и с такими трудами выходит уже 20 лет. Вот наше мнение.

Газета «Индепендент». Не думаете ли вы, что на самом деле Запад боится России? Если да, то почему. Не думаете ли вы, что Запад вообще не хочет, чтобы Россия поднялась? Если да, то почему.

Владислав Сурков. Запад в нашем понимании — это демократически устроенная система, и там есть разные люди. Одни видят и хотят, я думаю, и находят для себя аргументы видеть Россию ослабленной. Другие — мы надеемся, что их большинство, — мне кажется, нормальные люди и вполне представляют себе мир с такой хорошей, сильной, партнерской и глубоко с ними связанной Россией. Мы будем опираться на большинство. На его мнение на Западе. Опять же согласно демократическим представлениям.

Мы не думаем, что кто-то всерьез боится сейчас России. Скорее, мне кажется, что... есть люди, которые, простудившись еще во время холодной войны, кашляют до сих пор. Ведь на Западе многие по-

нимают события начала 1990-х — крушение Советского Союза, кризис России — как победу в холодной войне. Мы очень часто встречаем эти оценки в западных публикациях и так далее.

Мы не считаем, что нас победили в холодной войне. Мы считаем, что мы победили свой тоталитарный строй. Никто нас не победил. И вот в этом разница нашей оценки.

Если люди считают, что они нас победили — то как можно относиться к поверженному сопернику? Либо с презрением, либо с жалостью. Мы не хотим ни того ни другого в отношении себя. Мы не считаем себя проигравшим народом, мы считаем, что мы сами решили свою судьбу, и нам хорошо известно, что

для демократизации Восточной Европы и Центральной Азии Москва сделала гораздо больше, чем Вашингтон и Лондон.

Это Москва демократизировала это гигантское пространство, которое теперь развивается по-новому. Не кто-то другой. Не надо этого забывать.

Быть самостоятельной нацией, для начала, просто выгодно. Если мы не будем управлять собой сами, а передоверим это все, так сказать, транснациональным компаниям, мощным неправительственным благотворительным организациям, которые спят и видят, как бы нас похитрее благотворить и подороже облагодетельствовать, делать им больше нечего... Мне кажется, что в такой ситуации нам будут оставлять на жизнь столько, сколько считают нужным они, а не столько, сколько бы хотели оставить у себя мы.

СУВЕРЕНИТЕТ — ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Развитие европейской цивилизации, частью которой является цивилизация российская, показывает, что люди на протяжении всех наблюдаемых эпох стремились прежде всего к материальному благополучию, а кроме того, пытались добиться такого устройства собственной жизни, в котором они могли бы быть свободными и чтобы мир по отношению к ним был справедлив. Именно материальный успех, свобода и справедливость составляют основные ценности, которые мы с вами разделяем¹.

Не буду углубляться в историю Европы, хотя каждый из вас представляет, что именно так и развивалось общество в Европе, так развивались все народы. Постепенно все большее количество людей получало доступ к знаниям, развивались массовые коммуникации, системы транспорта и связи. Все большее количество людей начинало участвовать в принятии решений, вершиной этого (не очень давно, около ста лет назад) стало появление массовых демократий. Напом-

¹ Выступление перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года.

ню, что всеобщее избирательное право, всеобщее право участвовать в политической жизни — это недавнее изобретение².

Но мы все вроде бы согласны, что изобретение это прогрессивное и в таких обществах жить и выгоднее, и интереснее. Естественно, человек, у которого есть знания, человек, который может участвовать в той или иной степени (кто-то больше, кто-то меньше) в принятии решений по демократическим процедурам, у такого человека и больше свободы выбора, и выше чувство собственного достоинства. В связи с этим и социальная технология, и технология власти, и технология самоорганизации общества становятся все более сложными, все более, если угодно, мягкими и изощренными.

От принуждения общество постепенно переходит к технологиям убеждения, от подавления — к сотрудничеству, от иерархии — к сетям горизонтальных связей³.

Хочу сразу предварить вопрос: при чем здесь, собственно, мы? А между тем вещи, о которых я говорю, абсолютно прикладные.

Просто демократия в России — это всерьез и надолго, и общественная жизнь в России неизбежно будет усложняться по мере развития демократических институтов, и все большее значение в нашей политической работе придется уделять методам убеждения и разъяснения⁴.

Как ни парадоксально, демократическое общество, по моему мнению, сверхидеологизировано, куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идею. Поскольку там, где сила силы убывает, там возрастает сила слова⁴.

Для начала хорошо было бы объяснить по поводу того, что со всеми нами случилось, какие события мы застали при нашей жизни.

Все мы помним Советский Союз, все мы застали сложную эпоху 1990-х, все мы живем сегодня и собираемся жить завтра. У нас не выработано консенсуса в обществе по оценке недавних событий. Следовательно, не выработан подход к нашему будущему.

Я предлагаю начать с себя и попытаться сделать так, чтобы основные оценки стали для нас общими и чтобы мы могли смело ими оперировать.

Никакого секрета не открою, если скажу, еще раз повторившись, что Россия — это европейская страна. И какой бы особенной мы ее с вами ни считали, и какой бы странной ее ни считали те, кто смотрит на нее со стороны, все-таки, как и президент указывал в своих

выступлениях, мы в целом проходили тот же путь, что и другие европейские страны⁵.

И абсолютизм в России достиг своего апогея примерно в то же время, что и во Франции. Ничем мы здесь не хуже и не лучше других⁶.

Скажем так, торговлю людьми Россия отменила и запретила даже раньше, чем это сделали Соединенные Штаты Америки⁷.

Парламентаризм у нас тоже ненамного младше, чем в других странах. Что касается того, что у нас в XX веке родилось довольно странное тоталитарное государство, то и здесь следует помнить, что мы не были одиноки, что в той же Европе существовала нацистская Германия, фашистская Италия, франкистская Испания... Мы в этом смысле не уникальны, и мы не должны считать себя какими-то изгоями, у которых не получается то, что получается у других.

Николай Бердяев, наш выдающийся мыслитель, еще в начале прошлого века говорил: «Необходимо стремиться к свободному и справедливому обществу. Без свободы не может быть никакой справедливости. Справедливость требует свободы для всех людей». Это русская мысль, она нами не заимствована ни у Карла Маркса, ни у Гегеля, это мысль российская. И в связи с этим, наверное, было бы важно понять, что представлял собой СССР. Мы, безусловно, должны с уважением относиться к тому, что сделали наши предки. Ни в коей мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения: это все — наши ближайшие родственники, фактически мы сами.

Я бы сказал, что у Советского Союза было два крупнейших достижения: с одной стороны, мощная идеологическая работа, которая была развернута в планетарном масштабе, и Советский Союз тоже оперировал понятием свободы и справедливости.

Хотя нам самим не очень поздоровилось от всей этой работы, но на весь мир эта мощная поддержка, как военная, материальная, так и просто моральная, оказала огромное влияние, о котором мы сегодня забываем. Мы забываем, как Советский Союз был популярен среди западных интеллектуалов самого демократического толка⁸.

Советский Союз благодаря своим мощным идеологическим усилиям стимулировал освобождение колоний, ускорил гармонизацию социальных отношений в самих странах Запада и этим самым оказал благотворное влияние на ход мировой истории.

С другой стороны — индустриализация.

Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало сделали сами.

Наши железные дороги, наши трубопроводы, наше жилищно-коммунальное хозяйство, наши заводы, наши ядерные силы — это все наследство Советского Союза⁹.

При всем этом общество, которое у нас получилось тогда, вряд ли можно назвать свободным или справедливым. Мы, наверное, не должны тут долго разговаривать. Я думаю, все с этим согласятся.

Большая проблема была также в том, что такое замкнутое общество, в котором результаты оценивались скорее с партийно-догматической точки зрения, а не с прагматической, воспроизводило неэффективную элиту. В общем-то ничего удивительного нет в том, что в один из самых драматических моментов развития Советского Союза на вершине власти оказались личности недостаточно высокого уровня. Может быть, в то время, когда нужны были люди масштаба Петра Великого, пришла к власти малообразованная и мало отдающая себе отчет в своих действиях группа товарищей. Это была мина, заложенная в самой системе: она не могла воспроизводить другую элиту.

Это общество было не только несправедливым и несвободным. Оно и не решило материальные вопросы, и явно отстало по удовлетворению потребностей людей в новом качестве жизни от тех же западных стран¹⁰.

Ну и кому нужна была такая империя, которая не могла дать своим гражданам ни хлеба, ни зрелищ? Вполне естественно, что она распалась.

Отказ от такого общества был неизбежен. Не надо считать крушение Советского Союза итогом интриг ЦРУ или заговором партийной верхушки — это бегство от реальности. Был объективный процесс, который, как известно, пошел. Надо сказать, что российский народ сам выбрал такую судьбу — он отказался от той социальной модели, поскольку увидел, что в своих поисках свободы и справедливости он зашел не туда. И он попытался вернуться к демократическим ценностям, которые, замечу, были подробно прописаны в советской Конституции¹¹.

В этом смысле

Советский Союз был, безусловно, крупнейшим модернизационным проектом. Он уже нес в себе зачатки демократии, поскольку он ее декларировал и формулировал в словах. И рано или поздно эти слова должны были быть востребованы.

Поэтому потеря территорий, потеря населения, потеря огромной

части нашей экономики — это жертва, это цена. И невозможно сказать, какая она, большая или маленькая, но это то, что наш народ более или менее осознанно заплатил за выход на верный путь.

Думаю, этот путь не мог быть простым, прежде всего потому, что, конечно, страна была в массе своей не готова и не могла быть готова к жизни в условиях современной демократии.

Прочитую Ивана Ильина, который еще в 1940-х годах предвидел крушение советской власти и пытался описать то, что произойдет после этого. Он писал так: «Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса»¹².

Кризис был неизбежным, потому что ведущий слой в общем-то исчез. Естественно, остатки старой номенклатуры в рыночных условиях очень быстро сдружились с шустрými самодельными коммерческими коллективами. Государственная власть везде отступала, это было бессистемное бегство от ответственности. Даже провозглашалось, что государство есть зло. Сейчас мы просто это забываем, но на полном серьезе декларировалось, что чем меньше государства, тем лучше, а сведи его к нулю, так вообще станет все хорошо. Естественно, этот вакуум заполнялся, естественно, что именно такие самодельные и амбициозные коммерческие руководители подменили собой в ряде случаев власть. Ни для кого не секрет, что целые министерства, регионы, партии находились под контролем отдельных финансовых групп, причем под самым прямым и буквальным контролем. Может быть, ничего плохого в этом и не было бы, если бы это не было абсолютной подменой понятий. То есть вместо того, чтобы двигаться к демократии, мы получили то, что справедливо названо олигархией.

В чем, собственно, проблема олигархии? Прежде всего она нелегитимна по определению, потому что Конституцией не предусмотрено руководство министром со стороны какого-то коммерсанта и не написано, что те, кого выбрал народ, должны работать на тех, у кого больше денег. Там такого не написано¹³.

Во-вторых, проблема еще и в том, что это ведь действительно власть немногих. Это даже не тысячи — это единицы, их всех можно по пальцам пересчитать. Они не представляли не только большинства, которое, безусловно, теряло от реформ и переживало их очень болезненно, но они и не представляли, хотя это странно звучит, даже обогащающееся меньшинство. Даже бизнесмены, даже те, кто стал успешно делать карьеру в то время, они не давали им доверен-

ности на то, чтобы они представляли хотя бы их интересы. Такого ведь не было. Они скорее дискредитировали деловое сообщество своими непомерными амбициями.

В результате все основные идеи демократии были искажены. Вместо общественной дискуссии мы получили сплошные придворные интриги. Мы получили манипуляцию вместо представительства.

Мы помним выборы 1996 года, может быть, кто-то из присутствующих в ходе них уже и работал, как между турами вдруг в некоторых регионах сказочным образом поменялись предпочтения, причем самым радикальным образом¹⁴.

Комментировать то, как это произошло, мы с вами не будем: понимаем, как. Более того, это публично оправдывалось. Вот что пишет корреспондент «Вашингтон пост» в 1997 году: один из известных российских либералов «сказал мне, что любые нарушения в ходе избирательной кампании были оправданны. “Если прожили 75 лет при коммунизме, как далеко вы пойдете, чтобы не допустить его возвращения?” — спросил он». Нельзя не повторить: «любые нарушения в ходе избирательной кампании были оправданны». Говорится публично представителям иностранной прессы. Куда делся закон и что было поставлено во главу угла, на чем основывалось это общество? И вот эти люди нас сегодня учат демократии и рассказывают нам о том, что она куда-то там сворачивается. Если тогда была демократия, тогда я не знаю, что такое демократия.

Коррупция заменила собой конкуренцию. Здесь еще раз процитирую — и тоже западный источник того времени. Маршалл Голдман: «Значительными инвестиционными средствами обладали мафиозные группы, нечестные директора предприятий и магазинов, правительственная и управленческая элита, которые могли заранее присвоить себе то, что раньше составляло государственную и партийную собственность...» Это тоже, к слову, о том, была ли там конкуренция, существовали ли реальные рыночные отношения или это все-таки был скорее выбор, густо замешанный на коррупционных подходах¹⁵.

Свобода слова тоже имела особый смысл: ведущие телеканалы стали оружием в руках известных олигархических групп и большей частью использовались для вышибания новых объектов госсобственности и участия в разделе таковых.

Глубина экономического падения вам известна: у нас фактически наполовину рухнул валовой продукт¹⁶.

Чтобы подчеркнуть драматизм той ситуации, могу сказать, что в

прошлом году мы вроде бы вышли на уровень 60% зарплаты учителя по отношению к уровню 1989 года. Можно представить, куда мы откатились, если до сих пор наш учитель получает меньше, чем при советской власти.

Приватизация — в целом явление благотворное — в ряде случаев делалась по странным схемам, и, конечно, очень трудно и практически невозможно никому объяснить, чем были залоговые аукционы (см. табл. 1)¹⁷.

Ясно, как кто-то справедливо заметил, что это было назначение группы товарищей миллиардерами, то есть вас вызывали и говорили: «Ты назначаешься миллиардером».

В федеративных отношениях царил хаос. Например, Конституцией Республики Тыва закреплялось право этой республики выйти из состава Российской Федерации. Некоторые субъекты определяли себя как суверенные государства, ассоциированные с Российской Федерацией. Так было в очень многих случаях. Об экзотических экономических местных законах, странных экономических моделях на местах тоже много смешного можно рассказать. Нигде федеральный закон не считался выше, чем региональный.

Апофеоз центробежных настроений — мятеж в Чеченской Республике, поднятый шайкой уголовников, который привел к большим страданиям самого чеченского народа прежде всего и позорной хасавюртовской капитуляции. Согласно Хасавюртовскому соглашению, определение статуса Чеченской Республики откладывалось на несколько лет¹⁸.

То есть на вопрос о том, входит ли Чеченская Республика в состав России, вы не могли дать утвердительный ответ. Что это, как не нарушение территориальной целостности России?

Внешние заимствования, оправдать масштаб которых очень трудно даже сейчас. И даже издавля уже анализируя, почему так много занимали, и зачем занимали, и зачем были нужны краткосрочные и столь дорогие заимствования, непонятно. Но зато приходилось ежегодно утверждать наш федеральный бюджет в МВФ. Фактически страна была на грани потери государственного суверенитета¹⁹.

Если то, что я описал, есть демократия и если это есть свободное и справедливое общество, то что же такое тогда Содом и что в таком случае Гоморра? Никакой свободы, конечно, не было и в помине. Сейчас многие говорят, что тогда была свобода. Ну разве был свободен нищий человек? Вообще что такое свобода? Помимо того, что это идея, это то, чем вообще-то надо бы пользоваться. Разве может обнищавший забитый человек пользоваться сво-

ей свободой? Только в каком-то разве что разбойничьем смысле. Что касается богатых людей, многие из вас тогда занимались бизнесом, помнят, что количество заказных убийств, количество заказных уголовных дел создавало у любого предпринимателя ощущение зыбкости и непрочности всего, что он делает для себя и для своей семьи.

Разве это свобода? Это, может быть, воля, опять же разбойничья — пан или пропал и так далее. Но свободой в нормальном, цивилизованном смысле слова считаться такое свинство, конечно, не могло. И такой режим не был жизнеспособным, он был обречен. Но дилемма была простая — либо олигархия, обрушиваясь, утащит за собой весь народ и всю Россию, и мы утонем все вместе, либо она все-таки пройдет как болезнь роста и отслоится, и страна пойдет нормальной дорогой. Могло показаться, что Россия уже кончается, что то, что мы видим, — это просто затянувшаяся агония советской системы.

В общем, стоял вопрос: быть или не быть? Россия, как всегда свойственно российскому народу, ответила: «Быть!». И ответила в том числе путем выборов — президентом был избран Владимир Владимирович Путин, и, собственно, он должен был заниматься нормализацией ситуации в стране.

Очень важно подчеркнуть, что 1990-е годы (при том, что это был действительно олигархический режим) ни в коей мере мы не должны считать потерянными для России, временем сплошных безобразий.

Мы не должны забывать, что в 1990-е годы были начаты громадные реформы, произошла масса позитивных событий и прежде всего, пусть даже в таких извращенных, я бы сказал, сложных условиях, но осваивались новые социальные практики, люди привыкали к выборам, люди учились работать в рыночной экономике²⁰.

И одно из самых важных достижений 1990-х, мне кажется, то, что в такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробилась по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации.

Что касается первых шагов президента Путина, то мы помним, что было объявлено о диктатуре закона. Мы помним, что была объявлена политика стабилизации. Я бы все это вместе назвал политикой демократизации. Хочу это подчеркнуть, потому что, когда вам внушают, что кто-то сворачивает демократию, это абсо-

лютное извращение и подмена понятий. Я только что описал то, что мы получили. Все, что угодно, но не демократию.

Президент возвращает реальный смысл слова «демократия» всем демократическим институтам.

Начнем с того, что его политика пользуется поддержкой большинства населения. Как известно, главный принцип демократического общества — оно устроено и основывается на мнении большинства. Нельзя было этого сказать о режиме 1990-х годов²¹.

Что касается дальнейших его шагов, они все описываются очень простым подходом: выполняйте то, что здесь написано, вот Конституция, там написано это — выполняйте это²².

Мне кажется, ничего более демократичного, чем такое требование, придумать нельзя, потому что просто было предложено всем исполнять Закон, а не извращать его смысл. Это есть основа демократического общества. Оно должно быть правовым и должно основываться на законе.

Были приняты законы об ответственности глав регионов. Тоже было подано как некая попытка найти управу и так далее. Хорошо, а почему глава руководящего органа не должен отвечать, если он совершает противоправные действия и нарушает права граждан? Почему он должен занимать эту должность, если он грубо нарушает те или иные законы? Тоже, на мой взгляд, абсолютно нормальное решение в рамках действующей Конституции.

Было предписано всем привести уставы в порядок, чтобы таких статей, которые я процитировал, в местных конституциях и уставах не наблюдалось. Было еще раз повторено, что федеральный закон выше регионального²³.

Но чтобы доказать это и убедить людей в очевидном, понадобилось несколько лет.

Олигархи. Хотел бы напомнить, что олигархи — не просто крупные бизнесмены. Не любой крупный бизнесмен является олигархом, как сейчас почему-то стали думать. Олигархи возникают там и тогда, где и когда крупный бизнес пытается подменить собой государство. Было предложено равноудалиться, не болтаться по Кремлю, не шататься по министерствам и не решать вопросы, не входящие в компетенцию, а так, в целом, ходить вместе и ставить общие вопросы для общего развития рыночных отношений.

Было предложено платить налоги. Все мы знаем об освобожденных от налогов фирмах, где работали 50 инвалидов и через ко-

торые проходила вся выручка крупнейших нефтяных компаний. Было указано на недопустимость. Это что? Какое-то подавление бизнеса? Всем известен другой скандал с крупной нефтяной фирмой. Оказывается, они добывали на просторах Сибири не нефть, а скважинную жидкость, которая чудесным образом становилась нефтью, доходя до НПЗ. В чем здесь проблема? Кто здесь прав, а кто виноват? Подобный элементарный вопрос в любой стране мира был бы решен беспощадным, жестким образом, потому что, добывая нефть, не надо всем рассказывать, что ты добываешь скважинную жидкость. А надо говорить: «Я добываю нефть» — и честно платить налоги. Потому что в нашей стране живут еще 140 миллионов человек, у которых нет нефтяной скважины во дворе и которым тоже надо деньги зарабатывать.

Социальная справедливость требует не очередного передела собственности (зачем к одной несправедливости прибавлять другую?), а честной уплаты налогов²⁴.

Судьба средств массовой информации обильно оплакана мировым сообществом. Напоминаю, Первый канал всегда, и в 1990-е годы тоже, был каналом, в котором был контрольный пакет государства. Те, кто влиял на его политику откуда-то со стороны, делали это незаконным образом. Как был этот канал государственным, так он им и остался. Он никогда не был ни общественным, ни частным. В чем здесь проблема, тоже непонятно. Еще один известный частный канал набрал у государственных компаний кредитов больше, чем его собственная капитализация, и возвращать их не собирался. Ему сказали: «Либо верни кредит, либо поступай в распоряжение кредитора...» Нормальная рыночная практика, абсолютно понятная, та, которую невозможно оспорить. Что в этом решении политического? Политическим решением было бы, напротив, оставить канал в той ситуации, в которой он, называя себя рыночной структурой, вел бы себя нерыночным образом. Не возвращать долги — это противоречит законам. Если ты их не вернул, поступай в распоряжение кредитора. Если кредитором оказалась государственная структура, ну что ж... У государства он кредитовался, потому что никакой частный банк не дал бы этой фирме кредитов больше, чем размер ее собственной капитализации. Только государство в минуты своего олигархического безумия могло это сделать. Вот и все! В чем здесь проблема? Где здесь свобода слова? Где здесь несправедливость?²⁵

Зарплаты и пенсии стали платить вовремя. Оказалось тоже, что это не очень сложно сделать. Но почему-то до Путина этого никто не делал.

Это тоже было выполнение закона, потому что только у нас в 1990-е годы можно было себе представить, что человек заработал деньги, но их не получил. Как это так? Я работал на заводе на окладе. Представляю, подхожу к окошку, а мне говорят: «Знаете, нет сегодня денег». Я бы умер через две недели. Вообще как это может поместиться у кого-то в голове? Тем не менее было²⁶.

И восстанавливая здесь порядок, мы тоже привели ситуацию в соответствие с действующим законодательством, которое не велит не платить денег людям, а велит как раз платить то, что человек заработал. И это, кстати, тоже гарантировано Конституцией²⁷.

Была приостановлена практика активных и бессмысленных внешних заимствований, и, как выяснилось, ничего страшного с нами не случилось.

Очень важный момент: был проведен референдум в Чеченской Республике и восстановлена территориальная целостность Российской Федерации, и минимизирована активность тех негодяев, которые истребляли чеченский народ и нападали на другие регионы страны. Был восстановлен фактически суверенитет российского народа на всей территории Российской Федерации. На всей ее территории стали действовать ее законы²⁸.

Мне кажется, все эти действия исключительно демократичны, потому что направлены именно на то, чтобы работали законы демократического государства.

Цифры, которые говорят о достижениях, называть не буду: они опубликованы, напоминаю, в выступлениях президента и руководства партии. Скажу только, что с 1999 по 2004 год реальные доходы граждан возросли на 76%. Это много. Но, чтобы никто не зазнавался, скажу также, что они, по оценкам экспертов, составляют 88% от уровня доходов граждан в 1991 году. Сделано очень много, но далеко не все. Мы даже, повторюсь, не вернулись на уровень благосостояния, который был в последние годы советской власти.

О том, что было, мы поговорили вдоволь. Конечно, интересно и важно, что будет. Политика президента Путина очень ясна. Она изложена и в его посланиях, и в его выступлениях на самые разные темы. Как же может развиваться Россия, какой она должна быть страной в будущем? Прежде всего она должна быть страной процветающей, где люди живут благополучно.

Ясно, что просто это декларировать может каждый. Вопрос: как это сделать и что для этого нужно? Думаю, что два стратегических условия должны обеспечить долгосрочное устойчивое развитие — демократия и суверенитет. Необходимость демократии очевидна, ведь только общество, основанное на соревновании и сотрудничестве свободных людей, может быть эффективным и конкурентоспособным. Потому что если в обществе снижен уровень соревновательности, если оно не воспроизводит все время эффективный лидирующий класс, то у такого общества не получится ничего.

Кроме того, немаловажный прагматический момент: если мы не будем открытым демократическим обществом, если мы не будем широко интегрироваться в мировую экономику, в мировую систему знаний, то мы не получим доступа к современным технологиям Запада, без которых, как мне представляется, модернизация России невозможна.

Наконец, мне кажется, в демократическом обществе жить все-таки комфортнее. Может быть, я субъективно рассуждаю. Но мне кажется, оно более приятно для жизни.

Что касается суверенитета: почему мы, собственно, должны все время о нем помнить и его беречь? Есть такое явление — глобализация. Сейчас говорят, что национальное государство устарело, оно слишком большое, чтобы решать маленькие задачи, и слишком маленькое, чтобы решать большие задачи. Есть такое модное рассуждение. Действительно, в процессы глобализации — обмен технологиями, товарами, всеобщий открытый рынок — вовлечены все народы мира. Но не надо при этом думать, что это такой новый коммунизм. Выгоды от глобализации распределяются неравномерно. Не хочу сказать, что они распределяются несправедливо, хотя многие так думают, но они распределяются неравномерно²⁹.

В подтверждение своих слов процитирую великого русского поэта. Он, оказывается, тоже размышлял на эту тему.

Иосиф Бродский, работа «Взгляд с карусели», 1990 год: «Подлинным эквивалентом третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической. Отсутствие международного антитрестовского законодательства обеспечивает перспективу абсолютно ничем не ограниченного соперничества, где все средства хороши и где смысл победы — доминирующее положение. Битвы этой войны будут носить сверхнациональный характер, но...». Дальше важно: «...но торжество всегда будет национальным, то есть по месту про-

писки победителя. Финансовое могущество принимает обычно разнообразие формы экспансии — экономической, политической, культурной. Купить проще, чем убить. Национальный долг, как форма оккупации, надежнее воинского гарнизона. Представляется вполне вероятным, что страны Восточной Европы, высвободившись из-под коммунистического господства, окажутся в положении стран-должников...» — то есть стран, оккупированных на новый лад. Это говорит поэт Иосиф Бродский, отнюдь не сторонник теории заговора. Думаю, он прав. При всех радостях глобализации, как говорится, дружба дружбой, а дивиденды американцы считают у себя, англичане — у себя, канадцы — у себя, ну а мы, грешные, — у себя, а большинство считает убытки... Поэтому когда нам говорят, что суверенитет — вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас³⁰.

Быть самостоятельной нацией, для начала, просто выгодно. Если мы не будем управлять собой сами, а передоверим это все, так сказать, транснациональным компаниям, мощным неправительственным благотворительным организациям, которые спят и видят, как бы нас похитрее благотворить и подороже облагодетельствовать, делать им больше нечего... Мне кажется, что в такой ситуации нам будут оставлять на жизнь столько, сколько считают нужным они, а не столько, сколько бы хотели оставить у себя мы. Один известный политолог удачно сказал, что из нас хотели бы сделать службу безопасности по охране их трубопровода, проходящего по нашей территории. Думаю, в целом это так. Это не значит, что они враги. Нет, они конкуренты. Вот тут, я вижу, присутствуют бизнесмены, они знают, что это такое. Ничего личного. Просто разденут до последних ботинок, политкорректно, при всем уважении. Это нормально. Мы должны к этому спокойно относиться и не обижаться ни на кого. Надо просто самим быть конкурентоспособными³¹.

Суверенитет — это не крепость Россия, как трактуют некоторые наши критики, это не то, что мы с вами взяли и закрыли свои избушки, с утра до вечера пьем водку, дверь на засове держим и знать не знаем соседей, нет!

Суверенитет — это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе. Я бы сказал, что суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности.

Россия, без сомнения, должна оставаться в числе держав, которые принимают решения по вопросам организации мирового порядка. Здесь причина тоже проста. Есть целое направление либеральной

мысли, которое предлагает России уйти из глобальной политики. «Давайте сядем в свой дом и будем его обустраивать», — говорят нам многие. Мы не против обустройства дома. Но, во-первых, дом так расположился, между трех океанов, что если даже мы захотим в нем тихо сидеть, к нам все равно придут и спать нам не дадут³².

Во-вторых, мне кажется, если Россия уйдет из глобальной политики, перестанет влиять на мировые решения, то, скорее всего, эти решения будут приниматься ей в ущерб. Это почти очевидно. Что думать о том, кто не может тебе возразить? Его интересы в последнюю очередь, и опять же не потому, что люди плохи или хороши, люди просто таковы. И ничего с этим не сделаешь.

Есть и самая романтическая из важных причин сохранения национального суверенитета: русские, россияне, уже 500 лет являются государствообразующим народом, мы нация, привыкшая к государственности.

И в отличие от наших многих друзей по Советскому Союзу и многих других стран, мы всегда были носителями государственной идеи. Ясно, что некоторые страны, которые объявляют своей национальной идеей вступление в Евросоюз, очень счастливые страны: им много думать не надо. У них все очень просто. Москвали плохие, они во всем виноваты, мы сейчас побежим в Брюссель, и там все будет хорошо. Надо помнить, что все эти нации ни одного дня в своей истории не были суверенными, они не имеют навыка государственного существования. Поэтому вполне понятно, что когда в Москве не сложилось или сложилось не так, как хотелось, они сразу же, не задумываясь, бегут к другому хозяину. Это нормально. Были провинцией одной страны, станут провинцией другой. Я не представляю себе русских, россиян, которые думают так же: «Сейчас мы в ком-то растворимся, к кому-то убежим, и там уж нас обласкают, обогреют и будут нами руководить». И винить нам некого, кроме самих себя, в том, что с нами случилось. И бежать нам некуда, кроме как к себе домой. Вот еще одна, и для меня вообще важная, причина того, что Россия должна быть самостоятельным государством, которое влияет на мировую политику.

Россия должна содействовать выработке справедливых правил глобализации. Надо препятствовать монополии одной или двух стран в любой жизненно важной отрасли, поддерживать создание новых резервных валют, новых транспортных и информационных систем, новых международных центров высоких технологий. Развивая демократию в нашей стране, мы заинтересованы в демократизации и международных отношений.

В них не должно быть места диктату. Свободные нации должны соревноваться и сотрудничать по справедливым правилам³³.

Мы, конечно, восстанавливаем свои позиции в мировом сообществе. Но я бы хотел напомнить, каким образом. Россия является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, имеет, как известно, право вето. Насколько все это эффективно — вопрос другой, но это очень почетный статус.

Хотел бы напомнить, что он добыт не нами с вами — он является результатом итогов Второй мировой войны, в которой одержали победу наши отцы и деды. Это наше наследство.

Мы также являемся членом «Большой восьмерки», даже председательствуем в ней в этом году. Хотел бы также напомнить, что по экономическим показателям Россия не вполне вписывается в «Большую восьмерку» и в этом смысле нам дали аванс, чтобы нас из виду не упустить³⁴. Вот так мы и живем между наследством и авансом.

Мне кажется, проблема нашего поколения в том, что свой вклад мы пока всерьез не внесли. Мы только переходим от политики стабилизации к политике развития. Нет ни одного крупного экономического или социального достижения, которое совершило бы наше с вами поколение.

Об этом надо помнить. Уже и апломб появился, уже и миллиардер на миллиардере сидит и миллиардером погоняет и говорит: «Мы самые умные и все понимаем». Миллионеров вообще девать некуда³⁵.

Люди настолько горды, как будто порох изобрели. Но они ничего не изобрели. Да и амбициозных голодранцев хватает, которые думают, что они хозяева вселенной, неизвестно, на каком основании. Пока мы не заработали реально, сами, своим трудом статус ведущей мировой державы.

Конечно, не в плюс демократии — бедность. И если мы не снизим всерьез уровень бедности в нашей стране, то, конечно, наше общество не может быть устойчивым³⁶.

Рентабельность демократии не для всех пока очевидна. Она должна быть выгодна ее гражданам в самом прямом смысле слова. Она должна обеспечивать получение гражданами материальных благ, зарабатывание денег и так далее. Нашей демократии еще предстоит доказывать свою эффективность в этом направлении.

Уклонение от уплаты налогов, коррупция подрывают экономическую базу демократии. Устойчивое развитие свободного общества,

свободной экономики предполагает более справедливое распределение национального продукта.

Что угрожает суверенитету как составной части нашей существующей и будущей политической модели? Основные угрозы суверенности нашей нации — международный терроризм; это (к счастью, пока очень гипотетическая) угроза прямого военного столкновения; неконкурентоспособность экономики; мягкое поглощение по современным оранжевым технологиям при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям. Чуть подробнее остановлюсь на каждом моменте.

Борьба с международным терроризмом — одно из основных направлений работы президента и вашей работы. Естественно, тут велика роль наших спецслужб. Кроме силы, очень важна работа гуманитарного и экономического характера. Уже многократно говорили о социализации Кавказа, возвращении туда нормальных основ функционирования общества, занятости, восстановлении культурного единства наших народов. Это сложная задача, она на десятилетия, но надо верить в ее реализацию и верить в то, что мы с этой задачей справимся.

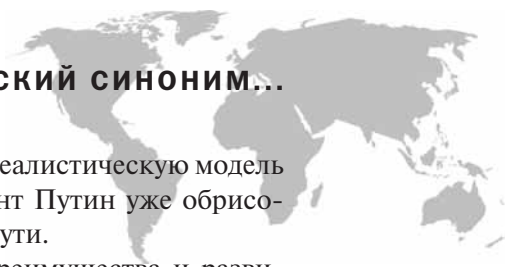
По внешним угрозам военного характера. Повторю, сейчас так вопрос, к счастью, не стоит. Но мы все реалисты и, к сожалению, должны признать, что всяко может быть. Естественно, наша армия и военно-морской флот — основа нашего национального суверенитета, в особенности, конечно, ядерные силы. И этому вопросу будет уделяться самое большое внимание и сейчас, и в будущем.

Экономика. Не будет у нас, конечно, армии, не победим мы терроризм, ничего мы вообще не решим, если у нас будет «хромая» экономика. Экономический рост у нас большой, довольно впечатляющий, но опять же надо вспомнить, от какого уровня мы растем, и не особо зазнаваться³⁷.

А во-вторых, не всегда понятно, что там у нас растет.

Структурная перестройка экономики чудовищно затянулась, и рано или поздно эта проблема, плавно ли, жестко ли, но даст о себе знать. И огромные государственные расходы, и неэффективная бюджетная сфера, и слабое развитие передовых отраслей экономики — это проблемы.

Естественно, много разговоров, споров о том, что с этим делать. Есть адепты такого либерального мракобесия, которые предлагают просто все либерализовать до крайней степени, и само все вроде как образуется. Конечно, это не так.

Общество должно думать и вырабатывать реалистическую модель дальнейшего развития. Собственно, президент Путин уже обрисовал эту модель, хотя мы находимся в начале пути.

Надо использовать свои конкурентные преимущества и развивать их. И когда мы говорим о высоких технологиях и так далее, мы как-то забываем сказать, откуда они возьмутся. Мне кажется, надо брать то, что у нас и так получается, и просто делать это лучше.

Концепция России как энергетической сверхдержавы, мне кажется, вполне соответствует этому подходу. Все-таки топливно-энергетический комплекс — это главный наш экономический комплекс, который дает львиную долю нашего национального продукта³⁸.

Естественно, речь ни в коей мере не идет о том, что надо быть и оставаться так называемым сырьевым придатком. Задача не в том, чтобы стать очень большим сырьевым придатком, а в том, чтобы, максимально используя наши возможности, развить их и вывести на новый качественный уровень. Возможно, для начала мы должны научиться добывать нефть и газ более современными способами. Для начала мы должны качественно улучшить наш ТЭК, причем не только путем закупки оборудования на Западе, тогда мы действительно станем спецназом, охраняющим их трубу.

Мы должны получать доступ к технологиям, экспортируя газ, нефть, нефтепродукты. На мой взгляд, мы должны думать не только о том, сколько денег за это взять (об этом, конечно, само собой надо думать), но деньги, извините за выражение, это бумага. Мы ведь имеем дело с мировыми эмиссионными центрами. Ну что там американцам эти деньги? Они сколько надо, столько их и «нарисуют». Нам нужны знания. Нам нужны новые технологии.

Тогда и проблемы Стабфонда не будет, куда сплавить то, что набрали³⁹.

Если мы получим доступ (в кооперации, конечно, с западными странами, в добром сотрудничестве с ними) к новым технологиям, пусть, может быть, не самого последнего дня, мы потом сами, развивая свою систему образования (мы в общем-то не глупые в целом люди), сможем выйти уже на те самые высокие технологии. У нас есть энергомашиностроение, которое, конечно, отстало, но у нас есть база, у нас есть люди, у нас есть специалисты, у нас есть от чего плясать. И это надо обязательно использовать. Конечно, нужно развивать и технологии энергосбережения, развивать но-

вые технологии в области транспортировки энергии, энергоносителей, у нас есть и не утрачены пока, к счастью, хорошие возможности в области атомного энергетического комплекса, и это пользуется спросом⁴⁰.

Россия должна в кооперации с другими странами думать о топливе будущего, используя преимущество, что у нас столько углеводородного сырья.

Нужно думать о том, что будет после того, как это все закончится. И если Россия сможет за счет своих сегодняшних возможностей попасть в международный кооператив, который создаст топливо будущего, тогда наши дети будут жить спокойно. А если мы все проедем сегодня, пропьем, прогуляем, тогда кто ж нам спасибо скажет?⁴¹

Также мы имеем определенные навыки в освоении космоса⁴².

У нас есть оборонный сектор. Финансирование научно-исследовательских работ в оборонке возросло в разы за последние годы. Здесь тоже мы не должны утрачивать наши возможности, причем полагаю, что даже в оборонной промышленности по некоторым направлениям можем кооперироваться с другими странами⁴³.

Транспорт и связь. Само расположение России делает ее хорошей дорогой между Востоком и Западом. Здесь тоже есть к чему стремиться и есть с чего начинать.

Спрашиваю одного знакомого: «Что так мало дорог строим?». Он говорит: «Да не возят же ничего, чего их строить?». Говорю: «А ты построй, может, повезут?». Мне кажется, тут есть «проблема курицы и яйца». Конечно, когда человек сидит дома, думает: «Сейчас поеду, там ухабы, свалюсь куда-нибудь да помру». То же самое и с грузопотоком: надо создать привлекательную инфраструктуру — повезут. Надо только показать, что здесь нормально, комфортно, безопасно и удобно⁴⁴.

Что касается средств связи, то только прямое участие российских компаний в создании глобальных информационных сетей сможет обеспечить место России в приличном обществе. От этого зависит наш суверенитет и кто мы в мировой паутине — пауки или мухи⁴⁵.

В некоторых отраслях ради сохранения суверенитета необходимо преимущественное влияние национального капитала. Национальный — не обязательно государственный.

Но ТЭК, стратегические коммуникации, финансовая система, оборонная сфера должны быть преимущественно российскими⁴⁶.

Остальные отрасли нужно открывать по максимуму для зарубежных инвестиций, для глубокой модернизации. Мы должны стремиться к участию в глобальной экономике в составе новых мультинациональных корпораций. Именно многонациональных, а не транс-, сверх-, над- и вненациональных. Экономическое будущее не в исчезновении великих наций, а в их сотрудничестве⁴⁷.

Что касается мягкого поглощения, это тоже вполне реальная угроза суверенитету. Как это делается, известно: размываются ценности, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты. Оранжевая технология это вполне наглядно показывает. Не могу сказать, что вопрос этот снят с повестки дня, потому что если у них это получилось в четырех странах, почему бы это не сделать и в пятой? Думаю, что эти попытки не ограничатся 2007–2008 годами. Наши иноземные друзья могут и в будущем как-то пытаться их повторить. Здесь есть одно лекарство, по большому счету, — формирование национально ориентированного ведущего слоя общества.

У нас ведь бизнес, который вырос в бурное время 1990-х, который родом из советского времени, когда за лишние сто рублей могли посадить на сто лет и господствовала совсем другая мораль, он у нас запуганный, с одной стороны. Да и с другой стороны — тоже. Сложилась психология под названием «офшорная аристократия»: вроде хозяева жизни, но при этом они видят свое будущее, будущее своих детей не в России. Один из них написал: «Мы воспринимали Россию как зону свободной охоты...» Промысел такой. «А сейчас поеду на плантацию, как там они?» И дело не в том, что он имеет счета в офшорах, пусть имеет. Но живет он ментально не здесь, не в России, и держаться за нее такие люди не будут, и заботиться о ней тоже не будут. То есть у них не только деньги в офшоре, но и голова там же. Если наше деловое сообщество не трансформируется в национальную буржуазию, то, конечно, будущего у нас нет.

Причем даже называя многих этих людей офшорной аристократией, отнюдь не нужно считать их врагами: все эти графы Бермудские и князья острова Мэн — наши граждане, у которых есть масса причин так себя вести. Эта проблема не решится каким-то одним усилием, одним законом.

Можно сколько угодно говорить о том, что собственность незыблела и так далее. Но пока это не уляжется в головах у людей, пока не поверят, что здесь можно работать долго, всю жизнь и оставить все детям, и дети будут здесь тоже жить хорошо, и никто не придет к ним

и ничего не отнимет, и не скажет: «Вот ты негодяй какой! Мы тебя наконец нашли!». Здесь нужно сотрудничество бизнеса и остальной и большей части общества. Я специально не говорю «государство». Государство — это способ самоорганизации общества.

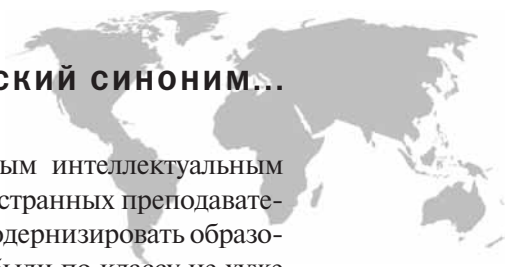
Когда говорят о противоречиях бизнеса и государства, это глубочайшее заблуждение. У бизнеса противоречия с обществом, потому что чиновник воспринимает сигналы от общества. Не только у чиновника претензии. Эти претензии распространены более широко. В этом ничего хорошего на самом деле нет, потому что если отношения между богатыми и не очень богатыми людьми в нашей стране не нормализуются, у нее нет будущего. И мы должны с вами все сделать для того, чтобы эти отношения гармонизировать, хотя это очень трудно. Гораздо проще стать на популистскую точку зрения: «Бей богатых! Все отнять и поделить». Ни в коем случае нельзя этого делать при всей кажущейся соблазнительности. Лишние 2% на этом заработать? — я имею в виду рейтинг. Не стоит овчинка выделки, потому что последствия будут гораздо хуже. Мы должны беречь наш бизнес-класс, лелеять его и заботиться о нем, а они — платить налоги и уважать общественную традицию и мораль.

Другая мощнейшая часть ведущего слоя — это, конечно, бюрократия. И она должна проделать свой путь от полусоветской, полукomпетентной, привыкшей к поражениям бюрократии к эффективному, конкурентоспособному сообществу государственных служащих, потому что мы и здесь проигрываем соответствующим корпорациям других государств. Я бы сказал, что Госдеп при любом к нему отношении эффективнее пока, расторопнее работает даже прямо у нас под боком, а мы пока в целом не успеваем. Есть такая американская поговорка: ковбои бывают двух видов — быстрые и мертвые. Мне кажется, в наше время надо быстрее все делать, быстрее.

Трансформировав офшорную аристократию в национальную буржуазию и постсоветскую бюрократию в современную, успешную, гибкую бюрократию, общество может быть спокойным за будущее нашей страны⁴⁸.

Здесь требуются нелинейные подходы и долгосрочные усилия по созданию в России атмосферы сотрудничества и стремления к успеху. Здесь крайне важна проблема образования и, конечно, культуры. Такова хрупкая инфраструктура воспроизводства национальной элиты — образование и культура.

И в области образования нам пока есть куда стремиться. Мы любим говорить, что оно у нас лучшее в мире. Но это не совсем так, между нами говоря. Наши вузы не имеют достаточной материальной базы, они

не всегда еще хорошо оснащены современным интеллектуальным продуктом. Я бы, честно говоря, звал бы и иностранных преподавателей, не стеснялся бы этого. Нам очень важно модернизировать образование, чтобы те, кто заканчивает наши вузы, были по классу не хуже выпускников Гарварда и Массачусетского технологического университета. Я не говорю, что здесь у нас все плохо — у нас есть конкурентное преимущество, в стране существует неплохая система образования, но надо ее развивать, четче ориентировать, и, что очень важно, она должна воспроизводить национально ориентированную элиту. У нас же в некоторые вузы зайдешь — там такое услышишь на лекциях о России! Там какие-то просто, с позволения сказать, неправительственные организации, а не преподаватели работают, которые, кажется, вот только что деньги из какого-нибудь посольства получили.

У образования много значений. Создание образа человека и народа. Образа мыслей. Образа будущего. Образование, то есть создание нации, организация ее жизни, ее культура. Образование как возможность прорыва в экономику знаний. Это далеко не все причины, по которым образование, наука, культура требуют особого к себе отношения. «Битву при Садовой выиграл прусский учитель», — сказал Отто фон Бисмарк⁴⁹. «А при Сталинграде — учитель русский», — добавим мы. А получает русский учитель, вы помните, 60% от советской зарплаты. Вот и думайте: платить ли налоги или обождать?

Итак, если мы решим все эти задачи, Россия, на мой взгляд, станет суверенной демократией, то есть выйдет на путь устойчивого развития. Будет экономически процветающей, политически стабильной, высококультурной. Будет иметь доступ к рычагам влияния на мировую политику. Будет свободной нацией, совместно с другими свободными нациями формирующей справедливый миропорядок⁵⁰.

Есть ли абсолютная уверенность в том, что все будет так? Абсолютной, конечно, нет. И это благодушие, что у нас стабильность, у нас это, у нас то... Коллеги, отсылаю к началу своей лекции: по мере развития демократии информационная борьба обостряется. Борьба за умы. Хорошо бы это понимать и не надеяться на то, что вегетарианство и непротивление отправят нас в рай. Ничего подобного.

Ведь есть и другие подходы к будущему России. Их очень много, но в политическом спектре я бы выделил два основных течения, которые оппонируют нам и которые борются с нами.

Кто мешает тому, кто идет вперед? Тот, кто идет назад.

У нас есть политическая сила, которая предлагает нам сделать шаг назад. Я бы назвал ее партией олигархического реванша.

Не нужно забывать, что в 1990-е годы при всем том бардаке, который существовал, очень многие политики, многих из которых мы наблюдаем и сейчас в активной политической жизни, жили на самом деле очень хорошо. Те, что называли себя либералами, что-то бесконечно там делили. Те, что называли себя державниками, сидели в парламенте, имея большинство, и тоже себя неплохо чувствовали.

Был такой удивительный симбиоз. Между ними вроде было много противоречий, но при этом все они были как бы в доле, потому что оппозиция получала свою статусную ренту со всего происходящего, а правящий, но почему-то находящийся в меньшинстве отряд революционеров имел что-то свое. Естественно, у этих людей дикая ностальгия по тем временам. Приносили им деньги для решения различных вопросов. Ведь можно только представить, насколько упала капитализация некоторых партий, извините за грубость. Ведь раньше они влияли на решения, теперь, честно говоря, особо не влияют. Много мотивов у людей повернуть время вспять. Ностальгия.

Есть и потенциальные политические лидеры у этого направления политической мысли — и зарубежные спонсоры. Безусловно, мы не можем допустить реставрации олигархического режима, потому что, повторяюсь, это путь в никуда, это нежизнеспособная система, ведущая к мгновенной утрате суверенитета и демократии. Какие бы выводы все эти деятели из прошлого ни сделали, они, как сказано было о Бурбонах, ничего не забыли и ничему не научились. Но потенциальная опасность их возвращения существует, не надо ее сбрасывать со счетов.

Второе направление политической реставрации, я бы сказал, — это партия двух шагов назад. Назову их изоляционистами, потому что слово «патриот», которое они сами к себе прилагают, я бы об них не пачкал... Это такие почти нацисты, люди, которые муссируют дешевый тезис, что и Запад — это страшно, нам Запад угрожает, и китайцы на нас наступают, и мусульманский мир нас подпирает. Россия для русских, Татария, видимо, для татар, Якутия для якутов, видимо, по этой логике... О Кавказе не буду, потому что окажется, что они заодно с Шамилем Басаевым.

Мне кажется, что если национал-изоляционисты придут к власти в нашей стране, возникнет ухудшенная копия советского, недосоветского, бюрократического государства, причем даже без советского величия. Это просто будет смехотворная пародия, которая также ввиду своей абсолютной несостоятельности приведет нацию к демографиче-

ской катастрофе и к политическому краху. Я уж не говорю о том, какие последствия это может иметь для наших граждан, потому что международные конфликты провоцировать в нашей стране очень опасно. У одних во всем русские виноваты, у других — евреи, у третьих — татары, мы так далеко зайдём. Я не пытаюсь кого-то там призвать к любви и нежности в отношении друг друга. Мы с вами не учителя жизни, а практикующие политики.

Я предложил бы подумать об этом с прагматической точки зрения: к чему это может привести — благо все примеры можно найти в нашем недавнем прошлом. Один раз нам внушили, что казахи, украинцы и другие товарищи — это обуза на шее России. Я хорошо помню статью в одной влиятельной газете на заре перестройки: Украина — убыточная республика. И там нам расписывали про эти убытки, как из нас кровь сосут все наши недавние братья. Поверил, наверное, кто-то в это. И чем закончилось? Мы потеряли полстраны, полнаселения, пол-экономики и так далее. Если мы и сейчас поверим в то, что во всем виноваты те-то и те-то, мы потеряем еще полстраны, еще пол-экономики.

Можно и так. Кому как веселее. Считаю, что мы с вами должны быть жестко против. Мы за Россию, которая для русских, татар, мордвы, осетин, евреев, чеченцев, для всех наших народов, для всей российской нации⁵¹.

Вот два основных направления, две основные противостоящие нам политические силы. Они могут оформляться в разные партии, коалиции и так далее. Но именно с ними нам придется иметь дело в ближайшем будущем, в 2007–2008 годах, и именно у них нам надо вырвать победу.

И это непросто. Пути демократии не всегда прямые. И не только в России. Демократии угрожают олигархические и национал-изоляционистские группы во многих регионах мира, добавьте терроризм, международный криминалитет... Трудности становления демократии в нашей стране, двойные стандарты западной политики дают повод для разочарования в демократических ценностях. Едва ли способствуют популярности демократических идей секретные тюрьмы ЦРУ в Европе, незаконное насилие в Ираке, антиконституционные оранжевые перевороты в соседних странах. Такие вещи на руку как раз контрдемократам всех мастей.

Все знают о веймарских ротозеях, которые допустили к власти Адольфа Гитлера, причем демократическим способом⁵².

Предлагаю рот не разевать, не зевать и не дать сторонникам олигархии разрушить демократию с помощью демократических процедур.

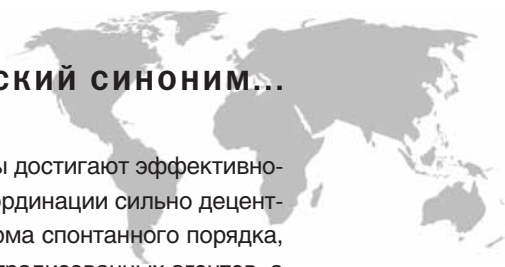
То же касается и поклонников национал-диктатуры. Всех противников народного суверенитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Материальный успех, свобода и справедливость — как базовые ценности европейской цивилизации, к которой, бесспорно, относится и Россия, были заложены еще во времена Древнеримской республики. Материальный успех — это торжество чрезвычайно высокого (по меркам того времени) уровня и качества жизни за счет благоустроенных дорог, мостов, водопроводов, дворцов, культовых и развлекательных сооружений и так далее. Многими из изобретений римлян мы пользуемся до сих пор. Огромное значение для последующих веков имел опыт функционирования общественно-политических и культурных институтов. Уинстон Черчилль отмечал, что уровня комфорта и цивилизации римской эпохи Британия достигла только в XIX–XX веках. На ценности свободы основывался статус «римского гражданина», который отделял себя от окружающих народов не столько благодаря языку, культуре, традициям, сколько прежде всего тем, что считал себя пользующимся всеми правами свободного человека в отличие от «варваров, для которых рабство — естественное состояние». И наконец, принцип справедливости лежит в основе всего римского права (на котором, в свою очередь, базируется современное европейское правосудие). Стоит вспомнить известную латинскую поговорку: «Пусть погибнет мир, но торжествует юстиция!».

2 Среди стран «Большой восьмерки» Россия первой ввела всеобщее избирательное право — в 1917 году. Германия — в 1918-м, Великобритания — в 1928-м, Франция — в 1944-м, Италия — в 1945-м, а США — юридически в 1920 году, а фактически только в 1965-м, когда были отменены ограничения гражданских прав афроамериканцев.

3 «Проблемы, встающие перед большими иерархическими организациями, вовсе не являются тривиальными, и следует ожидать, что передача власти и ответственности в них будет продолжаться и дальше. Однако тогда возникает новая проблема — как координировать действия всех игроков в децентрализованной организации, в которой сотрудники низшего звена недавно получили власть. Одним из решений является рынок, где не управ-

ляемые централизованно покупатели и продавцы достигают эффективно-го результата... Другим решением проблемы координации сильно децентрализованных организаций является сеть — форма спонтанного порядка, который возникает в результате действий децентрализованных агентов, а не создается какой-либо централизованной властью. Чтобы сети действительно были способны преуспеть в создании порядка, они неизбежно должны зависеть от неформальных норм, занимающих место формальной организации, — другими словами, от социального капитала»*.

4 Политическая система с доминированием одной партии — наилучшая (наряду с двухпартийной) для страны, осуществляющей социально-экономическую модернизацию. Этот вывод сделал один из самых авторитетных политологов Самюэль Хантингтон: «Практика свидетельствует, что двухпартийная система и система с доминированием одной партии лучше других с точки зрения длительной политической стабильности, поскольку они создают лучшие условия для состязания партий...» «В однопартийной системе состязание невозможно, однако и в многопартийной оно имеет тенденцию быть ниже, чем в двухпартийной или в системе с доминированием одной партии. В последних лидеры активно состязаются в привлечении электората на свою сторону. В двухпартийной системе победа одной из партий означает поражение другой, поэтому каждая из партий кровно заинтересована в том, чтобы превзойти другую в мобилизации и организации приверженцев. В системе с доминированием одной партии ее лидеры тоже заинтересованы в том, чтобы минимизировать переход своего электората к малым партиям»*.

5 Взгляд на Россию как на интегральную часть общеевропейской цивилизации разделялся как нашими выдающимися историками в XIX веке (прежде всего Владимиром Соловьевым, Василием Ключевским), так и многими русскими мыслителями XX века. Например, крупнейший отечественный историк, лидер Конституционно-демократической партии Павел Милюков в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры» отметил «сходство основной линии русской эволюции со всякой другой, которая имела возможность развернуться и пройти закономерную смену одинаковых ступеней процесса. Такова была, прежде всего, эволюция западноевропейская»**. Другой русский исто-

* Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М., 2003. — С. 416, 419–420.

** Милюков П. Очерки по истории русской культуры. — М., 1995. — Т. 1. — С. 38.

*** Вейдле В. Пора России снова стать Россией // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. — М., 1994. — Т. 2. — С. 354, 358.

рик и литературный критик – Владимир Вейдле писал: «Дореволюционная Россия была частью Европы, хотела быть и была европейской страной. В начальные времена никакое средостение не отделяло ее от тогдашнего западного мира... Петербургская Россия воссоединила Московию с Западом, завершила единство Европы, утвердилась в ней, приобщила ее духовному богатству и приумножила его от собственной полноты»***.

- 6 Кульминация абсолютизма в Западной Европе приходится на эпоху французского короля Людовика XIV (1638–1715), который правил с 1643 года. Именно ему принадлежит знаменитая фраза «Государство — это я». В конце XVII — начале XVIII века, в период царствования Петра I (1722–1725), государство Московское первых Романовых с балансом церковной и светской власти превращается в абсолютную монархию и с 1722 года — в Российскую империю.
- 7 «Манифест» об отмене крепостного состояния в России был подписан императором Александром II 19 февраля 1861 года. Отмена рабства в США была осуществлена в несколько этапов. В ходе Гражданской войны между Севером и Югом весной и летом 1862 года президент Авраам Линкольн сначала отменил рабство в столичном округе Колумбия, а затем запретил рабство на территориях, которые еще не стали штатами. 22 сентября 1862 года Линкольн обнародовал знаменитую «Прокламацию об эмансипации всех невольников на территории Южной Конфедерации с 1 января 1863 года».
- 8 Уже в 1920 году один из крупнейших мыслителей XX века Бертран Рассел написал после своей поездки в Россию, в которой еще шла Гражданская война, следующие слова: «Несомненно, что самое важное в российской революции — это попытка осуществить коммунизм. Я верю, что коммунизм необходим миру, верю также, что героизм России воспламенил человеческие надежды, а это очень важно для достижения коммунизма в будущем. Большевизм, если даже рассматривать его как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы просто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества*». «Изувечивание личности я считаю самым большим злом капитализма... Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с потребностями общества, распределяла бы необходимый труд между

* Рассел Б. Практика и теория коммунизма. — М., 1991. — С. 5.

** Эйнштейн А. Почему социализм? // Ежемесячное обозрение. — 1949. — Май.

*** Фейхтвангер Л. Москва 1937 // Два взгляда из-за рубежа. — М., 1990. — С. 258.

СУВЕРЕНИТЕТ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ...

всеми его членами, способными трудиться, и гарантировала бы право на жизнь каждому мужчине, женщине и ребенку»**.

«Когда из этой гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности попадаешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легко»***.

9 Только за годы первых двух пятилеток (1927–1937) в СССР было построено около 5 тысяч крупных предприятий. Введены в строй новые отрасли экономики: химическая, станко-, тракторо- и авиастроение. Проложены тысячи километров железных дорог, введен в строй Московский метрополитен. Развивалась энергетика по плану ГОЭЛРО. Была создана на собственной научно-технической базе оборонная промышленность.

10 В условиях глобальной конкуренции двух систем вождями СССР, начиная с Никиты Хрущева, всегда ставилась задача «догнать и перегнать Америку». Однако в 1985 году основные показатели уровня жизни советского населения заметно отставали от аналогичных показателей в США. Так, в 1985 году валовый национальный продукт на душу населения у нас составлял лишь 37% от американского, а душевой объем конечного потребления населения — только 31%.

11 Уже в Конституции СССР 1936 года в статье 125 гарантировались «свобода слова, свобода печати, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций». Статья 126 обеспечивала «право объединения в общественные организации». Статья 127 гарантировала «неприкосновенность личности», статья 128 — «неприкосновенность жилища» и «тайну переписки».

12 Иван Ильин предсказывал, что после падения коммунизма в России помимо альтернативы тоталитарное рабство — последовательная демократия имеется еще один вариант: «Именно он должен быть найден и осуществлен в жизни: это твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить к верху свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве. Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн. Чтобы приучить людей к свободе, надо давать им столько свободы, сколько они в состо-

* *Ильин И.* Наши задачи. — Париж — Москва, 1992. — Т. 1. — С. 144.

** Конституция РФ. Ст. 3. П. 4

янии принять и жизненно наполнить, не погубляя себя и своего государства; безмерная и непосильная свобода всегда была и всегда будет — сущим политическим ядом»*.

13 «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону»**.

14 Вот, например, как поменялись ориентации избирателей в трех субъектах Федерации: в Республике Башкортостан в первом туре перевес Геннадия Зюганова над Борисом Ельциным составил 7,67%, а во втором перевес Ельцина над Зюгановым — 7,87%. В Республике Дагестан Зюганов выиграл у Ельцина в первом туре 34,7%, а во втором уже Ельцин опередил Зюганова на 7,84%. В Карачаево-Черкесской Республике первый тур дал Зюганову победу с отрывом в 29,6%, а второй — победу Ельцину с перевесом в 3,8%.

15 «Приватизация в России проходит три этапа, — сказал мне Борис Березовский в 1996 году. — На первом этапе приватизируется прибыль. На втором этапе приватизируется собственность. На третьем этапе приватизируются долги...» Березовский очень точно объяснил суть того, что происходило в России. Почти все крупные компании начала 1990-х создавались таким путем. Сам Березовский довел эту модель до совершенства. С 1989 года он начал приватизировать прибыль «АвтоВАЗа», покупая у завода автомобили по цене, которая гарантировала ему (Березовскому) прибыль, а заводу только убытки. Затем, в 1992 году, он начал заниматься торговлей сырьем, экспортируя нефть, древесину и алюминий; как и все крупные экспортеры того времени, он приватизировал прибыль производителей: платил им по номинальной стоимости, а сам продавал сырье за границей с огромной маржой... Действуя в сговоре с руководством предприятий, он создавал посредников, которые занимались финансовыми операциями, продажами и маркетингом на самых невыгодных для предприятия условиях. Взяв под контроль руководителей предприятия, Березовский проводил «виртуальную приватизацию», не тратя денег на приобретение акций. Наилучшим примером такого подхода служит захват власти в «Аэрофлоте»*.

СУВЕРЕНИТЕТ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ...

16 Вот картина российской экономики в 1997 году (в % к 1990 году):

ВВП	61,9
объем промышленного производства	48,7
продукция сельского хозяйства	59,2
инвестиции в основной капитал	23,4
реальная начисленная заработная плата	48
Коэффициент Джини	
(соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения)	
в 1990 году	4,4
в 1997 году	13

17 Рост капитализации компаний, крупные пакеты акций которых были реализованы через залоговые аукционы в 1995 году

Таблица 1

Компания	Доля акций, выставленных на залоговый аукцион	Цена акций на аукционе (ноябрь — декабрь 1995 года), млн. долл.	Стоимость компании по цене аукциона, млн. долл.	Рыночная стоимость компании на 1 августа 1997 года, млн. долл.	Современная капитализация компании (на 1 апреля 2006 года), млн. долл.
ЛУКОЙЛ	5	35	700	15 839	72 440
ЮКОС	45	159	353	6214	В июне 2003 года достигла капитализации в 30 700
Сургутнефтегаз	40	88	220	5689	57 390
Сибнефть	51	100	196	4968	23 380
Норильский никель	51	170	333	1890	21 290

Как показывает таблица, в ходе залоговых аукционов крупнейшие и наиболее доходные российские предприятия были недооценены в десятки раз.

Но даже эти многократно заниженные суммы государство не получило, поскольку в основном они были выплачены через систему взаимозачетов.

18 Из текста «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой» (документ подписан от

российской стороны секретарем Совета безопасности РФ Александром Лебедем 31 августа 1996 года в Хасавюрте): «1. Соглашение об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, определяемых в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 года».

19 По данным исследовательской службы конгресса США, в 1992–1999 годах утечка капитала из России составила 150 млрд. долл., прямые иностранные инвестиции за тот же период — 12 млрд. долл., а заимствования у МВФ — 22 миллиарда. В 1992–1999 годах политика правительства России была направлена на проведение реструктуризации советского долга (в итоге было реструктуризировано долгов на сумму 91 млрд. долл.). При этом капитализировались просроченные платежи в объеме 20 млрд. долл. Россия провела пять реструктуризаций по долгу официальных кредиторов и пять реструктуризаций по коммерческим кредиторам. Плата за каждую реструктуризацию составляла около 13 миллиардов. В результате в 1992–1999 годах объем платежей по внешнему долгу составил 46 миллиардов, но при этом объем государственного долга увеличился на 84 миллиарда.

20 Доля частного сектора в валовом внутреннем продукте России, по оценке Европейского банка реконструкции и развития: 1995 год — 55%; 1996-й — 60%; 1997–2004 годы — 70%.

21 По данным опросов ВЦИОМ (2006 год): в среднем 75% граждан России одобряют деятельность президента Путина. Уровень одобрения не ниже 70% сохраняется в течение последних пяти лет. Электоральный рейтинг президента, по данным ФОМ, с 2000 года держится вокруг 50%, на порядок превышая рейтинг любого ближайшего конкурента.

22 Согласно пункту 2 статьи 80 Конституции РФ, «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации».

23 «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации»*.

24 В 2003–2004 годах налоговые органы провели проверки деятельности крупнейших российских нефтяных компаний ЮКОС и «Сибнефть». Было

установлено, что ОАО «НК ЮКОС» за период 2000–2003 годов не уплатило в бюджет государства налогов (включая пени и штрафы) на сумму 273,4 млрд. рублей. Согласно результатам налогового аудита за 2004 год, осуществленного Федеральной налоговой службой РФ, компания ЮКОС не выплатила налоги в размере 107 млрд. рублей. Тщательное исследование документов позволило выявить и предъявить суду разработанные юристами ЮКОСа схемы ухода от налогов. Основной принцип этих схем — раздробление компании на десятки якобы самостоятельных фирм, на которые переводились все основные обороты, а также использование «внутренних офшоров».

Проверка деятельности компании «Сибнефть» в 2000–2001 годах выявила неуплату налогов в размере 21 млрд. рублей.

Насколько масштабны были потери российского бюджета в результате уклонения от налогов крупнейших нефтяных компаний, видно из сравнения с поступлениями в бюджет от деятельности совместного вьетнамско-российского предприятия «Вьетсовпетро», созданного еще в 1981 году и добывающего нефть на шельфе. Например, только в 2005 году это предприятие уплатило налоги в российский бюджет в размере 700 млн. долл. при общем объеме нефтедобычи в 10,7 млн. тонн. Для сравнения: объем нефтедобычи у ЮКОСа в 2004 году превысил 80 млн. т, а налогов уплачено только 102 млрд. руб. (или 3,5 млрд. долл.). То есть с каждой тонны нефти ЮКОС заплатил почти на 40% меньше налогов, чем «Вьетсовпетро».

В результате укрепления государственной власти в целом и активных действий налогового ведомства удалось добиться устойчивого роста поступлений в бюджетную систему Российской Федерации и государственные внебюджетные фонды налогов и сборов:

- 2003 год — 3636 млрд. руб. (в том числе платежи за пользование природными ресурсами — 398 миллиардов);
- 2004 год — 4386 млрд. руб. (в том числе платежи за пользование природными ресурсами — 510 миллиардов, из них нефть — 428 млрд. руб.);
- 2005 год — 5703 млрд. руб. (в том числе платежи за пользование природными ресурсами — 908 миллиардов, из них нефть — 801 млрд. руб.).

25 Вот как описал ситуацию с каналом НТВ его бывший главный редактор Олег Добродеев в открытом письме к директору канала Евгению Киселеву: «Мы были при власти, но Гусинскому в какой-то момент показалось, что он — сама власть, и тут-то начались проблемы, которые всегда решались одним и тем же способом — при помощи информацион-

ной заточки. “Первая кровь” брызнула в августе 1997 года, когда Гусинский потребовал от нас информационно разобраться с теми, кто не дал ему вкусить казавшегося безумно сладким пирогом “Связьинвеста”. Тогда я впервые задумался, как же все-таки сохранить лицо компании в условиях нарастающей заинтересованности главного акционера в информационном оружии.

Ты, похоже, задумался над другим — как использовать этот интерес в личных целях. Но самое тяжелое — и ты, и Гусинский часто говорили об этом как-то вскользь — это вторая чеченская война. А было так: сначала требование акционеров — резко ужесточить нейтральную, объективистскую позицию, а потом, как обычно, договориться с властью. Разменять эту позицию на пролонгацию кредитов. Это случалось».

26 Например, в октябре 1998 года своевременно платили зарплату бюджетникам только в 23 субъектах Федерации*.

27 «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы»**.

28 Референдум в Чеченской Республике был проведен 23 марта 2003 года. В нем приняли участие 510 102 избирателя. На вопрос «Принимаете ли вы Конституцию Чеченской Республики?» ответили «да» 489 257 человек, или 95,97%. Статья 1 часть 2 Конституции Чеченской Республики гласит: «Территория Чеченской Республики является единой и неделимой и составляет неотъемлемую часть территории Российской Федерации».

29 «В сравнении с доходами населения в богатейших странах (верхняя треть стран по уровню доходов на душу населения) за последние несколько десятилетий средний доход на душу населения в нижних двух третях стран стабильно сокращался. Средний ВВП на душу населения в средней трети стран упал с 12,5 до 11,4% дохода верхней трети стран, а для беднейшей трети стран эта статистика составила соответственно 3,1 и 1,9%. Собственно говоря, богатые страны развиваются более быстрыми темпами, чем бедные, еще со времен промышленной револю-

* Из документа «О мерах Правительства и Центрального банка Российской Федерации по стабилизации социально-экономического положения в стране», март 1999 года.

** Конституция РФ. Ст. 37. П. 3.

*** На пороге XXI века: Доклад о мировом развитии 1999–2000 г. — М.: Весь мир, Всемирный банк, 2000. — С. 12.

ции середины XIX века. Недавние оценки показывают, что в период с 1870 по 1985 год соотношение между доходом на душу населения в богатейших странах и доходом на душу населения в беднейших странах увеличилось в шесть раз»***.

30 О том, насколько западные европейцы ценят суверенитет своих национальных государств, свидетельствуют результаты референдумов по Европейской конституции, проведенных в мае — июне 2005 года во Франции и Нидерландах. Эти два государства считались самыми главными сторонниками принятия Конституции Евросоюза, тем более что во главе редакционной комиссии, выработавшей окончательный текст основного документа, стоял экс-президент Франции Валери Жискар д'Эстен. Однако большинство французов и голландцев проголосовало против конституции, то есть фактически за свой суверенитет. Под влиянием таких результатов премьер-министр Великобритании Тони Блэр отложил проведение референдума на неопределенный срок. Сегодня очевидно, что принятие общеевропейской конституции — дело отнюдь не близкого будущего, а значит, и роль суверенных национальных государств в европейской и мировой политике в обозримый период не снизится.

31 Показателен пример отношений между компанией «Шелл» и народностью иджо, проживающей в дельте реки Нигер — основном месте нефтедобычи в Нигерии. Сегодня основные вооруженные группировки иджо фактически превратились в службу по охране нефтепровода дочернего предприятия «Шелл» и живут за счет периодических платежей-компенсаций от этой компании.

32 «Нам дано было огромное обилие пространств и племен, несвязанных, несопринадлежащих, тянущих врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы. Мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в три-четыре века единое великое государство и единую великую духовную культуру. Наш путь — вел из непрестанной нужды, через непрерывные, великие опасности, к духовному и государственному величию; и не было отсрочек, и не могло быть ни отпуска, ни отдыха. Вспомним: Соловьев насчитывает с 1240 по 1462 год (за 222 года) двести войн и нашествий. С XIV века по XX век (за 525 лет) Сухотин насчитывает 329 лет войны. Россия провела две трети своей жизни»*.

* Ильин И. О России. — М., 1991. — С. 13.

33 Позиция России, выступающей за справедливую глобализацию, разделяется многими другими государствами. В частности, в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, заключенном в 2001 году, отмечается, что общей целью наших стран является «более равномерное распределение выгод экономической глобализации и достижений мирового экономического роста, сокращение растущего разрыва между странами Севера и Юга, обеспечение равного для всех стран доступа к передовым информационно-коммуникационным технологиям». Индия занимает аналогичную позицию. Так, министр иностранных дел Индии Натвар Сингх на приеме в посольстве Китая в Дели в честь 50-летия заключения договора между странами на основе принципов мирного сосуществования (Панча Шила) отметил, что он устанавливает «рамки, в которых, к взаимному удовлетворению и на благо каждого, станет возможным достижение справедливой глобализации, благодаря чему будет построен многополярный мир и демократия и сформировано пространство, необходимое для мирного и благополучного сосуществования».

Президент Бразилии Луис Инасио Лула да Силва, выступая на конференции ООН «Справедливая глобализация: воплощение в жизнь декларации тысячелетия» (сентябрь 2004 года), говорил: «Мы должны управлять процессом глобализации и повернуть его на благо всех народов мира».

34 По такому значимому показателю, как валовой внутренний продукт на душу населения, мы не только на последнем месте среди стран «Большой восьмерки» с отрывом от ближайшей к нам Италии более чем в 2,5 раза, но и значительно уступаем другим странам, занимая 82-е место в рейтинге (оценивается 231 страна) (в долларах США):

1.	Люксембург	58 900
2.	США	40 100
...		
13.	Ирландия	31 900
14.	Исландия	31 900
15.	Канада	31 500
16.	Австрия	31 300
...		
82.	Россия	9 800

ВВП на душу населения в Португалии — одной из самых слаборазвитых стран Евросоюза — в 2005 году составил 18 600 долл. (почти в два раза больше, чем в РФ).

35 Согласно подсчетам американского журнала «Форбс», в России в 2005 году насчитывалось 33 долларовых миллиардера. Их совокупное состояние оценивается в 172,1 млрд. долларов. По числу миллиардеров Россия занимает третье место в мире. Впереди только США — 371 и ФРГ — 56 миллиардеров. По версии отечественного журнала «Финанс», в России 50 долларовых миллиардеров и 720 миллиардеров рублевых.

36 В результате осуществления курса на стабилизацию и демократизацию, начатого президентом Владимиром Путиным, в период 1999–2005 годов удалось добиться существенного снижения уровня бедности в стране. Уже к 2003 году число тех, кто по методике расчетов Всемирного банка находится за чертой бедности (уровень потребления не превышает 2,15 долл.), сократилось на 30 млн. человек. По данным Минэкономразвития РФ, в 2004 году число бедных составило 17,8% (около 25,5 млн. человек), а в 2005 году снизилось до 15,8% (22,6 миллиона). Тенденция снижения количества населения, по размеру официальных доходов находящегося за чертой бедности, продолжается и в 2006 году. Основным инструментом улучшения положения в этой сфере — рост реально располагаемых денежных доходов. По итогам 2006 года повышение оплаты труда работникам бюджетной сферы должно составить 27,65%. В соответствии с Посланием Президента РФ Федеральному Собранию от 2005 года реальные доходы бюджетников за три года должны увеличиться в 1,5 раза. Второе направление — повышение уровня пенсионного обеспечения. Так, средний размер назначенных пенсий за январь — сентябрь 2005 года составил 2306 руб., что на 22,9% превышает показатель соответствующего периода 2004 года. С 1 апреля 2006 года средняя пенсия в России составила 3000 рублей. Наконец, еще один эффективный инструмент повышения жизненного уровня — пакет мер по поддержке материнства, предложенный президентом Владимиром Путиным в Послании-2006.

37 Рост ВВП за период президентства Владимира Путина: 2000 год — 10%; 2001-й — 5,1%; 2002-й — 4,7%; 2003-й — 7,3%; 2004-й — 7,2%; 2005-й — 6,4%. Для сравнения — темпы прироста мировой экономики: 2000 год — 4,7%; 2001-й — 2,4%; 2002-й — 3,0%; 2003-й — 4,0%; 2004-й — 5,1%; 2005-й — 4,3%.

38 Новые перспективы для российского ТЭК открываются в связи с реализацией плана строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Дальний Восток с ответвлением на Китай. Доля стран Азиатско-Тихоокеанского региона в российском экспорте нефти увеличится в 2020 году с сегодняшних 3 до 30%, а в экспорте газа — с 5 до 25%. Новый нефтепро-

вод позволит продавать странам этого региона до 80 млн. тонн нефти ежегодно. Введение в строй этого нефтепровода будет означать не только расширение добычи и поставки углеводородов, но и развитие отечественной нефтегазопереработки и нефтегазохимии.

39 Стабилизационный фонд на 1 января 2006 года составил 1237 млрд. рублей. Отчисления в Стабфонд в 2006 году запланированы в размере 1374,1 млрд. рублей. При этом золотовалютные резервы России к июню 2006 года превысили 240 млрд. долларов.

40 Глава Росатома Сергей Кириенко считает, что на базе гражданского атомного энергокомплекса необходимо создать вертикально интегрированный холдинг. По его словам, такой холдинг может быть создан по принципу «Газпрома» с рабочим названием «Атомпром». По его мнению, России необходимо занять значительную долю в строительстве мощностей атомной энергетики в мире. «Мы должны получить хотя бы 20% этого рынка». По расчетам специалистов России и США, до 2030 года в мире будет построено около 600 ГВт мощностей атомной энергетики, из которых около 50% придется на закрытые рынки. При этом Россия сможет принять участие в строительстве около 300 ГВт мощностей. Как отметил Сергей Кириенко, в настоящее время все страны мира приходят к необходимости увеличения доли выработки электроэнергии на атомных станциях, так как традиционные энергоносители не могут удовлетворить потребности энергопотребления. В России для увеличения доли АЭС в выработке электроэнергии с 16% в настоящее время до 25% к 2030 году необходимо строить по два энергоблока в год. «Решение о развитии атомной энергетики нельзя откладывать, потому что потом мы можем потерять имеющийся у России потенциал», — отметил Кириенко.

41 В последние годы в России ведется целенаправленная работа по поиску альтернативных источников энергии. В ноябре 2003 года Российская академия наук и горно-металлургическая компания «Норильский никель» подписали генеральное соглашение о сотрудничестве в области водородной энергетики. «Норникель» будет выделять на исследования от 20 до 40 млн. долл. ежегодно. 9 декабря 2003 года руководители РАН и «Норникеля» утвердили комплексную «Программу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по водородной энергетике и топливным элементам». В ней примут участие около 20 академических и отраслевых институтов. У нашей страны есть конкурентные преимущества: уникальные научные разработки в области водородных технологий

и богатые запасы палладия — катализатора в энергетических установках на основе водорода.

Сейчас водород получают главным образом из природного газа. Это самый дешевый, но не имеющий длительной перспективы способ, поскольку запасы газа ограничены. Неиссякаемым источником водорода служит вода. Но электролиз воды сам требует значительных энергозатрат. Технология рентабельна только при использовании электроэнергии, получаемой из возобновляемых источников — за счет энергии воды, ветра, солнца. В последнее время начались работы по получению водорода из биомассы, остающейся после переработки сельскохозяйственного сырья. Разрабатываются технологии конверсии спрессованной биомассы, ферментации, использования бактерий, способных выделять водород.

Основное условие перехода к водородной энергетике — создание надежных и экономически выгодных топливных элементов на основе водорода. В таком элементе химическая энергия, высвобождающаяся в реакции водорода с кислородом, превращается в электрическую. КПД топливного элемента может достигать 90%. Образцы автомобилей на водородной тяге выпускают автомобильные компании «Даймлер-Крайслер», «Форд», «Мазда», «Тойота», «БМВ», «Рено». Наш «АвтоВАЗ» выпустил опытную модель АНТЭЛ на водородных топливных элементах.

В феврале 2006 года концерн «Интеррос» приобрел 35% акций американской компании Plug Power, которая является одним из лидеров в области разработки водородных топливных элементов. Соединение наших конкурентных преимуществ (фундаментальная наука и ресурсы — запасы палладия) с передовыми технологиями может обеспечить не только коммерческий успех «Интерросу», но и в перспективе — лидерство России в практическом применении альтернативных источников энергии.

Одним из наиболее перспективных в области альтернативных источников энергии считается направление, связанное с поиском технологий управляемого термоядерного синтеза. Вероятность того, что Международный проект исследовательского ядерного реактора (ITER) в скором времени даст практические результаты, достаточно велика.

24 мая 2006 года в Брюсселе был парафирован текст Соглашения между Европейским сообществом по атомной энергии, Правительством Китайской Народной Республики, Правительством Республики Индии, Правительством Японии, Правительством Республики Кореи, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о создании Международной организации ITER по термоядерной энергии для совместной реализации проекта ITER. Кроме того, парафирован текст Соглашения о привилегиях и иммунитетах Международной организации ITER по термоядерной энергии для совместной реализации проекта ITER.

Планируется, что уже в 2007 году после ратификации парламентами государств — участников проекта может начаться строительство реактора близ города Кадараш на юге Франции, недалеко от Марселя (провинция Прованс). Согласно расчетам, на завершение работ потребуется девять лет. Ожидается, что реактор начнет вырабатывать энергию к 2014–2016 годам и первые 20 лет будет эксплуатироваться в режиме научных экспериментов. Расчетная термоядерная мощность ITER составит 500 МВт. Стоимость работ оценивается в 10 млрд. евро (около 13 млрд. долларов), из них 4,7 миллиарда будет потрачено на капитальное строительство демонстрационной установки. Это самый дорогой международный проект после Международной космической станции. Половину затрат по возведению реактора берет на себя Евросоюз, доля затрат России составит около 10%.

Идея, положенная в основу ITER, разработана в 1968 году в СССР, в Курчатовском институте. Организовать международный проект предложил академик Евгений Велихов в 1995 году.

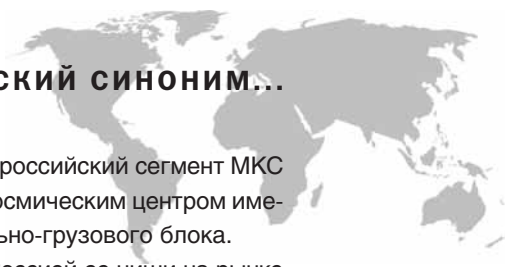
В случае успешной реализации данного проекта наиболее экологически чистыми станут технологии с использованием изотопа водорода гелия-3 в качестве основы для промышленного термоядерного синтеза. На Земле этот изотоп почти не встречается, но его достаточно на Луне. Поэтому весьма вероятно, что пилотируемые полеты на Луну уже в ближайшее десятилетие станут практической необходимостью.

Другим важным направлением в поисках топлива будущего является исследовательская и экспериментальная работа с биомассой.

Еще один вариант — использование в качестве топлива этанола (спирта). В Финляндии некоторые нефтяные компании уже добавляют этанол в бензин — 5% от объема. Другая технология ориентирована на производство эфиров (из метилового и этилового спиртов), которые могут использоваться для создания биотоплива.

В ряде европейских стран и США уже запускаются проекты по производству биотоплива. В ближайшей перспективе начнется производство оборудования для заводов, вырабатывающих альтернативные источники энергии.

- 42 Постановлением Правительства РФ утверждена Федеральная космическая программа России на 2006–2015 годы (ФКП-2015). Она включает, в частности, создание многоразового космического корабля «Клипер» совместно с европейскими странами и перспективных ракет-носителей «Ангара» и «Союз-2». Проект «Фобос-грунт» нацелен на забор проб грунта со спутника Марса — Фобоса. В конце 2006 года Роскосмос начнет эксперимент по подготовке к полету длительностью в 500 дней экипажа на Марс.

Планируется достроить, запустить и включить в российский сегмент МКС новый модуль, построенный Государственным космическим центром имени М.В. Хруничева на базе второго функционально-грузового блока.

ФКП-2015 предусматривает также расширение Россией ее ниши на рынке космических услуг после увеличения орбитальной группировки. Такая ниша есть в Тихоокеанском регионе, Китае, Индии, Южной Америке. В рамках программы планируется создание орбитальной группировки связи совместно с Министерством связи и информатизации РФ. Российская система связи не будет зависеть от международной. В то же время порядок использования этой системы впишется в глобальную систему связи, взаимодействие с которой будет строиться на коммерческой основе. По направлению спутниковой навигации предполагается завершить создание национальной системы ГЛОНАСС, которая будет обеспечивать всю территорию России, а также стран, которые взаимодействуют с нашей страной. Уже подписан соответствующий договор с Индией, рассматривается вопрос о взаимодействии с Китаем.

До 2008 года орбитальная группировка России должна быть увеличена на 18 космических аппаратов. Семь из них — космические аппараты связи, три — спутники метеонаблюдения, два — дистанционного зондирования Земли, три призваны решать задачи, связанные с фундаментальными космическими исследованиями, два — со спасательными работами. В настоящее время российская орбитальная группировка насчитывает около ста космических аппаратов.

Неплохие перспективы у нашей страны и в освоении «дальнего космоса». В частности, ракетно-космическая корпорация «Энергия» рассматривает, согласно заявлению ее главы Николая Севастьянова, планы высадки человека на Луне до 2015 года и пилотируемого полета на Марс между 2020 и 2030 годами.

43 Экономический кризис 1990-х годов подвел российскую военную промышленность к черте, за которой могли начаться необратимые изменения. Дефолт в августе 1998 года усугубил эти тенденции. После избрания Владимира Путина Президентом РФ ситуация изменилась. Утвержденные Президентом РФ основы политики в области развития ОПК и одобренная Правительством целевая программа реформирования и развития ОПК определили направления развития военной промышленности России на ближайшую и долгосрочную перспективу.

Из прогноза экономического развития РФ до 2010 года, разработанного Минэкономики РФ и Минфином РФ, следует, что затраты на национальную оборону должны сохраняться на уровне около 3% ВВП по крайней мере до 2005 года.

Предполагается удвоить расходы в расчете на одного военнослужащего к 2006 году и утроить их к 2010-му, добившись в итоге постепенного изменения соотношения между затратами на содержание военнослужащих и на техническое оснащение вооруженных сил с 70:30 на 2003 год до 50:50.

В период до 2010 года основной акцент будет сделан на НИОКР и модернизацию военной техники. Это намерение отражается в государственном военном заказе на 2003 год, в котором на оснащение Вооруженных сил РФ Правительство выделило почти 110 млрд. руб. В пределах этого бюджета планируется модернизировать, испытать и принять на вооружение свыше 200 единиц вооружения и военной техники и профинансировать более 3 тысяч НИОКР. По состоянию на октябрь 2000 года российская военная промышленность включала 1700 предприятий и организаций, в том числе 900 научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, расположенных на территории 72 субъектов РФ. Все они объединены под началом пяти оборонных агентств и одного министерства. В ОПК сосредоточено более половины всего интеллектуального и технологического потенциала страны. По оценкам многих экспертов, это главный ресурс модернизации всей промышленности страны.

44 В последние годы в России развернуто строительство крупных инфраструктурных проектов, среди которых:

- строительство комплекса морской железнодорожно-автомобильной паромной переправы Усть-Луга — Балтийск — порты Германии. Стоимость проекта — 7,4 млрд. рублей. Цель проекта — транспортное обслуживание быстровозрастающего грузопотока на страны Балтийского моря и обеспечение транспортной связи с Калининградской областью;
- строительство автомобильной дороги Чита — Хабаровск. Стоимость проекта: полное развитие — 73,1 млрд. рублей; уровень поддержки системы — 48,7 миллиарда. Завершение строительства магистрали обеспечит автодорожную связь западных регионов России с Дальним Востоком, будет способствовать росту товарообмена между прилегающими краями и областями, развитию торговли с Китаем, Монголией и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона;
- строительство мостового перехода через реку Волга (первая очередь обхода города Ярославль). Стоимость проекта — 8,1 млрд. рублей. Цель проекта — существенное снижение транспортных издержек при перевозке грузов и пассажиров. С целью частичного возврата инвестиций, необходимых для завершения строительства мостового перехода, возможно введение платы за проезд после ввода его в эксплуатацию;
- обход города Сочи. Стоимость проекта — 17,0 млрд. рублей. Цель про-

СУВЕРЕНИТЕТ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ...

екта — существенное снижение транспортных издержек, улучшение условий движения, повышение безопасности движения на маршруте, входящем в состав МТК «Север — Юг» (ответвление NSA2), разгрузка улично-дорожной сети города, вывод транзитного движения из городской черты, улучшение условий движения, сокращение отрицательного воздействия на окружающую среду и население, повышение рекреационной привлекательности региона;

- развитие Красноярского грузового хаба (транспортного узла). Стоимость проекта — 7,8 млрд. рублей, расчетный объем финансирования из инвестиционного фонда — 3,5 миллиарда. Цель проекта — повышение конкурентоспособности российских транспортных коридоров на основе формирования нового логистического продукта, транспортной инфраструктуры по развитию системы сетевой доставки грузов по территории России и СНГ. Развитие рынка грузовых авиаперевозок России и СНГ в транспортном коридоре Европа — Азия;
- строительство специализированного морского порта Приморск по переработке нефти и нефтепродуктов проектной мощностью до 106 млн. т в год. Стоимость проекта — 14,54 млрд. рублей. Цель проекта — освоение грузопотоков сырой нефти и нефтепродуктов, которые до настоящего времени идут через порты стран Балтии;
- строительство на реке Волга выше Нижнего Новгорода низконапорного гидроузла с плотиной и судоходным шлюзом, совмещенного с автодорожным мостовым переходом на трассе Москва — Киров. Стоимость проекта — 23,7 млрд. рублей. Цель проекта — устранение ступенчатости глубин на Единой глубоководной системе европейской части Российской Федерации, увеличение пропускной способности на 50%, разгрузка автомагистралей Нижнего Новгорода и многие другие проекты.

В 2005 году Минтранс РФ разработал концепцию Федеральной целевой программы «Развитие экспорта транспортных услуг России (2006–2010 гг.)» с общим объемом финансирования в 736 млрд. руб.:

304 миллиарда составляют федеральные средства, 400 миллиардов — внебюджетные источники. Основной объем капитальных вложений предполагается направить на реализацию высокотехнологичных инфраструктурных проектов — современных мультимодальных логистических комплексов, скоростных автодорог, создание национальной сети аэропортов-хабов, развитие инфраструктуры морских портов.

Однако тенденция снижения финансирования отрасли из федерального бюджета не преодолена. В 2005 году на развитие дорог в Рос-

сии выделено около 90 млрд. руб. – на 12 млрд. меньше, чем в 2004 году. Сокращаются и объемы субсидий федерального бюджета на строительство и реконструкцию региональных дорог. В 2005 году на эти цели выделено около 30 млрд. руб. — почти на четверть меньше, чем в 2004 году. В целом объем средств, направляемых из федерального бюджета на содержание и ремонт, строительство и реконструкцию федеральных дорог, снизился с 2000 по 2005 год с 3% ВВП до 1,1%. Доля расходов на автомагистрали в федеральном бюджете снизилась за пять лет с 4,9 до 3%. В регионах финансирование сократилось с 30% в 2000 году до 9% в 2005-м. «Существующая сеть автодорог в основном либо исчерпала пропускную способность, либо находится в крайне неудовлетворительном состоянии», и это происходит из-за «реального сокращения финансирования дорожного хозяйства в течение последних лет», — отмечалось на слушаниях в Федеральном Собрании РФ в 2005 году.

45 Сегодня монопольное положение США в деле контроля над глобальной сетью Интернет вызывает недовольство многих стран. На мировом саммите по вопросам информационного сообщества, который прошел в ноябре 2005 года в Тунисе, страны Евросоюза предложили передать контроль над Интернетом под эгиду ООН. Однако США отвергли это предложение, и сейчас по-прежнему все изменения в системе адресации Интернета и корневых файлах доменных зон, подготавливаемые Международной корпорацией по выделению доменных имен и адресов (ICANN), проходят последующее утверждение в министерстве торговли США. Кстати, Россия выступает еще и за то, чтобы с конца 2006 года начинать постепенный переход к системе распределения адресного пространства IP-протокола по зональному принципу, начиная с версии IPv6.

В апреле 2004 года был введен в строй первый наземный оптоволоконный канал связи, соединивший КНР с Россией и Европой. Новая телекоммуникационная система стала важным добавлением к уже существующему подводному кабелю и спутниковой связи, соединяющим Китай с США, Японией и Южной Кореей. Новая оптоволоконная сеть построена совместно с компаниями России и Монголии и имеет протяженность 7500 км. При передаче информации используется новая цифровая синхронизированная система трансляции информации, соединившая Китай, Россию и Монголию. При использовании ресурсов России и Китая новая система передачи информации может быть соединена с сетями других европейских и азиатских стран. В результате передача информации между Европой и странами Юго-Восточной Азии сможет осуществляться в обход магистральных каналов, проходящих через США. С другой стороны, уже достаточно давно Рос-

сия, США и Китай создают вокруг Земли «глобальную кольцевую компьютерную сеть».

Насколько велик наш интеллектуальный потенциал в области информационных технологий, основанных на программировании, говорят результаты международного конкурса студентов по программированию, который прошел в Сан-Антонио (США) в апреле 2006 года. Абсолютным победителем конкурса, который проводила уже в 30-й раз Ассоциация по вычислительной технике (ACM), стала команда, состоявшая из трех студентов Саратовского государственного университета. Кроме того, в числе трех вузов, занявших второе место и награжденных золотыми медалями, была команда Алтайского государственного технологического университета. Среди серебряных медалистов — команда Санкт-Петербургского государственного университета, а среди бронзовых — команда Уфимского государственного авиационного технического университета.

46 Насколько соображения суверенитета и национальной безопасности превагируют над бизнес-интересами в странах с развитой рыночной экономикой, показывает пример США. В марте 2006 года должна была состояться сделка по продаже шести американских портов восточного побережья (в городах Балтимор, Майами, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Нью-Орлеан и Филадельфия), принадлежащих британской компании Peninsular and Oriental Steam Navigation (P&O Co), — компании DP World, штаб-квартира которой находится в Дубае. Свое несогласие со сделкой высказали как глава сенатского большинства Билл Фрист, так и спикер палаты представителей конгресса Деннис Хастерт. Хастерт попросил президента наложить мораторий на сделку, чтобы подробнее изучить ее условия. Фрист заявил, что сенат примет специальный законопроект с целью блокировать вступление сделки в силу. Члены конгресса США сочли слишком опасным передавать в руки арабской фирмы свои стратегические морские коммуникации в Атлантике. Кроме того, общеизвестно, что президент США единолично устанавливает список стратегических предприятий, в которых недопустим контроль иностранного капитала. Там же, в США, законодательно закреплен запрет на покупку иностранцами больше чем 25% долей в контрольных пакетах общенациональных телеканалов.

Характерна была и первоначальная реакция правительственных кругов Великобритании на предположения о намерениях компании «Газпром» купить пакет акций крупнейшей британской газораспределительной корпорации Centrica. Осведомленная газета Financial Times в середине ап-

* Источник: www.kremlin.ru

реля 2006 года сообщала, что правительство может изменить законодательство, чтобы воспрепятствовать сделкам, которые создают угрозу национальной энергобезопасности. По словам Президента РФ Владимира Путина: «Какую реакцию увидели? Сразу же услышали от британских политиков и представителей бизнеса: нужно принять отдельный закон, ограничивающий экспансию российских энергетических компаний на европейские рынки... Где же глобализация, где же свобода рыночных отношений? Значит, там, где к нам приходят, там инвестиции и глобализация, а если мы куда-то собираемся прийти — это уже экспансия российских компаний»*.

47 Пример эффективного сотрудничества российских и зарубежных компаний — сотрудничество немецкого концерна BASF и «Газпрома». 11 апреля 2005 года в Ганновере компании подписали рамочное соглашение о расширении масштабов совместной деятельности. Согласно этому документу, компании продолжают расширять сотрудничество в области геологоразведки и добычи газа как в России, так и в международном масштабе. Вместе партнеры будут участвовать в строительстве Северо-Европейского газопровода, который пройдет через Балтийское море. Как заявил Владимир Путин, меморандум предусматривает обмен активами «Газпромом» и BASF. «Подписание соглашения между «Газпромом» и немецким концерном BASF — это не рядовое событие, а переход к новому качеству сотрудничества, предусматривающего обмен активами», — указал президент России. Он также отметил, что впервые иностранный партнер будет допущен к добыче российского газа, при этом свою долю он оплатит не деньгами, а соответствующими активами. Президент подчеркнул, что «Газпром» получит 49% акций в транспортной системе, которая находится в Германии, а также возможность участвовать в распределении газа. Кроме того, предусмотрено сотрудничество в области добычи газа в третьих странах. Все это позволит стабилизировать ситуацию в области добычи газа в мире, подчеркнул Владимир Путин. «Газпром» и BASF также договорились о совместной разработке Южно-Русского месторождения газа. Доля Wintershall (дочерняя компания BASF) составит 50% минус одна акция, при этом в обмен на данный проект немецкая сторона предоставит не средства, а активы. Доля «Газпрома» в совместном предприятии с немецким концерном «Вингаз» увеличится с 35 до 50% минус одна акция. В настоящее время «Вингаз» — это 2 тысячи километров газопроводов на территории Германии и более 3 млрд. кубометров газа в хранилищах.

48 Создание интегрированного ведущего слоя (национальной элиты) — ключевое условие успеха социально-экономической модерни-

СУВЕРЕНИТЕТ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ...

зации (либо посттоталитарной реконструкции, как в случаях с Германией и Японией в 1945 году) любой страны.

В постреволюционной Франции в начале XIX века император Наполеон сумел сплотить новую элиту на основе офицерства революционной армии, уже сложившейся национальной буржуазии и созданной им бюрократии. Именно наличие такого ведущего слоя позволило стране пережить ряд серьезных политических потрясений (революции 1830 и 1848 годов, Парижская коммуна 1870 года и поражение в войне с Пруссией в 1871 году) и не утратить национальной государственности и суверенитета. В США после Гражданской войны 1863–1865 годов и отмены рабства начала складываться консолидированная национальная элита в рамках двухпартийной системы. Республиканцы и демократы — постоянные политические конкуренты, но во всех критических для страны ситуациях они выступают с позиций общепартийной политики (*by-partisan politics*), что и обеспечивает США ключевую позицию в мире после 1945 года.

В России основная трудность формирования солидарного ведущего слоя была связана с тем, что, начиная со времен реформ Петра Великого, стратегии модернизации, предлагавшиеся правительством и разделявшиеся так называемыми западниками, встречали жесткое противодействие со стороны сторонников антизападного самобытничества и изоляционизма (так называемых славянофилов и почвенников). В нынешней ситуации эта исторически унаследованная дихотомия национального самосознания дополняется еще двумя неблагоприятными факторами. Во-первых, в России в 1991 году по сути произошла буржуазная революция без буржуазии, поэтому бизнес-компонент нашего складывающегося ведущего слоя не имеет имманентного буржуазно-национального самосознания. Во-вторых, из-за тотального отступления государства и господства олигархического режима в 1990-е годы процесс выращивания новой генерации государственных служащих как национально ориентированной бюрократии стартовал только в период президентства Владимира Путина.

49 Национальная буржуазия, регулярная призывная армия и единая система среднего образования, создавшая единое пространство национальной культуры, — вот ключевые условия для создания современных наций-государств (*nation-states*).

Наиболее выдающимся примером стало создание в XIX веке объединенной Германии. В ходе Австро-прусской войны 1866 года решающая битва за ведущую роль в объединении германских земель про-

изошла при деревне Садова (Кениггрец) в Чехии 3 июля 1866 года. Солдаты регулярной прусской армии, воспитанные в школьной системе, ориентированной на национальные ценности, хорошо понимали, за что сражаются, в отличие от австрийцев. В итоге пруссаки разгромили австрийскую императорскую армию. Согласно мирному договору, Австрия соглашалась на роспуск марионеточного Германского союза, отказывалась от своих прав на земли Шлезвиг и Гольштейн и обязалась признать новый союз германских государств во главе с Пруссией.

50 Во второй половине XX века традиционное понимание демократии как «народоправия» стало дополняться различными существенными определениями. Так, например, в политической практике США при акценте на процессе принятия решений стали рассматривать такую форму, как консенсусная демократия. При акценте на процесс обсуждения до принятия решения стали говорить о делиберативной демократии. В тех случаях, когда решения принимаются исходя из предполагаемого по данному вопросу мнения большинства электората, говорят о партисипаторной демократии. В США также приняты такие термины, как биорегиональная демократия или экорегиональная демократия, для обозначения политики тех групп и движений, которые сосредоточены на проблематике защиты окружающей среды. Существует даже термин «тоталитарная демократия», используемый для описания ситуации, при которой процедура голосования бессмысленна, поскольку никакой разницы между кандидатами на властные позиции нет.

Дополнительные определения термина «демократия» используются и для описания партийно-политической системы Великобритании. В ее традиционном двухпартийном варианте она называется вестминстерской или мажоритарной. Однако с усилением роли третьей партии либеральных демократов как на общенациональном, так и на региональном уровнях стали говорить о переходе к многопартийной системе, определяемой как плюральная демократия.

Известный аргентинский политолог Гильермо О’Доннел для обозначения политических режимов, служащих переходом от авторитаризма к демократии, ввел понятие «делегативная демократия».

В новой редакции стратегии национальной безопасности США, одобренной президентом Джорджем Бушем 26 марта 2006 года, используются такие термины, как «эффективная демократия» и «незрелая демократия».

Термин «суверенная демократия», во-первых, обозначает такую ста-

дию развития российского народовластия, на которой преодолевается незаконное присвоение власти.

Право управления государством возвращается законно избранным институтам власти. Во-вторых, этот термин определяет позицию России в системе глобального распределения власти. Российский народ-суверен признается полностью самостоятельным, независимым и никому не подчиненным субъектом мировой политики.

Этот последний момент особенно актуален, поскольку множатся примеры демократий, не являющихся суверенными. Нередко сами процессы «демократизации» в таких странах иницируются и осуществляются либо в форме оранжевых революций, либо в форме военной интервенции. Иногда высшие власти в таких «демократиях» находятся на прямом содержании иностранных государств. Разумеется, в таких случаях говорить о подлинной демократии как самоуправлении народа невозможно.

К числу стран, в которых демократизация прямо связана с потерей суверенитета, можно отнести Афганистан и в особенности Ирак.

Без военных интервенций, но посредством так называемых оранжевых революций процессы «демократизации» были инициированы в Грузии (ноябрь 2003 года) и в Украине (ноябрь 2004 года). В результате суверенитет обеих этих стран оказался существенно ограничен, поскольку их власти практически целиком зависят от решений, принимаемых руководством США, НАТО и Евросоюза. В случае с Грузией утрата суверенитета оказалась радикальной. После отставки президента Эдуарда Шеварднадзе в ноябре 2003 года новое правительство во главе с президентом Михаилом Саакашвили финансировалось из средств частного трастового фонда, созданного американским миллиардером Джорджем Соросом лишь при формальном участии ООН. Наконец, министром иностранных дел Грузии стала гражданка Франции. Фактически это явилось отражением экономической и политической несостоятельности государства, утратившего суверенитет.

- 51 Попытки нарушить межнациональный мир и установить в стране господство какого-то одного народа контрпродуктивны с точки зрения перспектив России как энергетической сверхдержавы. Нельзя забывать, что наши сырьевые ресурсы (нефть, газ, драгоценные металлы и так далее) находятся на территориях самых разных субъектов РФ, в том числе и национальных. Самые наглядные примеры — Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа, Республика Татарстан (см. табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес некоторых национальных субъектов РФ в запасах нефти и природного газа в России

Субъект РФ	Запасы нефти, %	Запасы газа, %
Ханты-Мансийский АО	55	14
Ямало-Ненецкий АО	17	69
Республика Татарстан	4	—
Ненецкий АО	4	1

«Россия, как и большинство крупнейших стран Европы, сталкивается с проблемами нелегальной миграции, этнической преступности, межнационального напряжения. Безусловно, те, кто приезжает к нам учиться и работать, обязаны уважать и законы Российской Федерации, и традиции русского общества. В то же время распространяемая некоторыми политическими группировками ненависть к приезжим оскорбляет и традицию, и закон. Она не только никак не связана с русским патриотизмом, но и прямо враждебна ему.

Наша история показывает, что русские цели всегда выходят далеко за пределы национального быта.

Русская общественная мысль — и православная, и либеральная, и охранительная — ищет понимания у всех и справедливости для всех.

Всякое большое русское дело, будь то Третий Рим или Третий интернационал, всегда бывало делом сверхэтническим, общим для многих народов. Нет никаких сомнений, что и развиваемый сегодня русский демократический проект открыт для всех народов России. И не только России.

Русская политическая культура отвергает этническую самоизоляцию, исходит из межнационального мира и стремится к нему.

Быть русским, помимо прочего, это еще и быть ответственным за бережное обновление уникальной собирательной и объединительной российской цивилизации»*.

52 Веймарская республика — германское государство в 1919–1933 годах.

В соответствии с конституцией Германии, принятой 31 июля 1919 года в

СУВЕРЕНИТЕТ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНОНИМ...

Веймаре Национальным собранием (избрано в январе 1919-го), была установлена демократическая парламентская федеративная республика. Хотя на выборах в рейхстаг в июле 1932 года партия Адольфа Гитлера НСДАП (Национал-социалистическая германская рабочая партия) получила 230 депутатских мест из 601 и стала крупнейшей партией в рейхстаге, она не смогла завоевать большинства и не могла самостоятельно сформировать правительство. На выборах в ноябре 1932 года наметилось падение популярности НСДАП. Тем не менее 30 января 1933 года президент Пауль фон Гинденбург под давлением лидера католической партии Центра Франца фон Папена и других представителей правых партий назначил рейхсканцлером Гитлера. Сам Папен стал вице-канцлером. И он, и другие правые политики рассчитывали, что они смогут держать Гитлера, которого они считали малограмотным выскочкой, под своим контролем. Все получилось ровно наоборот. То есть вопреки общераспространенному мнению, что Гитлера поддержало большинство немцев, это далеко не так. Он захватил власть благодаря политической недалекости немецких политиков и недостаткам формальных демократических процедур.

Эти недостатки, кстати, существуют и сегодня. После случившейся в начале 2006 года победы Хамас на выборах в палестинский парламент президент США Джордж Буш огласил новую доктрину национальной безопасности страны. В этом документе прямо говорится о том, что «участие в выборах отдельных лиц и партий должно сопровождаться их приверженностью ряду принципов — равенству всех граждан, правам меньшинств, гражданским свободам...», но эти принципы «подлежат проверке» (кто и каким образом будет их пересматривать, разумеется, очевидно — сами же США). Тем самым впервые в демократической практике фиксируется новое требование к выборам — демократичность зависит не от соответствия итоговых результатов реальному мнению граждан, а от того, насколько «допустимыми» являются идеи, предлагаемые участниками выборов.

Единство власти — необходимое условие единства нации. Конечно, выборы руководителей субъектов Федерации законодательными собраниями по представлению президента не обеспечат сами по себе скорой победы над врагом. Но позволят значительно увеличить запас прочности нашей политической системы, адаптировать государственный механизм к экстремальным условиям необъявленной войны.

«ПУТИН УКРЕПЛЯЕТ ГОСУДАРСТВО, А НЕ СЕБЯ»

Зачем нужны меры, которые предлагает власть?
— Четвертого сентября президент заявил, что на Россию совершено нападение, что страна фактически находится в состоянии войны. Когда приходит беда, первый вопрос возникает сам собой: почему мы? Почему это случилось именно с нами?

Вы знаете, в Америке, Европе и на Востоке среди людей, принимающих решение, можно выделить две основные группы, различающиеся отношением к нашей стране. Представители первой верят в перспективность нашей демократии, поддерживают нас, направляют свои усилия на возрождение и укрепление России как важной составляющей мирового геополитического баланса, как значительного рынка сбыта, как доброго соседа и надежного союзника.

Вторая группа, как мне представляется, состоит из деятелей, продолжающих жить фобиями холодной войны, рассматривающих нашу страну как потенциального противника, препятствующих осуществлению полной финансовой блокады террористов и их по-

литической изоляции. Они считают своей заслугой почти бескровный коллапс Советского Союза и пытаются развить успех. Их цель — разрушение России и заполнение ее огромного пространства многочисленными недееспособными квазигосударственными образованиями.

К сожалению, у них есть не только цели, но и средства. И средства эти отчасти предоставляет им само наше общество. Невиданная коррупция и невнятная социально-экономическая политика на Северном Кавказе, помноженные на трагические ошибки прошлого, воспроизводят в закритических объемах уголовщину всех мастей. А уголовщине — ей все равно, что грабеж, что «борьба за независимость». Становясь частью разветвленной сети террористического интернационала, похитители людей и детоубийцы начинают обслуживать разного рода сомнительные политические проекты. Технология, надо сказать, не первой свежести. Детонация наших южных рубежей как способ ослабления России использовалась и в XIX, и в XX веке неоднократно. Надо бы об этом помнить.

— Но ведь было же 11 сентября в Нью-Йорке, были теракты в Испании... Что, нужны новые, более кровавые подтверждения того, что террористическая угроза носит глобальный характер? Что еще, на ваш взгляд, должно произойти, чтобы все объединились? Чтобы прекратилась политика двойных стандартов, о которой так часто говорят в Кремле?

— Крайне противоречивые оценки происходящего в России связаны с нежеланием современного человека отказаться от позитивистских иллюзий. Мир, оказывается, не так прекрасен и разумен, как хотелось бы. В нем обитает враг, с которым нельзя справиться так называемыми цивилизованными методами: уговорить, подкупить, обмануть, натравить на соседа.

Не случайно Владимир Путин в одном из своих недавних выступлений сравнил подобную реакцию части мировой элиты с настроениями конца 30-х годов прошлого столетия. Подписание накануне Второй мировой войны Мюнхенских соглашений и печально известного пакта Молотова — Риббентропа — это глупые попытки «накормить хищника чужим мясом», за счет других обеспечить собственную безопасность. Как известно, Гитлера это не остановило. И антигитлеровская коалиция сложилась только после того, как Гитлер достал всех и каждого по отдельности. Жертв и тогда могло быть меньше, но история, понятно, ничему не учит.

— В дни бесланской трагедии вновь высказывались призывы к переговорам с сепаратистами...

— Да, как будто по чьей-то команде...

Может, я что-то пропустил, но мне за все эти годы не повезло ни разу услышать ясных и четких предложений по урегулированию кризиса. Все, что делает власть, объявляется неправильным. А что правильно?

Переговоры? Пожалуйста! О чем? С кем? Каковы переговорные позиции? Каким должен быть результат? Не слышу!

— **Вывод войск, международный статус либо независимость Чечни...**

— Ну разве что... Как все просто! Немного смахивает на государственную измену, подстрекает к предательству чеченского народа, всех, кто на Кавказе верит России, зато просто. Я вам открою один секрет. У чеченской проблемы, как и у проблемы мирового терроризма, нет простого решения, а решение есть — только сложное, трудное. И мы его начали реализовывать. Это активная социализация Северного Кавказа, поэтапное создание демократических институтов и основ гражданского общества, эффективной правоохранительной системы, производственных мощностей и социальной инфраструктуры, преодоление массовой безработицы, коррупции, провала в сфере культуры и образования. На этом пути будут и остановки, и даже жертвы. Путь этот не прямой и не короткий, он единственный.

Что касается независимости, давайте вспомним недавнее прошлое. Как известно, по Хасавюртовскому соглашению у Чечни был отложенный статус, что фактически означало ее независимость. Несмотря на это, Российская Федерация финансировала Ичкеррию, рассчитывая, видимо, купить немного безопасности. Ичкерийские бандиты были всевластны: они организовали «шариатские» суды, практиковали публичные казни, избивали своих единоверцев палками, отрезали им руки, головы. Куда, кстати, смотрели тогда правозащитники?

Итак, Ичкерия была независимой. Однако угроза от этого никуда не исчезла. Более того, она многократно возросла. Ичкерийские бандиты не остановились на достигнутом и через некоторое время напали на Дагестан.

Что же, надо было отдать им на растерзание Дагестан? Потом они взорвали дома в Москве. Надо было сдать Москву?

И еще — о переговорах. Кем были президент Ахмат Кадыров и Герой России Джабраил Ямадаев? Они были сепаратистами, воевали против нас. Но разобрались, что скрывается за болтовней о независимости, и перешли на сторону своего народа, на сторону России.

Как и тысячи других бывших боевиков, многим из которых сегодня доверено оружие и право служить в чеченской милиции, в наших вооруженных силах. Федерация четырежды объявляла амнистию участникам бандформирований.

Россия умеет просить прощения и умеет прощать. Для тех, кто хочет мира, двери открыты всегда.

— Президент предложил три пакета первоочередных мер по отражению террористической агрессии. Первый касается механизма антикризисного реагирования и оптимизации деятельности силового блока. Второй призван активизировать социализацию Юга России. Третий пакет предложений, самый спорный, подразумевает проведение беспрецедентной политической реформы. Объясните, как может помочь в борьбе с терроризмом новый порядок избрания губернаторов и депутатов Государственной Думы?

— Главной задачей интервентов является уничтожение российской государственности. Перед лицом такой угрозы президент просто обязан в полной мере реализовать конституционный принцип единства исполнительной власти. Единство власти — необходимое условие единства нации. Конечно, выборы руководителей субъектов Федерации законодательными собраниями по представлению президента не обеспечат сами по себе скорой победы над врагом. Но позволят значительно увеличить запас прочности нашей политической системы, адаптировать государственный механизм к экстремальным условиям необъявленной войны. Высшие должностные лица региона получают больше прав. Прекратится соревнование между центром и территориями по уходу от ответственности за политические ошибки и организационные просчеты.

— И все же есть мнение, что Путин воспользовался бесланскими событиями для укрепления личной власти и свертывания демократии. Насколько обоснованны опасения, высказываемые в этой связи некоторыми российскими и зарубежными политиками?

— Западным политикам нужно знать, что Россия является единственной федерацией в мире, субъекты которой могут иметь статус национальных республик. Думаю, в Вашингтоне понимали бы нас лучше, если бы в состав США входили бы, например, афроамериканская республика или испано-еврейский автономный округ. Наша страна уникальна и требует соответствующей системы управления. Что касается некоторых наших, то они либо не хотят добросовестно разобраться, либо сознательно идут на обман публики.

Путин укрепляет государство, а не себя. Его авторитет и так достаточно высок, и у него нет проблем в отношениях с региональными лидерами. Новая схема заработает не вдруг и не для Путина лично.

Предстоит переходный период, который растянется на несколько лет.

Все избранные по действующим правилам руководители доработают положенные сроки. Потребуется время для внесения изменений в конституции и уставы субъектов Федерации. Только к 2009 году все руководители регионов будут избраны в соответствии с новым законом.

Кроме того, пропрезидентская «Единая Россия» имеет большинство лишь в 17 из 89 региональных парламентов. Во многих субъектах РФ при формировании исполнительной власти президент будет взаимодействовать с оппозицией.

— Кстати, об оппозиции. Кому выгоден переход на пропорциональную систему выборов депутатов Государственной Думы?

— Давайте посчитаем. Из 221 депутата, избранного в одномандатных округах, 184 (!) входят во фракцию «Единой России». То есть именно действующая смешанная система выборов, и только она, дает нашей партии столь огорчающее многих конституционное большинство. Если бы парламентские выборы 2003 года проходили по новой схеме (давайте я вам приведу некоторые цифры, они у меня есть), «Единая Россия» имела бы только 239 депутатских мандатов вместо 305. Оппозиционные же партии получили бы значительно больше мест в Думе: КПРФ — 80 вместо 51, ЛДПР — 73 вместо 36, «Родина» — 58 вместо 39.

Так что должен вас разочаровать — и эта реформа не «под Путина», ведь пропрезидентской партии она, мягко говоря, не очень выгодна. Плюс для пропрезидентской партии только один — необходимость резко наращивать темпы и качество партстроительства.

Куда больше плюсов для российской демократии в целом. Выборы по партийным спискам обеспечат большую репрезентативность. Точнее отразят электоральные предпочтения, снизят коррумпированность депутатского корпуса. От состязания остроумий и политтехнологических приемов приведут к добросовестной конкуренции идей и программ. И, наконец, вернут оппозицию из политического небытия.

— А зачем власти осложнять себе жизнь, укрепляя своими руками оппозиционные партии? Вы их так любите?

— Любим — не любим, речь не об этом, а о том, что развитая многопартийная политическая система поможет России повысить национальный иммунитет к разного рода экстремистской заразе.

Напомню: вирус терроризма поразил государство как раз в то время, когда замкнутые в своих опереточных суверенитетах регионы и дохлые одноразовые партии были не в состоянии противостоять царившему в стране хаосу, а зачастую сами провоцировали его из мелкокорыстных побуждений.

Этот период нефеодалной раздробленности, который мы пережили в 1990-х годах, привел к возникновению бандитской Ичкерии и стал прологом террористической интервенции. Это не должно повториться.

— Что делать обществу, обычным гражданам, если никто не в состоянии гарантировать элементарную безопасность?

— Я считаю, что мобилизация нации на борьбу с терроризмом — главное в программе президента, обнародованной 13 сентября. Все мы должны осознать — враг у ворот. Фронт проходит через каждый город, каждую улицу, каждый дом. Нам нужны бдительность, солидарность, взаимовыручка, объединение усилий граждан и государства.

Френсис Фукуяма в одной из своих работ отмечает, что для посттоталитарных обществ характерен дефицит социального капитала, навыков совместных действий, доверия граждан друг к другу. Увы, и наше общество здесь не исключение. Нравственный кризис, возникший в недрах псевдоколлективистского коммунистического режима, продолжается и поныне. Моральное большинство формируется медленно. Неистребимые персонажи журнала «Фитиль» — несуны и болтуны, стукачи и взяточники, очковтиратели и чинодралы — орудуют и теперь так же проворно, как в советскую старину.

Поэтому настоящему коллективизму нам придется учиться заново. И не по Владимиру Ленину, а на опыте гражданского общества. Раскрепостить частную инициативу в деле государственного строительства и общественной безопасности — первейшее условие нашей победы в войне с террором. К этой работе надо подключить и гражданские союзы, и систему образования, и массмедиа, и правоохранительные органы.

— Видимо, для решения именно этой задачи президент инициировал создание Общественной палаты? Расскажите, что она все-таки будет собой представлять?

— Порядок формирования и деятельность Общественной палаты должны быть установлены федеральным законом. Подготовка соответствующего законопроекта должна осуществляться при самом широком участии гражданских объединений — их мнение должно

стать определяющим. Пока могу лишь поделиться собственными соображениями.

Общественная палата может функционировать при Федеральном Собрании. Она должна работать на постоянной основе. В ней должны быть представлены как всероссийские, так и региональные гражданские союзы. Представители этих союзов не должны занимать государственные должности и руководящие посты в политических партиях.

На первом этапе делегировать общественных деятелей в состав палаты на двухлетний срок могли бы все ветви государственной власти, либо политические партии, получившие в ходе последних парламентских выборов более одного процента голосов, либо особые коллегии выборщиков в регионах. На втором этапе члены палаты могли бы получить право самостоятельной кооптации новых представителей, что позволит снизить влияние политических структур на деятельность независимых экспертов.

Новая структура призвана поставить бюрократию под гражданский контроль и обеспечить общественную экспертизу важнейших законопроектов и подзаконных актов.

Для этого

Общественная палата должна иметь надежный механизм сотрудничества с государственным аппаратом, судебной системой, гарантированный доступ к средствам массовой информации.

Она также могла бы распределять государственные гранты на поддержку некоммерческого сектора, проводить публичные расследования по факту нарушений гражданских прав.

Скептики утверждают, что все эти функции должен выполнять парламент. Да, должен и выполняет. Только на свой манер. Родовая травма парламентаризма — оглядка на выборы, прошедшие и предстоящие.

Парламентские дискуссии всегда и везде в той или иной степени отдают популизмом, а при нашем довольно низком уровне политической культуры часто превращаются в фарс. Эксперты Общественной палаты от политической конъюнктуры зависят будут куда меньше, что позволит им быть объективнее и корректировать непродуманные решения властей. Не зря ведь и Европарламент, и парламенты многих старейших демократий используют различные механизмы постоянного взаимодействия с гражданским обществом.

— Вы не опасаетесь, что упомянутые вами скептики из числа общественных и политических деятелей откажутся сотрудничать с властью как в рамках Общественной палаты, так и за ее пределами?

— Отказ от участия в совместной работе — тоже позиция. В таком случае нужно набраться терпения и не терять надежды на возобновление диалога. Убеждение — основной инструмент демократии. Хотя, конечно, есть люди, навсегда потерянные для партнерства.

Фактически в осажденной стране возникла пятая колонна левых и правых радикалов. Лимоны и некоторые яблоки растут теперь на одной ветке. У фальшивых либералов и настоящих нацистов все больше общего — общие спонсоры зарубежного происхождения. Общая ненависть к путинской, как они говорят, России, а на самом деле к России как таковой. Ничего удивительного — о таких писал еще Достоевский. И сегодня все эти Смердяковы и Лямшины приятно проводят время в разного рода комитетах по ожиданию восьмого года, где проповедуют целесообразность поражения собственной страны в войне с террором. Бог им судья. Справимся без них.

Еще раз повторю — моральное большинство формируется медленно. Но оно формируется. Наша молодая демократия докажет свою жизнеспособность и эффективность.

Модернизация и солидарность крупнейших общественных корпораций — профессиональных объединений и религиозных конфессий, государственной бюрократии и политических партий, правозащитных организаций и судебной-правоохранительной системы — обязательно приведут Россию к победе.

В стране с таким удельным весом ВПК; такими коммуникациями; таким отсутствием рыночных менеджеров; с такими традициями и менталитетом; такой изношенностью машинного парка; такой политической системой; такой бюрократией; такой теневой экономикой не сработает «невидимая рука рынка». И не сработала так, как это планировали. Пора уже видеть вещи как они есть — и менять экономическую политику.

«ГОСУДАРСТВО, КАПИТАЛ, ВОЛЯ»

Владислав Юрьевич, в канун Нового года первый вопрос, естественно: что этот год нам готовит? Начнется ли наконец тот экономический подъем, о неизбежности которого нам так долго говорили господа из правительства?

— Я думаю, что если экономическая политика не будет существенно изменена, то о подъеме всерьез говорить нечего. Скажу даже сильнее — если у нас не появится настоящее государственное управление экономикой, не будет и экономического подъема.

— От руководства частной компании, частного банка довольно странно слышать слова о «государственном управлении экономикой». Вы хотите, чтобы вас опять национализировали?

— Давайте разберемся. В 1991 году, когда Егор Гайдар и его команда разрабатывали стратегию реформ, у них, как у настоящих монетаристов, неолибералов, последователей Милтона Фридмана и Фридриха фон Хайека, а в конечном счете — Адама Смита, была вполне определенная идеология. Если выразить ее в двух

фразах, во-первых, государство обязано как можно меньше лезть в экономику, «невидимая рука рынка» сама все расставит по своим местам, только не мешайте, и, во-вторых, для свободной игры экономических сил необходима твердая, стабильная валюта.

Прошло пять лет. За пять лет можно проверить действенность этой теории применительно к такой экспериментальной площадке, как Россия.

Результат — тотальный экономический кризис при полном отсутствии структурных реформ.

Теперь возвращаюсь к вашему первому вопросу: будет ли в 1997-м подъем? Повторяю — объективные предпосылки для этого увидеть пока трудно.

Правительство, по своей теории, рассчитывает так. За эти годы банки накопили некоторые капиталы. Но мы, правительство, своей целенаправленной политикой загнали их, эти самые банки, в узкий коридор. Валютный коридор все уже — значит, уже не развернешься в валютных спекуляциях, таких сверхприбылей, какие были, на этих операциях больше не заработаешь. Определенной стабилизации рубля вроде добились. Дальше. Доходность операций с ГКО тоже удалось сильно понизить. Одновременно понижают и кредитную ставку ЦБ. Для чего это делается?

Банкам надо куда-то вкладывать деньги. Их загоняют в такой коридор, из которого, по мнению правительства, один выход, один свет в конце тоннеля — вкладывать деньги в производство, больше вкладывать просто не во что. Значит, банки начнут вкладывать деньги туда, и машина экономики начнет оживать, начнется экономический подъем.

— **Звучит логично. Вы с этим не согласны?**

— Конечно, логично — ведь это же все по теории. И это, скажем, было бы идеально именно для нашего банка. МЕНАТЕП — инвестиционный банк, вся наша стратегия связана не с валютными спекуляциями, не с игрой на государственных ценных бумагах, а именно с вложениями в производство. Мы вкладываемся в производство уже давно, стараемся сработать на перспективу. На сегодняшний день мы имеем очень сильные позиции в ряде мощных отраслей — нефтяной, химической, легкой, еще в некоторых. Мы банк, связавший себя с производством, с ростом экономики, государства, мы в этом смысле — «государственный» банк.

И вот, я повторяю, как бы мы ни хотели реального подъема производства, как бы в нем ни нуждались, как бы о нем ни мечтали, но

надо быть реалистами. Если все сохранится как сегодня, то настоящего подъема в 1997-м ждать нечего.

— Но почему? Стратегия правительства, как вы ее описали, вполне логична. Из теории она вытекает или не из теории, но она понятна. Банкам действительно надо же куда-то вкладывать деньги. Государство своей макроэкономической стратегией создало такие условия, когда на чистой спекуляции больше не заработаешь. Вот деньги и пойдут в производство, оно и начнет оживать. Где же тут ошибка?

— Знаете, у Фазиля Искандера есть повесть «Созвездие Козлотура». Вот там есть замечательная фраза.

Один герой говорит: «Интересное начинание — но не для нашего климата!». Там намекают на социализм. Я могу сказать то же самое про либерализм. Про ортодоксально-либеральную экономическую политику, исходя из идеологии которой и ждут экономического подъема.

— Но почему же она все-таки не работает?

— Неправильный вопрос. Правильно спросить: почему она не работает? Ответ — потому что это «начинание» не для «нашего климата».

В стране с таким удельным весом ВПК; такими коммуникациями; таким отсутствием рыночных менеджеров; с такими традициями и менталитетом; такой изношенностью машинного парка; такой политической системой; такой бюрократией; такой теневой экономикой; такой... Я перечислил почти наугад. Каждого обстоятельства достаточно, а есть еще много других.

Нет, не работает здесь «невидимая рука рынка». И не работала так, как это планировали. Пора уже видеть вещи как они есть — и менять экономическую политику.

Сейчас мы опять живем в системе экономических миражей и галлюцинаций. Последние 20 лет коммунистическая власть жила по анекдоту «задернем поплотнее шторы в поезде и будем объявлять новые остановки». Планы не выполнялись и «корректировались», а потом объявлялось о перевыполнении, бюджет не исполнялся, работала скрытая инфляция в виде товарного дефицита и спекуляции и скрытая безработица. Возник даже термин такой — экономика торга, то есть план являлся не планом, а поводом для отраслей и регионов поторговаться с правительством и ЦК, приходя в итоге к некоему среднему результату. Так платили за господство официальной комму-

нистической идеологии. Эта ложь и сгубила экономику СССР. В 1992-м сказали правду — освободили цены, привели их в соответствие с реальностью. Удар, шок был страшный — но это была цена правды, за которую, кстати, в исторической перспективе Россия должна отблагодарить Егора Тимуровича.

А сейчас? Во-первых, что будет с финансовой стабилизацией, если мы реально профинансируем все зарплаты, пенсии и федеральные программы? Во-вторых, почему принимается заведомо невыполнимый бюджет? Государство само поощряет «взаимозачеты». Скажем, селу выдаются кредиты под горюче-смазочные материалы. Эти кредиты не возвращаются и не взыскиваются. Просто государство тихонько говорит: ладно, эти кредиты с вас не взыщем, зато мы вам дотации на удобрения дадим не полностью. Блестящая финансовая находка! Знать бы еще только, как земле обойтись без удобрений.

В общем, опять мы лукавим и платим за господство иллюзорной экономической идеологии. И эти иллюзии так же разрушительны, а в условиях демократии они быстрее ведут к краху.

— **И все-таки: как это связано с перспективами на 1997 год?**

— Несмотря на все усилия государства, основной массе банков невыгодно вкладываться в производство. Куда мы денем риски, неэффективный менеджмент, просто криминал, наконец? Складывается странная ситуация. Прежние источники прибылей, сверхприбылей — те же финансово-валютные спекуляции — зажали. Но вкладываться в производство по-прежнему невыгодно. Получаем двойную стагнацию. Нашей экономике необходимо эффективное управление. Управление со стороны крупного капитала и государства.

Что одно государство без частного капитала не справляется, доказали 70 лет. Что один капитал без государства не справляется, доказывают последние пять лет. Нужен союз государства и капитала.

— Разве его нет? Нынешнюю экономическую систему почти официально называют «номенклатурным капитализмом», а известный эксперт Андрей Илларионов говорит, что доля государства в нашей экономике во много раз выше, чем в любой другой стране. Больше того, он уверен, что именно от чрезмерного государственного участия все беды нашей экономики.

— Да, по формальной доле «государственного капитала» наша экономика вполне может считаться государственно-монополистической. Но толку что? Государство не осуществляет реального управления.

— Зато чиновники сами крутятся, взятки берут.

— Не во взятках дело! Это очень дешевый, поверхностный взгляд! Да, взятки — зло. Но Меншиков был чемпионом по коррупции во всей Российской империи — и одновременно великим государственным деятелем. Берут взятки — наказывайте. Но не сводите всю проблему государственного управления, государственного участия в экономике к тому, кто берет, кто не берет. Это — подробности жизни чиновника, как то, есть ли у него любовница и играет ли он в теннис. Что он делает, какие экономические идеи проводит, к чему стремится — вот вопрос, вот что важно.

Если государство четко не сформулировало свои цели, свою систему экономических приоритетов, производственную, промышленную, геополитическую, внешнеторговую, технологическую политику, тогда верно — все отдано на откуп, на произвол отдельных чиновников. Тогда все может сводиться к взяткам, но и без взяток все будет только расшатываться и гнить.

Но вообще-то

государство — не механическая сумма чиновников. Не отдельные чиновники и их кланы, а государство должно задавать общие цели государственного управления экономикой — на 10–15–20 лет

и на более короткий срок. Вот тогда со взятками или без взяток, но чиновники будут не хаотически толкаться куда горазды, а двигаться в определенном направлении. Так, как это происходит, скажем, в области финансовой политики. Поставили цель — снизить инфляцию, снизить процентную ставку, сбить доходность по ГКО. И движемся (пусть не так победно, как рапортуем) в этом направлении. Я только говорю, что одного этого недостаточно. Нужна хотя бы такая же по проработанности инвестиционная, промышленная политика. Вот тогда экономика сможет реально двигаться вперед.

Вообще все — яд и все — лекарство, вопрос только в дозе. Нет ничего дурного в той или иной экономической идеологии, просто не надо превращать идеи в догмы и впадать в крайности.

Необходимо определить систему наших приоритетов. Не отказываясь от программы финансовой стабилизации, заняться промышленностью. Мы не можем, не в силах развивать и просто держать на плаву все отрасли. Что является мотором нашей экономики? Газонефтяная отрасль или ВПК? Что делать с угольными шах-

тами? Нужна нам легкая промышленность или она обречена на гибель?

Определить здесь жесткую систему приоритетов. Выделить головные, прорывные отрасли. Помочь — хотя бы в плане налоговых послаблений — банкам, которые эти отрасли будут вытягивать. Ослабить антиинфляционную политику настолько, чтобы дать отдушину для развития именно этих отраслей. Какие-то предприятия (отрасли) можно взять в прямое управление (а то и в собственность) государства.

Вот все это вместе и называется активной и осмысленной государственной политикой. А не так, как сейчас, — отпустить все на волю финансовых волн... предварительно уничтожив сами эти волны.

— Но ведь это пытаются сделать каждый год. И не выходит. Каждая отрасль важна — если не экономически, то социально, политически...

— Вот-вот! Находят 300 приоритетных направлений экономики. Конечно, это значит, что нет ни одного реально приоритетного. Вот и стоим на месте.

— Что же делать, чтобы пойти?

— Как что? Сделать шаг!

Нужна воля. Как на войне — за счет одних участков (их сознательно оголяют) собрать все силы на направлении прорыва. А как же иначе?

Да, кому-то будет больно. Но стоять на месте тоже больно, еще больнее и перспективы нет. Надо определить наконец приоритеты — и пойти. И нужно подумать, как переучить, как помочь с миграцией тем, кто трудится в «мертвых», безнадежных отраслях, а не держать людей искусственно в полумертвом, полуголодном существовании. Надо жить не по принципу «день прошел — и ладно», а ставя и решая стратегические задачи.

Тут нужно волевое решение. Союз государства, капитала и воли, государственной воли — вот что нам необходимо, а рычаги управления не потеряны, они просто ржавеют без дела.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	5
Русская политическая культура. Взгляд из утопии. <i>Лекция, прочитанная в Российской академии наук 8 июня 2007 года</i>	9
Напутствие начинающему либералу. <i>Выступление в рамках круглого стола «Февральская революция: история и современность» 13 марта 2007 года</i>	29
История не повторяется. <i>Выступление на конференции в МГИМО, посвященной 125-летию со дня рождения Франклина Делано Рузвельта, 9 февраля 2007 года</i>	37
Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию	43
§ 0. Предположение	43
§ 1. Определение	44
§ 2. Дополнение	44
§ 3. Возражение	45
§ 4. Контекст	46
§ 5. Ударение	47
§ 6. Суверенная	48
§ 7. Демократия	49
§ 8. Работа	51
§ 9. Сомнения	53
§ 10. Русские	54
§ 11. Европа	55
§ 12. Скромность	56
§ 13. Величие	56
§ P. S.	57
«Политика — это прежде всего текст». <i>Выступление на встрече с молодыми писателями 17 ноября 2006 года</i>	59
«Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность». <i>Выступления в рамках круглого стола в «Российской газете» 6 сентября 2006 года</i>	73
«Быть свободной нацией среди свободных наций». <i>Пресс-конференция для иностранных журналистов 28 июня 2006 года</i>	109
Суверенитет — политический синоним конкурентоспособности. <i>Выступление перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года</i>	125
«Путин укрепляет государство, а не себя». <i>Интервью газете «Комсомольская правда» 29 сентября 2004 года</i>	175
«Государство, капитал, воля». <i>Интервью журналу «Деловые люди» 1 января 1997 года</i>	185

ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ

ТЕКСТЫ 97–07

Директор *В. Глазычев*

Главный редактор *Г. Павловский*

Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*

Художественный редактор *С. Захаров*

Технический редактор *А. Монахов*

Оформление обложки *С. Ильницкий*

Корректор *В. Кинша*

Верстка *П. Ольховский*

В оформлении книги использована
фотография ИТАР-ТАСС

Подписано в печать 25.03.2008.

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$ Гарнитура Newton.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,6.

Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»

119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.

Тел. 745-52-25, факс 725-78-67

e-mail: info@europublish.ru

www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в «Типографии Момент»